

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**СТРАСТЬ – ЭТО
ЛЮБОВЬ?**

Оглавление

О КНИГЕ.....	3
Страсть - это любовь?	6
Братья Григорьевы, или семейная идиллия	62
Мысли наизнанку, или Записки из тайника души	103
Размышление о воле.....	144
Самоидентификация.....	164
Схожесть желаний	183

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

«И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она - сеть, и сердце ее - силки, и руки ее - оковы...»

Екклесиаст 7:26

С.А.

Зелинский

**Страсть – это
любовь?**

СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

Страсть – это любовь?

С. А. Зелинский.

Страсть – это любовь? Сборник
повестей.— CANADA.: Altaspera Publishing &
Literary Agency Inc, 2014. — 180 с.

ISBN 9781312347991

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Сборник повестей «Страсть – это любовь?»

Повесть

Страсть - это любовь?

«И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она -
сеть, и сердце ее - силки, и руки ее - оковы...»

Екклесиаст 7:26

В который уж раз я начинаю задаваться мучившим меня вопросом - а в последнее время подобные мысли отчего-то стали требовать неперменного ответа (вопрос: положительного или отрицательного?!) - к какому периоду своей жизни стоило относить те пять лет, которые по насыщенности событиями, пожалуй, могли бы сравниться с иными десятилетиями. Пять лет, которые я (порой, такие мысли приходят тоже) и не прожил вовсе...

--Что это было?.. Любовь, страсть, секс, наслаждение, жизнь... Быть может, это на самом деле была жизнь?.. В том плане, что без нее бы не было и меня?.. Не знаю... Действительно не знаю?.. Но именно сейчас (хотя - только ли сейчас?!) я осознаю, что пришло время разобраться в этом...

Пролог

--А скажи - ты и вправду меня любишь?- случайный вопрос, заданный восседавшей у меня на коленях обнаженной 16-тилетней девушкой, казалось бы, смутил нас обоих. В те годы я был еще неопытным юношей; было мне 18 лет; и я впервые привел девушку в родительский дом, используя момент, когда они заведомо должны были задержаться на каком-то юбилее 'знакомого' то ли папы, то ли мамы - и вот теперь эта девушка смотрела на меня, готовая прыснуть от смеха в ожидании от меня положительного ответа.

--Конечно, люблю! - был мой ответ, достаточно тривиальный по сути (но в оправдание можно сказать, что и вопрос-то был 'не ахти'), но который явно пришелся по душе Марине, отчего она - как и предполагалось - разразилась громким, веселым, и задиристым смехом, заражая им и меня, так что уже в следующее мгновение мы дружно хохотали, обнявшись и перекатываясь по расстеленной родительской кровати. Вообще, стоит заметить, что ничего подобного тому, чем, быть может, нам бы и предполагалось заниматься в постели - используя наш возраст, внешний (ну, то есть, совершенно обнаженный) вид - да 'сообразность момента' - не было и в помине. Вот теперь, например, мы полулежали на кровати, у изголовья которой стояла ваза со спелыми, недавно сорванными вишнями (на дворе стояло лето, дачи были почти у всех жителей небольшого южного городка, где мы жили). Что до меня, то я никогда не был большим поклонником каких-нибудь ягод, - за исключением, быть может, клубники,-- и тогда уже Марина являла в этом плане мою полную противоположность, о чем и можно было догадаться, глядя на ее

озаренный улыбкой и красный от сока рот, в которой она то и дело отправляла спело-сине-красную ягодку. Причем, она это делала столь аппетитно, что на миг и мне захотелось последовать ее примеру.

--Станислав?! (Станислав, так звали меня, я был студент 1-го - нет, теперь уже второго, ведь сейчас как раз были каникулы - курса, и учился в Ленинградском Государственном Университете, на факультете истории), - Марина вопросительно, и как-то по особому посмотрела на меня.

--?

--А ты вправду считаешь, что у нас все должно произойти? - с какой-то затаенно-боязливой грустью поинтересовалась девушка.

За несколько месяцев нашего знакомства, за которые я успел даже познакомиться с мамой Марины -- Аллой Викторовной - которая в свои сорок любезно просила называть ее Лелей, отношения между нами можно было назвать исключительно товарищескими. И вот только теперь, чувствуя, вероятно, что Марина сама ждет от меня чего-то большего - я решился предложить ей встретиться наедине (ну, то есть, без нахождения в квартире кого-нибудь из взрослых, как то было раньше).

Но вот как раз этого-то я сейчас и опасался. Потому как уже оказалась допита бутылка шампанского, уже была сброшена немногочисленная одежда (лето...лето...), что оказалась на нас, и даже до того пуритански настроенная Марина - да и я - уже почувствовали себя намного раскрепощеннее, но... но вот что нужно было делать дальше - я не знал... Ну, понимаете... как бы это объяснить?.. На дворе был конец 80-х... Страна находилась в

последней фазе строительства 'развитого коммунизма'; всякая там эротика (и боже упаси - порнография, за это до сих пор сажали в тюрьму) была незаконна; и получалось так, что в силу природной скромности и застенчивости (со временем переросших в замкнутость), у меня так и не появилось возможности что-то узнать о том, как делается это...

Минул час; затем другой; легкий налет алкоголя от выпитого шампанского уже начинал улетучиваться, родители грозили вот-вот вернуться, стрелки настенных часов вот-вот собирались соединиться в своей вертикальной точке - а 'работы' еще было непочтатый край (притом, что она еще не начиналась).

--Ну что - мы сегодня делать ничего не будем? - с легким налетом разочарованного удивления, произнесла Марина.

--Да как сказать?! - философски заметил я. Конечно, я мог бы произнести что-нибудь еще (заполнять паузу словами я не только умел, но и это было моим любимейшим занятием), если бы... если бы не почувствовал, как не в меру развитая девичья грудь коснулась моих губ, а ее юная, мягкая, и немного пухленькая ладошка начала испытывать на прочность мое мужское начало, которое - эх, молодость - тут же благодатно отозвалось на нежные прикосновения.

Девичьи губы - в следующее мгновение, в следующее... мгновение... начали исследовать мое напрягшееся в истоме тело, закончив свой любознательный путь где-то на пол пути к тому, где бы хотелось мне. - Мне еще рано, --словно ответом на мое немое желание, прозвучали последующие ее слова. - Хотя?.. И в следующее мгновение все смешалось в извивающемся клубке тел, и когда уже казалось мне, что наше восхождение к вершинам

счастья (неужели, все-таки, кто-то куда-то чем-то вошел?!) уже ничто не сможет остановить, как все закончилось еще внезапно, чем я бы мог когда-то подумать.

--Стас, ты дома?- за осторожно приоткрывающейся дверью раздался вопросительно-предусмотрительный женский голос, принадлежащий вернувшейся матери, а затем появилась и она сама, сначала половинкой вырисовывающейся из-за двери мохнато-красной копной волос, а потом и почти точно такого же цвета развевающимся платьем (развевалось оно на ветру подъездного сквозняка); вторая ее половинка, вероятно, совпала бы с одновременным появлением второго родителя, но этого мне уже лицезреть не пришлось, ибо я буквально оказался втянут еще минуту назад мягкой и ласковой женской рукой (а откуда у юной девушки такая сила?) и на лету схватив брошенную в меня одежду, с улыбкой выхватил запуганный взгляд спешно одевающейся Марины.

--Не надо так бояться, --пробовал, было, пошутить я, --но фраза оказалась незаконченной, ибо мой шутливо-дурашливый взгляд натолкнулся на строго-испуганно-маящийся вид не на шутку испугавшейся девушки.

Уже тогда впору было мне о чем-то задуматься... Возникновение страха подобного рода у девушки?.. Хотя, что это я?.. Кто из нас в 18 лет способен к результативному глубокому анализу?!

Глава 1

С тех пор прошло восемь лет. Мне - 26. Ей... ей, должно быть, 24. Почему о ее возрасте я говорю столь неопределенно? Так

расстались мы тогда... (Да и по сути знал ли я по настоящему ее возраст?..). Причем, расстались мы, несмотря (как помню) желание ее родителей породниться с моими.

Вопрос,-- хотели ли этого мои родители,-- можно сказать, отпадал почти изначально. Ни папа - Альберт Аристархович -- - ученый-химик, член-корреспондент различных, там, академий, ни мама - Зоя Аркадиевна, главврач одной из клиник, заслуженный медработник,-- и в мыслях не могли представить себе перспективу подобного брака. Потому как ее родители были артистами. А отношение к артистам, в профессорских семьях, было весьма и весьма специфическое. (Причем, дочка их явно не прибавляла авторитета своим родителям. Школу бросила после 7 класса. Правда, вроде как с горем пополам ей удалось закончить вечернюю, но... К тому же что вполне естественно, ни о каком институте разговор не шел). Хотя... Что это я так о несостоявшейся супруге?!.. Супруге...

Через 8 лет - тогдашнее расставание с ней не затронуло каких-либо тончайших душевных нот... Так... Если и вспоминалось, то, должно быть, как о чем-то незавершенном... Ведь ни она со мной... женщиной, ни я с ней - мужчиной - так и не стали... (Хотя - тоже это вопрос спорный. А все потому, что ее до странности вредный характер, где откровенная вульгарность порой сочеталась с такой целомудренностью, а как вроде бы и откровенность - с такой махровой ложью, что... В общем, я так до конца и не был уверен, была ли она вообще до меня еще девочкой...).

Встретились мы случайно... Поддавшись на не очень-то и настойчивые уговоры одного своего приятеля, пришел я с ним на

бенефис подруги его тетки (родства у них, как оказалось, было намного меньше, чем инцестуальной влюбленности), да и увидел там (случайно... разумеется, совершенно случайно...) - среди полупьяно улыбающихся гостей (вечер давно подходил к той стадии, когда все друг друга готовы были обнимать, целовать и любить, при этом зачастую забыв - а, то, скорее всего, и не зная вообще - имя своего соседа) свою давнишнюю любовь.

Ну, надо заметить, годы сделали с ней свое дело... Эх, мне бы тогда это не только заметить, но и попытаться проанализировать причину того... Но... то ли чувства былые вспыхнули, то ли алкоголь (казалось, и не пьянел никогда особо, а в тот день как-то увлекся) подействовал, но... В общем, с бенефиса ушли мы вместе. И пошли к ней.

И знаете... подкупила меня тогда ее щедрость... Я вообще, не большой любитель, когда платит женщина, но... в душе, иной раз... очень даже приятно...

--Ты вспоминал меня?- заданный Мариной вопрос если и не застал меня врасплох, то весьма обескуражил. Ну что можно было противопоставить наивной любознательности?.. Честно признаться,-- что почти и не вспоминал ее?.. Как-то неловко... Да - наверное, и не слишком корректно по отношению к даме. Но и слишком переигрывать, уверяя ее, что только и думал о ней - было бы слишком!..

Собираясь было отшутиться какой-нибудь очередной заумной ерундой и даже, вроде как, уже и начав что-то такое говорить - я неожиданно оказался прижатый к спинке кресла (уже как с полчаса мы с Мариной сидели в ее комнате небольшой квартирке. Пригубляя миниатюрными рюмочками французский

коньяк - купленный по случаю в ближайшем магазине - хотя, конечно не ближайшим. Еще надо было поискать),-- эротичным телом возбуждающейся девушки. Не знаю, что мне тогда помогло устоять - тем более что мои руки на включенном мозгом автопилоте уже поглаживали обнажившуюся грудь - достаточно большую и упругую - девушки, а ее руки без стеснения тоже принялись ощупывать мое тело (начав, почему-то, как раз с того места, где она когда-то остановилась), но тогда у нас ничего не произошло. Хотя каждый из нас, должно быть, почувствовал, что еще немного - и остановить закрутившийся маховик наслаждения будет не так-то просто.

Да, толку ли. То, что не произошло тогда - случилось уже на следующий день.

Причем, случившееся, пожалуй, никак нельзя было охарактеризовать как простое обоюдное выражение (ну, быть может, смешение - от слова смешивать, хм?) чувств, и, если разобраться, вполне подпадало под какую-нибудь разудалую статью УК, если б не было обоюдного - да еще какого обоюдного! - согласия.

Именно тогда я впервые (действительно, впервые - те наши юношеско-девическо-подростково-детские отношения не в счет) узнал, как может любить женщина. Точнее - как она (в смысле, женщина) желает, чтобы ее любили.

Опуская не нормативно-низкие лексикологические фразеологические обороты, и сопутствующие им желания - выражающиеся, ну, т. е., по ходу сопровождающие текущие действия тел, могу я сказать (если по существу), что любили мы друг друга неисставно, страстно, и с какой-то обоюдной

внутренней 'самоотдачей'. Причем, так, словно это было между нами в первый (действительно в первый) и последний (вопрос... вопрос...) раз.

--Ты... не расстроен?- скромно потупив взор (с всей присущей ей манерой театральной потаскушки) спросила Марина, тут же являя пример такой стыдливой застенчивости (и это после того, что она только что вытворяла, позволяя в любые части своего тела проникать всему, что бы я только ни пожелал), что я чуть не поперхнулся апельсиновым соком, извлеченным из холодильника. (Хорошо, что поставила заблаговременно).

--Ты считаешь - я должен отчего-то расстраиваться?- как можно ласковее спросил я, стараясь присутствующей мне доброй (поистине доброй) мимикой возблагодарить (слово-то какое!) девушку за все то, что она мне только что 'подарила'. (Конечно, праведником меня не назовешь, но почему-то совсем недавно мне хотелось считать себя 'влюбленным террористом').

Но неужели мне действительно нравится подобного рода любовь?.. Хотя... почему бы и нет?!.. Разве отношения с женщинами, которые у меня были раньше, способствовали тому, чтобы их считать высшим апогеем любовных наслаждений? Отнюдь! Принимаемые любой моей партнершей (раннее) пуританские позы, ведь нисколько не способствовали достижению того максимального наслаждения, который - как я понял - можно было достигнуть только в испытанной недавно извращенно-патологическо-порнографической любовной связи. А ведь раньше-то тоже, как вроде бы, я испытывал удовольствие. Но разве можно было его сравнить с тем, что... В общем, Марина открыла для меня нечто большее. То есть... позволила мне воплотить фантазии,

---

которые с легкостью извлекала из подсознания (уж не знаю чьего в первую очередь: своего или моего). Сексуальные фантазии. И именно это способствовало тому, чтобы я захотел испытать подобное еще раз. А значит решил на какое-то время связать с ней свою жизнь.

На какое-то время?.. Ну да. Я говорю на какое-то время - потому что вся та целомудренность, что еще присутствует в отдаленных участках мозга (вытесненная оттуда вульгарной всепоглощающей вседозволенностью) позволяет (я надеюсь, или... мне очень бы хотелось надеяться на это) надеяться, что такое будет ненадолго. По крайней мере, мне на самом деле на это хочется надеяться. Еще и хотя бы потому, что я сам себе боюсь признаться, что мне нравится подобное.

Глава 2

Прошла неделя. Неделя или две, в первое время я даже боялся себе признаться, что вряд ли толком следил за летящим временем. Взяв отпуск на работе (работал я на частного предпринимателя, юристом; здраво рассудив, что профессия историка вряд ли окупит все мои желания, -- я закончил еще один вуз, после которого устроился юрисконсультантом в одно из ООО) я в буквальном смысле закрылся со своей вновь обретенной 'любовью дома, дабы предаться... всепоглощающей страсти. Благо, что моя однокомнатная квартира как нельзя лучше способствовала тому. А что? Соседей не было (когда-то мое прошлое прошло в коммуналке, а оттого это -- хочешь - не хочешь -- иной раз напоминало о себе. Хотя бы в качестве воспоминания), ближайшие близкие-друзья-коллеги-посторонние не беспокоили

(телефон был заблаговременно отключен); так, спросите меня, что же еще нужно? (Для счастья. Конечно же, для счастья. Ну, то есть, дабы не расслабиться, да не предаться страсти?.. Тем более, если партнерша того не только хочет, но и, зачастую, выступает инициатором подобного?!..).

Глава 3

--Интересно, надолго ли подобные отношения?- думала Марина, сидя напротив зеркала и рассматривая отвлеченным взглядом свою обнаженную фигуру. Недавно покрашенные черные волосы закрученными хлопьями только-только касались ее чуть полноватых плеч. Не справляющаяся со своим объемом некогда упругая грудь уже слегка наметила пути возможного отступления, но, тем не менее, до сих пор еще казалось столь завлекающей, что ее обладательница, пожалуй, еще долго могла быть уверена в тайных мужских желаниях. Тем более, что на фоне плоского - почти без жиринки - живота, даже излишне округлые бедра да ягодицы свидетельствовали не о небольшом (только-только наметившимся) избытке веса, а о дополнительной сексуальности.

На самом деле Марина могла нисколько не опасаться, что Станислав уйдет от нее. Да в душе она это и понимала. У нее была одна очень любопытная особенность, которая на мужчин действовала сногшибательно. И это касалось отнюдь не внешности, хотя, вероятно, и внешности тоже.

А все дело в том, что даже несмотря на то, что девушка нисколько не могла бы похвастаться скромным поведением (конечно, счет мужчинам не вела. Но если бы того хотела, то,

---

несомненно, сбилась бы после очередного десятка - тем более, что там еще как минимум было несколько раз по столько же), -- ни на ее внешности, ни на застенчивости (кое-кто назвал бы это завлекающей застенчивостью) в поведении с мужчинами это не отразилось.

Ну, а если она того хотела, то и в постели любой был бы уверен, что он у нее чуть ли не 'первый'. Не сказать, что подобный женский 'талант' присущ многим. И уже потому, обладательница подобного все могла рассчитывать на внимание мужчин. (Мужчины ведь тоже бывают разными...).

Глава 4

Была в Марине и еще одна удивительная особенность. (Которой она - надо признаться - весьма умело пользовалась).

Я уже упоминал ранее, что в постели девушка казалась столь юной и беспомощной нимфеткой (подобное сыграть для нее не представляло большого труда, учитывая врожденные артистические способности), что, по всей видимости, не только я попадал в устроенные ею ловушки (что скрывать - я достаточно трезво судил относительно того, сколько было до меня), когда на каком-то (зачастую прогнозируемом ею) этапе сексуальных игр получил дополнительные удовольствия от ощущения нахождения во власти (в моей власти) нежного и робкого создания, благодарно (о, надо заметить, весьма благодарно) отзывающегося на ваше мужское участие. С более чем ощутимой долей вероятности я мог бы предположить, что подобного жаждет любой мужчина. Ну, по крайней мере, это вполне отвечает его мужскому 'Я', позволяя ему ощутить себя 'учителем', или, иными словами, чувствовать себя

'проводником' в мир взрослых насаждений, сам при этом испытывая необъяснимое - и. бесспорно - неосуществимое раннее наслаждение.

Так вот. Помимо всего этого, девушка обладала еще одной редчайшей способностью. При малейшем чувстве, -- зачастую еще неосуществимой, но уже, вероятно, прогнозируемой ею, -- опасности, - она вся превращалась в цветок невинности (обретая тем самым ту власть над мужчинами, о которой, иной раз, может мечтать каждая женщина).

Не знаю, знала ли сама Марина о способностях кои я приписывал ей (приписывал, несколько не придумывая), но то, что хотя бы подспудно она о них догадывалась - было бесспорно.

Уже прошел месяц, как мы жили вместе. Если сказать, что за это время я думал о чем бы то ни было еще, как ни о сексе, - значит не сказать ничего. С ней можно было делать это всегда, везде, и по столько, поскольку хотелось... Когда, бывало, я пробовал заснуть, ощущая невидимую раннее усталость, и только слегка ощущал касание ее обнаженного тела (а в постели Марина предпочитала находиться всегда обнаженной), то в одночасье казалось, что будто бы и не было часов отданных всепоглощающей страсти, ибо все начиналось сначала - будто в первый раз - и именно благодаря подобному ощущению мои чувства были сродни впервые полученным, то есть продолжалось это долго, много, часто, пока уже кто-то из нас не засыпал от усталости, но проходило должно быть, лишь одно мгновение, и все начиналось сначала.

--Может ты хочешь посмотреть город?- как-то спросил я ее, надеясь что она ответит согласием, и тогда у меня появится

возможность выбраться хоть куда-нибудь, ибо за время добровольного затворничества уже потихоньку начинало посещать чувство, что жизнь проходит мимо.

Как я понял по брошенному на меня взгляду, 'смотреть город' ей не хотелось. Однако, ловко отменяя выдумываемые ею причины, по которым она хотела бы остаться дома, и проявляя завидную настойчивость, я уже было начал добиваться своего, как - на миг отвлекшись и припав к окну (на улице раздался прерывистый всплеск врывшихся петард) я неожиданно ощутил как мое мужское начало обволокло что-то теплое и волнующе-приятное, и в последующую минуту, несмотря на попытку какого-либо сопротивления, я был способен лишь сползти на пол и отдаться порыву нахлынувшей на меня страсти, в последний момент поняв, что сегодня никуда выбраться уже не удастся.

И это действительно было так. Потому как уже не прошло и нескольких минут, как мое действовавшее на автопилоте страсти тело, вертело, крутило и насаживало тут же ставшее невинно-податливым тело девушки на мой огнедышащий орган любви, вплоть до извержения -- уже на самом финише любви -- вулкана накопившегося желания в ее истосковавшееся лоно.

Глава 5

Если у кого могло сложиться впечатление, что помимо того, что мы обоюдно поддавались захлестывающей нас лавины страсти мы больше ничем не занимались, то на это могу возразить, что это не так. Ну, или, не совсем так. Хотя действительно, на это время были заброшены какие бы то ни было остальные дела, коих у меня в иное время намечалось необъяснимо много. Причем, если

объяснение того, что мои знакомые да товарищи способны были способны терпеть мое внезапное исчезновение, -- у меня находилось, то уже тому, почему и мой непосредственный начальник не беспокоил меня - я относил исключительно к разряду чего-то сверхъестественного (в которое, впрочем, почти совсем не верил).

По истечении нескольких месяцев - в кои я по прежнему с утра до вечера (и ночью... конечно же, ночью...) предавался только одному занятию - я внезапно понял, что если так будет продолжаться и дальше, то это в буквальном смысле испепелит меня (причем, с удивлением отмечал, что не ее), и мой некогда живой орган любви - может засохнуть в мечте о покое.

Глава 6

Мое длительное отсутствие на работе обернулось для меня тем, чем, вероятно, и должно было быть. Я потерял работу. Однако, увольнение прошло на редкость без особой печали, потому как стоило мне 'поделиться горем' с Мариной, как она - на секунду задумавшись - тут же постаралась убедить меня в том, что это-то как раз - величайший 'подарок', ниспосланный нам чуть ли не небесами. (На мое удивление, ко всему прочему она еще и верила в Бога. Этому я поначалу никак не мог найти объяснение - учитывая отношения церкви к греховной страсти, коей с удовольствием, и без каких-либо ограничений предавалась девушка - но потом догадался, что подобное отношение к религии - было у нее ни что иное, как дань той моде, которая царила в стране). Ну а Марина к тому времени уже закрепляла свои слова привычным для нее делом.

В результате я действительно довольно легко перенес свое увольнение, и с еще большим наслаждением окунулся в пучину наслаждения, даримого мне пускавшейся все больше на новые сексуальные эксперименты Мариной. Ну, не знаю, долго ли это бы еще продолжалось? Тем более, что полученного при увольнении расчета должно было хватить на несколько месяцев в меру беззаботной жизни, - если бы проснувшись в один из дней раньше обычного, я с удивлением - сидя на нашей огромной двуспальной кровати - вертя в разные стороны головой и раздумывая над причиной подобного раннееутреннего вставания, не понял, что причина кроется в телефоне, трель которого, не умолкая, раздавалась до сих пор.

Свесив ноги с кровати, и в тайне надеясь, что он все же замолчит сам, я поймал еще одну свою мысль (которая откровенно потешалась над моим заблуждением), и нехотя направился к источнику моего добровольного 'будильника'.

Моему удивлению не было предела, когда на том конце провода я услышал голос своего давнишнего знакомого, с которым, помнится, последний раз я виделся лет, этак, пять - шесть назад.

Приятеля звали Андрей. Было ему 27-28, ну, может, 29 лет (оказалось - 32), и с ним мы когда-то вместе занимались в секции бокса (так, на уровне 'любителей', не выделявшись из массы таких же 'среднячков').

Андрей настаивал на встрече. Я не возражал (что для меня,-- не любителя вообще каких-то встречи,-- было странно). А когда мы встретились уже на следующий день (кстати, первым узнал меня он. И немудрено, что не узнал его я. Некогда

худощавый коротко стриженный средневес - превратился в статного молодого мужчину, со светлыми вьющимися до плеч волосами и манерами настоящего франта), то он предложил мне совместно заняться бизнесом.

Стоит признаться, что подобные мысли уже не раз приходили ко мне, но я с ними доселе немилосердно расправлялся по той простой причине, что не считал себя предрасположенным к подобного рода деятельности. Собираясь мотивировать свой отказ и в этот раз, я отчего-то сначала неожиданно задумался, а потом и вовсе согласился. Вероятно, меня подкупило то, что наш предполагаемый бизнес не требовал каких бы то ни было начальных вложений; а значит в случае возможной неудачи (которой, как мы с ним надеялись, быть не должно, но я почему-то был уверен, что будет как раз так), мы ничего не теряли (ну, разве что кроме времени, потраченного в пустую. Хотя, как показывает опыт, в 'пустую' не проходит ничего. И даже наши ошибки служат упрочению той жизненной платформы, на которой зиждется будущее мировоззрение каждого из нас).

Бизнес, которым мы должны были заниматься - было оказание так называемых 'посреднических услуг'. Так сказать, -- купил-продал -- и получил свою прибыль, основанную на разнице цен. Причем, в нашем случае все казалось намного проще, потому как наша задача заключалась лишь в том, чтобы найти людей имеющих товар и желающих его сбыть - с одной стороны, и уже других людей, которые по каким-то причинам желали этот товар купить. Мы же - находясь между ними - имели бы 'дельту', выражающуюся в разнице цен.

Ну, как говорится, сказано - сделано. И вроде как можно было начинать. Но внезапно в наших с Андреем размышлениях о будущем (больше напоминающих подробное планирование прибылей и взлетов, минуя ошибки и падение) мы пришли к выводу, что нам нужен кто-либо еще. Как говорится третий.

Попеременно извлекаемые из нашей памяти кандидатуры несколько, впрочем, не задерживаясь, уходили в небытие. А когда наше сознание уже готово было затуманиться от подобного рода перебирания тот час же оказывавшихся негодными кандидатур (причем я с какой-то настойчивостью отвергал все что приходило с его стороны, а он - вторя мне - с моей), - как мне пришла идея 'сосватать' на нашу вакансию Марину. Засомневавшийся было Андрей, чуть переспросив меня о ней, неожиданно легко согласился. Впрочем, я несколько не сомневался, что он будет за - если не сейчас, то позже - ибо, как я уже упоминал, Марина обладала поразительным свойством располагать к себе людей, и если какие еще сомнения могли быть относительно того, если этими 'людьми' были женщины (неизлечимый женский комплекс конкуренции, там, и все прочее), то в отношении мужчин ее внешность действовала неотразимо. (Причем, конечно же, дело было не во внешности. Вернее, не в красивой внешности. Просто любой мужчина, -- если он не евнух, не голубой, или не дурик, -- подсознательно испытывал 'симпатию' к той женщине, с которой при случае знал -- у него всегда получится. (А мало ли когда этот случай действительно может произойти).

Итак, Андрей согласился. Вернее - дал первоначальное согласие. Но по вышеизложенным причинам я несколько не

сомневался, что он уже не изменит своего решения. А увидев Марину...

Впрочем, я, должно быть, слишком увлекся предположениями. Пора бы и познакомить друг с другом будущих 'коллег'.

Глава 7

Встреча Андрея с Мариной произошла даже забавнее (насколько я пытался 'просчитать' ее предполагаемый 'сценарий'), чем я ожидал. Назначив встречу около одной из станций метрополитена (у меня оказались кое-какие дела в городе, и я собирался подъехать отдельно от Марины, и даже - быть может - несколько позже), я еще на подходе увидел и Андрея и Марину увлеченно беседующими друг с другом. И это при том, что никому из них я не описывал внешность другого?! Получалось,-- они узнали друг друга 'самостоятельно'?

Подойдя к ним, и внимательно следя за Андреем, я отметил про себя пробежавшую по его лицу легкую тень тревоги. Вот оно как!? Значит, знакомясь с девушкой (интересно: кто был инициатором?) Андрей не знал, что эта моя жена (гражданский брак)?!

Перебросившись с ним парой фраз, я понял, что мой товарищ предполагал, что 'Марина' придет со мной. А пока решил познакомиться с привлекательной девушкой (и уже, наверное, делал планы по поводу того, где и когда с ней переспать).

Не желая разочаровывать Андрея, я решил занять его мысли другим - планами совместной работы. Ибо когда человек неожиданно переключает свои мысли на другой вид размышлений

(являя новую цель обдумывания) все, о чем он думал доселе, - остается, как бы, на том уровне, на коем их прервали. А значит, у моего товарища не будет слишком большого разочарования, и его надежда на возможность иных - отличных от просто дружеских -- отношений с Мариной останется. Как останется и заинтересованность в возникновении подобных отношений.

Ну что мне до того, какие у человека мысли. Тем более, что у меня был свой интерес: работать такой человек будет лучше.

-- Андрей,--знакомься,-- я хотел, было, представить Марину своему товарищу, но сделав вид что только сейчас понял, что знакомство состоялось, улыбнулся и подмигнул Марине. При этом боковым зрением я обратил внимание, что вроде как Андрей немного смутился.

--Ну что ж ты, Андрюша,--назидательно было произнес я, обращаясь к Андрею, но тут же смолк и лишь дружески похлопал ладошкой его по плечу. - Ну что ж, друзья мои,--с небольшим воодушевлением и с какой-то оптимистической долей уверенности произнес я,-- я думаю мы сработаемся... А сейчас, пойдем-те куда-нибудь обсудим план наших будущих действий. У тебя где-нибудь поблизости что-то есть на примете?-обратился я к Андрею, по привычке игнорируя (так уж повелось) любое мнение Марины. (В оправдание скажу, что она никогда не противилась такому отношению, как бы заранее признавая лидерство мужчины).

Глава 8

В один из будних дней - а по будням, в последнее время, у Станислава всегда были дела - Марина проснулась несколько

раньше обычного. Так-то она позволяла себе понежиться часов до 11-12 дня, а тут, ни с того ни с сего, открыла глаза, когда стрелка часов только-только приближалась к 10. Станислав только ушел - это было заметно по запаху туалетной воды, который еще не успел выветриться, а потому девушка подошла с любопытством к окну. Так и есть. У подъезда маячила его долговязая фигура (при росте под метр девяносто его вес колебался между 80-85 кг., а оттого внешне - особенно это было заметно в летнее - весеннее время - казался немного худощавым). Марина знала, что каждое утро за Стасом заезжает Андрей. У того была красная 'пятерка' и он когда-то сам вызвался отвозить - подвозить ее мужа. Гражданского мужа. (Стас, правда, несколько раз намекал, что был бы напротив узаконить их отношения; но она считала, что пусть пока останется все так, как есть. Вроде как, 'излишние обязательства' могут разрушить семью, ну и там, все прочее. А, по сути, она, как ни странно, как раз этим и хотела его еще больше привязать к себе. Ревность, - как шутил Станислав, - была из главных отрицательных черт ее характера. А так - когда возможность 'уйти' была и у нее, это быть может могло хоть как-то его предостеречь от слишком явного увлечения другими женщинами. Причем, Марина знала что она 'не подарок'. Хотя и любые разговоры о своем характере она как не любила. И бывало закатывала такой скандал, что... Хотя, -- стоит ли сейчас говорить о том, что случается в большинстве семей, где женщина стремится таким образом компенсировать недостаток власти в обычной жизни...).

Марина готова была уже отойти от окна - тем более, ей показалось, что из-за поворота (их высокоэтажный дом стоял вдоль трассы; правда подъезды выходили на другую сторону, так

что, чтобы попасть на нее, требовалось обогнуть их девятиэтажку с какой-нибудь стороны) уже выворачивали красные 'Жигули' Андрея.

Однако, как будто что-то заставило Марину на секунду задержаться. Вскоре она поняла причину своего беспокойства. Из остановившейся рядом со Стасом машины, - а это были вовсе не 'Жигули', а такого же цвета иномарка (какая? - Марина в них особо не разбиралась, но судя по большим размерам и обтекаемой форме сделала заключение что 'не дешевая'), - вышла какая-то девица в мини-юбке, и, обменявшись с ее мужем поцелуем, - поменялась местами. Стас сел за водительское кресло (хотя Марина и не предполагала о его умении водить машину), а девица (на вид, та была одних с Мариной лет, правда, гораздо выше ее 160 см., и - что уж тут скрывать - стройнее ее немного полноватой фигуры, да к тому же - с длинными белыми волосами. Непонятно почему, но у Марины сразу вспыхнула неприязнь по отношению к ней) села сзади.

Марине показалось, что Станислав взглянул на окна, и она -- в ужасе оказаться замеченной -- отпрянула. Но любопытство взяло вверх, и Марина снова - медленно приблизилась к стеклу. Но нет. Автомобиля уже не было. Да и ей, должно быть, просто-напросто привиделось, и зачем Стасу смотреть на окна, когда рядом с ним такая 'блондинка'?!

Девушка нервно закурила и, раздумывая, зашагала по комнате.

--Неужели он мне изменяет?- думала она.- Но так явно демонстрировать свою любовницу?.. И вообще - откуда взялась эта девушка?.. Станислав, вроде как, ничего о ней не говорил...

Может, подруга Андрея?.. Но почему тогда его самого там не было?.. И что это за странные поцелуи?.. Но?!.. Марина понимала, что никаких доказательств измены Стаса у нее не было, да и не могло быть. Станислав был слишком умным человеком, чтобы попадаться на мелочах. Но какое-то чувство тревоги уже начинало ее одолевать. Еще более тревожной было от того, что девушка не могла разобраться в причинах подобного беспокойства. На миг ей показалось, что все ее бросили, оставили, и она стала никому не нужна. Постепенно - чем больше Марина думала о том - между ней и Стасом выросла какая-то стена. У нее появилась даже какая-то злоба на него.

--Надо же?!- поймала себя на мысли Марина.- Еще вчера у них все было замечательно. Ночью - так просто великолепно: она позволяла делать с собой абсолютно все, что пожелает Стас; три 'видеодвойки' с широченными экранами телевизоров уже давно были установлены по бокам кровати, так что при желании хоть Станислав, хоть она могли во время занятий любовью сверять свои действия с любимыми из трех демонстрируемых в одно и то же время кассет жесткого порно и супер-крутой эротики (иной - ни Стас ни она не признавали); полностью зеркальный потолок и установленные по стенам огромные зеркала только помогали усиливать ощущения. И это все помимо различных эротических игрушек из секс-шопа. Странно?.. Как будто Стас не понимал, что ради него она готова на все. В том числе и готова... чтобы принять любовницу... (Марина испугалась своим мыслям). А по сути,-- задумалась девушка,-- сможет ли она делить его с кем-нибудь в одной постели? (Почему-то ей сейчас подумалось именно об этом). Ведь если разобраться, когда-то у нее уже был такой опыт.

Да и не один (что скрывать? Тем более от самой себя, -- Марина хмыкнула, вспомнив как они на пару с подружкой устроили 'реалити-шоу' для восьмерых парней, с которыми познакомились на каком-то спортивном матче, в ее бытность болельщицей... да мало ли за кого она тогда 'болела'...)... Но нет...Ей почему-то показалось, что сейчас она на это не способна. 'Не способна' с теми парнями, но не с 'любовницей' же своего мужа? Так что - почему бы и нет?.. Так значит, -- время приглашать гостей?..

Марина усмехнулась сама себе. Кофе, - оказалась, она механически еще варила кофе?! -- просигналил 'о готовности' появившейся пенкой. Марина, наполнила казавшейся игрушечной чашечку, достала из бара початую бутылку коньяка, и удобно расположившись в кресле (для чего ей пришлось положить ноги прямо на журнальный столик), закурила, и стала потягивать коньяк из небольшого бокальчика с широким - как то и требовалось для конька - горлышком. У каждого сейчас была своя работа. Коньяк играл цветом, распространяя аромат многолетней выдержки. А Марина принялась обдумывать сложившуюся ситуацию.

Вообще-то, всегда Марина предпочитала жить одним днем; стараясь, чтобы любые проблемы по возможности проходили стороной. Однако, стоило ей пообщаться со Станиславом - и неожиданно для себя она ощутила, что иной раз ей становится просто необходимо окунуться в какую-нибудь проблему; попробовать, быть может, что-то переосмыслить по-другому, по-новому. Таков был Станислав. Такой же он учил становиться и ее. Однако, чем больше она пыталась следовать его советам, тем больше понимала, что у нее не получается. Пока еще

не все получается. Ибо на каком-то этапе ее мысли начинали уходить куда-то в сторону; пока окончательно не ускользали от нее; и зачастую уже в середине своих размышлений Марина понимала, что первоначальная причина (собственно, начала раздумий) уходила от нее, и она уже ловила себя на мысли, что, по сути, уже думает вообще черт знает о чем (напрочь потеряв даже те немногие первоначальные мысли о проблеме, которые когда-то появились). И от этого девушка начинала серьезно расстраиваться, понимая, что время безвозвратно ушло, а ни до чего путного она так и не додумалась.

Так грозило быть и сейчас. Марина закурила еще одну сигарету. Залпом осушила коньяк. Но как ей поступить со Станиславом - так и не решила. Единственно, что она уяснила для себя - что на каком-то этапе может потерять его. Но она знала, что сделает все что угодно, что бы это не оказалось так. Что ж... Посмотрим, как он объяснит ей все это вечером... Пока Марина решила ограничиться тем, что закатит ему скандал. А там, глядишь, и удастся что-нибудь выяснить.

Глава 9

Не знаю отчего, но день сегодня вроде как не задался. Начало, правда, было положено весьма великолепно. Лера заехала за мной, как и договаривались. Правда, договаривались с Андреем, но как я ее мог корить за то, что она просто-напросто решила сделать мне сюрприз и приехать сама. А Андрея мы уже подобрали на трассе.

Кто такая Лера? Сестра Андрея. С весьма импозантной внешностью, блестящим образованием, - она закончила факультет

международных отношений Санкт-Петербургского университета и филфак там же, с красивой фигурой - в прошлом Лера была мастером спорта по синхронному плаванию, а совсем недавно стала чемпионом Европы по фитнесу, девушка являла собой пример образцовой порядочности и открытости. Вот уже как год она была свободна (в прошлом у Леры был неудачный брак с каким-то зарубежным дипломатом; теперь же, насколько мне было известно, Лера должна была заполнить вакансию мужа, чтобы уехать в какую-то европейскую страну, названия которой пока держала в тайне). Там ей предложили солидную работу в одной из транснациональных компаний. Единственным условием получения этой работы -- было замужество. Видимо 'работодатели' заботились об остальных сотрудниках. Поэтому и не решались брать на работу слишком шикарную и независимую (да к тому же еще и одинокую) девушку, опасаясь излишне провоцировать сексуальное желание работающих там мужчин, и не нужное волнение не таких красивых дам.

В общем, Лера сейчас активно искала, кто бы мог быть ее 'суженым'. А я по каким-то причинам догадывался, что одним из них мог бы быть я. Тем более что когда-то мы очень активно вместе тренировались (пересекаясь в тренажерном зале). И тогда же не менее активным - было и наше общение. И, помнится, оно продолжалось и после, как ее брат уехал за границу (почти три или четыре года Андрей проработал инженером в одной из развивающихся африканских стран). И даже вроде как у нас уже тогда намечалось нечто большее, чем просто дружеские отношения. Но, я как-то и не понял как вышло, что ничего между нами тогда так и не произошло. Быть может кроме - порой

откровенных - намеков на возможность близости, никто в реальности об этом и не думал. А может что-то мешало нам предаться той страсти, которую (почему-то думаю я) каждый все же делал. Не знаю. Но уже верно одно - стоило нам увидеть друг друга, и прежняя страсть вспыхнула вновь. И, не знаю как Лера, но я внезапно почувствовал, что все эти годы мне в действительности ее не хватало. И даже как-то скучно стало. Надо вроде радоваться. А мне грустно. Ведь понимал я что нам придется расстаться. Да и Лера - это тоже не ускользнуло от меня - иной раз, нет-нет, да и становилась задумчивой при встрече. Видимо тоже не хотела расставаться. И понимала - что между нами ничего не получится. Хотя, почему? Не берусь судить. Быть может я и ошибаюсь. Очень бы мне хотелось ошибаться.

Конечно, кто спросит меня: а как же Марина? Не знаю. Честно скажу - не знаю?! Единственно, что меня беспокоило, а быть может и мучило, - на всем протяжении общения (или точнее сказать - жизни) с ней, у меня было непрекращающееся желание вырваться из тех оков, в которые я - и с каждым днем я это чувствовал все яснее - больше и больше попадал; и которые заглывали меня, не позволяя вдохнуть полной грудью. Понимаете?! Я действительно понимал, что мои отношения с Мариной не могут продолжаться вечно. Она словно имела надомной какую-то магическую власть, от которой я все время стремился вырваться. Но на миг отдаляясь от нее - и это самое страшное - я чувствовал такое внутреннее опустошение, такое чувство вины, что хоть и понимал (вроде как умом понимал), что артистические способности Марины способны разыграть любой сценический образ, вызвав в ком бы то ни было чувство вины за

предполагаемую - иной раз только предполагаемую, но ни как не совершенную - обиду, обиду причиненную ей, но поделаться с собой ничего не мог. Вот ведь как!? Но что толку, что я это понимал!? Как мне вырваться от нее? Вот это была проблема из проблем!

Конечно, иной раз у меня возникало предположение, что у меня отклонение в психике. Чуть было даже не пошел к районному психиатру. Но вовремя одумался. Слишком было рискованно в той стране, где я жил - официально заявлять о своих психических проблемах. Но так как проблема не решалась - я вызвал на дом какого-то частного светила. Доктора наук.

Но так уж вышло, что ни в чем толком он мне помочь не смог. Зато выписал кучу каких-то таблеток, от которых - стоило их мне только начать принимать - мозги вообще начали отплясывать какой-то невероятный танец; и я чуть не совершил ряд таких немотивированных действий, после которых вообще мог оказаться в тюрьме, а то и в исправительном лагере. Благо, что вовремя опомнился, выбросив эти пилюли в реку (воды в Петербурге всегда было в избытке), чтобы по крайней мере ничем не провоцировать себя.

К тому же у меня сложилось впечатление, что этот доктор толком не понял, от чего же меня лечить? Конечно теперь - по прошествии стольких лет, (а прошедшие десять лет кажутся вечностью), мне, пожалуй, и трудно вспомнить все те мысли, которые окружали меня тогда. Но то, что как только я отлучался - намеренно отлучался - от Марины, и мою душу и сердце (а с ними, вероятно, и разум) буквально разрывало на части - было, к сожалению, правдой. И ничего с этим я не мог поделаться.

Сегодняшний день действительно не задался. Стоило мне с Лерой - и с присоединившимся к нам Андреем - приехать в офис (а для нашей работы, которая вроде как худо-бедно началась, мы успели даже провернуть пару дел, на деньги от которых сняли офис да закупили оргтехнику), как узнали что дальнейший наш бизнес под большим вопросом. Две самые крупные из трех предполагаемых сделок (которые должны были совершиться на этой неделе, и предполагаемая прибыль от которых нами уже была распределена),-- грозили рухнуть, так и не начавшись. Конечно, можно было философски рассудить, что это и не такая уж страшная беда. Тем более, что положение в городе в начале девяностых не слишком-то и располагали к оптимизму в ведении какого-то бизнеса. А поэтому ни я, ни Андрей, вроде как, особо и не расстраивались. Единственно чего было жаль, конечно, наших предполагаемых - и уже потерянных - денег. Ибо в случае, если бы все получилось как надо, нам бы хватило -помимо оплаты некоторых образовавшихся у нас задолженностей - еще и на покупку чего-то, в чем каждый из нас нуждался. Я, например, собирался купить автомобиль. Не слишком дорогой, но все же. Да и Андрей, насколько я знал, тоже собирался сменить свою. Ну да ладно. Это мы как-то переживем. Все-таки, ведя тот 'бизнес' что у нас - к провалу мы были готовы всегда. Но... но вот скандал, который мне дома закатила пьяная - почти в хлам пьяная, выпивкой она, что было скрывать, увлекалась - Марина... Для меня это было, как говорится, как снег на голову...

.....

В какой-то мере я привык к ее скандалам. Тем более что чаще всего скандалы возникали - или во время ее опьянения, или

после, или, когда, по каким-то причинам, выпить она не могла (еще не успела, например, но того очень хотела). Хотя и, наверное, все же было излишне преувеличивать уж такую ее алкогольную зависимость (хотя и пила она почти каждый день). И быть может из-за того, что вдрызг она напивалась только раз-два в неделю, а остальное время была только 'подвыпившая', у меня иногда и были основания принять ее версию, что она 'просто баловалась'. (То есть сама она никогда не считала что пьет).

И это было бы еще пол беды (я бы согласился с чем угодно). Вот только если бы она при этом (а в последнее время это начиналось все чаще и чаще) не скандалила. Тогда как она не только скандалила, но и при этом ругалась и билась в истерике как последняя сволочь.

Выслушав причины ее нынешних волнений, я довольно легко свел на нет все ее подозрения относительно измены (тем более никакой измены пока не было. Но то, что она в принципе предполагалась - очень даже может быть!), и через какое-то время, легко возбудив девушку (а к отличительной особенности Марины относилось то, что она действительно весьма легко возбуждалась; иной раз ей достаточно было только одной мысли о том, что может быть), мы чуть ли не там где стояли (а разгневанная Марина встретила меня у порога) предались тем отношениям, которые даже не считаю нужным описывать, ибо они практически целиком и полностью дублировали то, что было представлено на многочисленных порно-видеокассетах, лишь, быть может, за некоторым исключением вносимых нами вариаций. Причем в какой-то мере мне казалось, что в постельных сценах мы в чем-то были даже оригинальнее видео-аналогов.

Однако, мне, по всей видимости, предстояло серьезно задуматься о своих отношениях с Мариной. Ведь не могло так долго продолжаться. Что есть влюбленность, даже любовь, перед тем, что испытывал я по отношению к Марине? Неужели я действительно не способен сказать ей: прощай!? Неужели не способен? В своих письмах родителям - а мои папа с мамой уехали в длительную рабочую командировку в США (папу пригласили профессором Колумбийского университета, мама проходила стажировку, которая должна была подтвердить ее право работать врачом) я поначалу описывал свою жизнь с Мариной как нечто прекрасное и, по всей видимости, нужное нам обоим. Однако не знаю, кто первый из них обнаружил подвох. Тем более, что вроде как, находясь за десять тысяч километров подобное и проверить-то невозможно, как только справится у каких-то знакомых, оставшихся в России. Но выходило так, что я придерживался привычки не выставлять напоказ. А потому, по настоящему что-либо узнать было попросту невозможно. И все что оставалось родителям, это надеяться на свою - родительскую - интуицию (которая, скажу я вам, иной раз была эффективней всяких там 'свидетельств очевидцев'). Причем опять же скажу, что Марина-то, по настоящему, никогда моим родителям и не нравилась. Послушать бы мне их раньше...

Именно после того как я понял, что писать папе с мамой о 'безоблачности' наших с Мариной отношений бессмысленно (да и если честно, не очень-то я любил обман, в какой форме он бы не выражался, и чем бы идеологически не оправдывался), я стал сообщать им всю правду. А правда, к сожалению, была такова, что

я просто-напросто ненавидел эту женщину. Понимаете, --не-на-ви-дел.

Ненавидел, и... любил...

Да быть может потому и ненавидел, что любил. Любил, и чувствовал свое бессилие... Бессилие ненависти. Бессилие избавиться от нее... И при этом, давно уже понимал, что наши отношения нас ни к чему нас не выведут... Да и держались-то они - честно сказать - исключительно на сексе. На животном сексе. Когда завидев друг друга, сбрасывалось, а то и срывалась, в поспешной страсти одежда; опрокидывалась мебель; разбивалась посуда; наносились друг другу удары, которые провоцировали, подначивали, распалили еще большую страсть; возбуждая, дополнительно возбуждая 'накал' предстоящего (до, - а то и по ходу) спиртным; и распалиясь от того еще больше - уже не было у нас осязаемых границ случившегося; как не было и возможности остановить это безумие, продолжающееся иной раз часы напролет; когда только включенная на полную мощность музыка способна была заглушить крики обоюднo посылаемых проклятий и ругательств - вероятно (как уже после анализировал я) возбуждаемых нас еще больше; так же как не способна раздающаяся с огромных динамиков музыка заглушить и стоны наслаждения, которыми нисколько не сдерживаясь и абсолютно и стесняясь сопровождала испытываемые ощущения Марина (крики, вообще, был ее 'конек').

Но вернувшись к скандалам, скажу, что это все было только полбеда.

В последнее время у Марины возникало необъяснимое - для меня пока не объяснимое, учитывая то, что раньше ничего

подобного с ней никогда не возникало - желание навестить своих родных.

Как, быть может, уже упоминал я раньше, родители Марины развелись, когда она была еще школьницей средних классов. Ее мать всегда жила в одном городе, пока несколько лет назад по новой не вышла замуж (уже в который раз... причем, если раньше все ее мужчины были моложе ее - иной раз намного -- то теперь ее новый муж был не только почти на двадцать лет старше, но еще и оказался с 'ближнего зарубежья'), и не уехала с мужем на его родину, в Белоруссию, в Гомель. Отец же Марины был кинорежиссер (правда, не очень известный), и сразу после развода уехал в Москву. Хотя, я предполагаю, что его отъезд, скорее всего, и был причиной развода. Насколько мне было известно, не только возможная слава и возможность самовыражения потянула его в столицу, но и увлечение молоденькими девицами, которых он имел в своем распоряжении сполна, ибо помимо своей основной деятельности, где, как известно, недостатка в молоденьких актрисах желающих получить роль и готовых за это 'на все' никогда не было, еще и читал лекционный курс в каком-то столичном театральном институте.

В общем, жила Марина без папы, не печалилась и не скучала, а тут вдруг почувствовала необъяснимое желание его видеть. И хорошо еще просто повидать и все. (Что она и сделала, съездив к нему). Так нет. Ей захотелось увидеть его еще и еще раз, что сподвигнуло меня на мысль, что причина тут кроется скорее и не в каких-то 'проснувшихся' родственных чувствах (о чем можно было догадаться и сразу), а, во-первых, в тех деньгах, которыми - насколько мне было известно - располагал он, да еще и в

положении, которое у него было. Причем понял я, что у Марины еще и появилось навязчивое желание сняться в каком-нибудь кинофильме. (А уж здесь такой папа был как нельзя кстати).

И стала Марина все чаще и чаще отпрашиваться (хорошо еще отпрашиваться) у меня в Москву, просиживая в ней долгими днями, переходящими иной раз в недели. А вскоре - стоило мне припугнуть ее, что больше, мол, не пушу,-- и попросту сбежать, благо, что никаких обязательств - слово чести для этой особы никогда ничего не значило - ни перед кем у нее не было.

Ну, для кого-то, быть может, 'и ничего',-- что уехала. Все равно вернется. Но это было 'для кого-то'. А для меня... Для меня... Я в таких случаях совсем не знал, что мне надо было делать?! Я мучился, страдал, не находил себе места, с трудом отсиживая рабочий день. И только дожидаясь того момента, когда приходил домой, доставал из холодильника одну за другой бутылки с пивом, и цедил его по глоткам, бессмысленно уставясь в экран телевизора. Бессмысленно, ибо мысли мои были где-то далеко. А стремился заглушить свою боль алкоголем. Стремился, но обычно ничего у меня не выходило. А потому я и пил до тех пор, пока уже не заканчивались все телепередачи, и я тщетно переключал каналы, ловя хоть какую-нибудь передачу, потому как... потому как, страшился я одиночества. И нужен мне был лишь какой-нибудь фон, чтобы хотя бы побыть одному. Не боявшись. Хоть немного не боявшись своего одиночества...

...И продолжалось так до тех пор, пока не образовывалась под ногами бесполезная груда пустых бутылок. А я не засыпал тут же в кресле. Зачастую не в силах доставить свое тело до дивана.

Засыпал, пока утром не будил меня звон будильника. И пока вечером не повторялось все 'по новой'!

А потом началось и вовсе необъяснимое. Появляющееся у меня сразу после пробуждения чувство тревоги, -- преследовало меня, пока я не избавлялся от него (а что вернее - заглушал) алкоголем. В течение дня я боялся каждого непредсказуемого шороха, любых резких движений; переход дороги для меня превратился в настоящую пытку, ибо это мне удавалось только в случае, если или не было машин вовсе, или горел зеленый свет. В итоге, время, затрачиваемое мною раньше чтобы куда-то добраться - теперь увеличивалось почти вдвое. К тому же я стал избегать слишком людных мест. Я то и раньше не выносил, когда меня кто-то толкает или даже просто прикасается. Но теперь для меня это стало настоящим адом.

И как вы думаете, мне следовало дальше жить? А прибавьте сюда еще маниакальное 'дежурство' около телефонного аппарата, в ожидании звонка от Марина!

Дни (и ночи) я срывался с места, подбегая к этому треклятому телефону, ожидая услышать ее голос в каждом звонке, и боясь, что она, не дозвонившись, - положит трубку.

Андрей посоветовал купить сотовый телефон. Но это сейчас мобильные телефоны не дороже нескольких походов в кино, а раньше нужно было выбирать: купить телефон -- или поддержанную иномарку; потому как цены и на то и на другое колебалось в районе нескольких тысяч долларов.

В конечном итоге все это настолько расшатало мою нервную систему, что я начал опасаться, что когда Марина придет (если придет - уже думал я, и всерьез боялся, что она

давно передумала), вернуть к нормальной жизни меня сможет только хороший врач-психиатр.

Интересно было то, что хоть я это понимал и сам, но ничего не мог с собой поделать. Зачастую наблюдая за собой со стороны, и строго-настрога приказывая себе не волноваться по мелочам (хороши мелочи!) - я тут же - только проходило какое-то время - доводил себя до внутреннего опустошения окутавшем меня беспокойством, и как-то успокаивался, лишь когда засыпал, накаченный под завязку спиртным. Все тем же пивом. Но что касается пива,-- все объяснялось довольно просто. Аппетит у меня исчез напрочь. Впихнуть что-либо в себя было непосильной задачей. Потому пить водку - без закуски - я не мог. Притом - что такое пить водку? От нее довольно быстро наступало опьянение, а значит я мог уснуть мертвецки пьяным раньше,-- чем смог бы что-то для себя решить. Да, да,-- ведь за пивом я размышлял. И как размышлял! Небольшая толика алкоголя содержащегося в пиве помогала мне дополнительно активировать рецепторы мозга, тем самым, извлекая из глубин подсознания что-то, что должно было (могло!) помочь мне.

Но зачастую так оказывалось, что из подсознания 'извлекались' только воспоминания. Воспоминания, от которых становилось мне еще хуже. Потому как я словно бы заново переживал совершенные когда-то ошибки. И поступки мои стояли передо мной кровоточащей раной. Которую я совсем и не знал как заглушить. Ну вот, разве что, алкоголем...

И ведь сознание-то, в какой-то мере сохранялось очень долго. И алкоголь лишь на совсем незначительную (почти и незаметную) долю процента затуманивал его. А потом и случалось

как будто временное облегчение. И после трех - пяти - семи бутылок, в моей голове, как будто и вправду, все становилось на свои места. И я наслаждался своим новым состоянием. Ведь способность мыслить, действительно тогда увеличивалась в несколько раз. И тогда можно было решить многие проблемы.

Я и звонки по телефону отводил на это время. Потому как случалось так, что в своем обычном состоянии (трезвом... мое обычное состояние - пока было состояние трезвости) я теперь не мог сделать ни одного звонка. Боялся. Тревожился, беспокоился, нервничал из-за чего-то. И речь моя становилась настолько сбивчивой, что собеседник на том конце провода ничего не мог разобрать. А понимая это - я терялся еще больше, и с большим трудом извинившись и попросившись - клал трубку.

А вскоре и вообще, какое бы то ни было общение для меня превратилось в настоящую пытку. И чтоб не мучить себя - я оградил себя от любых контактов. Я вообще был вынужден себя от всего оградить; превратив свою жизнь в исчадие ада. Ибо самое удобное (и желаемое для меня) - было заползти в глубокую нору, дабы никого не видеть, не слышать, ни с кем не общаться. И главное - чтобы никто не общался со мной. Из-за своего чувства страха и тревоги - я практически перестал общаться со старыми знакомыми, товарищами. И друзьями. И оттого, вскоре остался совершенно один. И не было никакого просвета.

Что мне было делать дальше - я не знал?..

Ну а если бы и знал - то вряд ли этим бы воспользовался...

Глава 10

Черета сменяемых друг друга будней постепенно превращалась в ничем не примечательную обыденность; когда на первый план выходило желание хоть чем-то заглушить терзаемую душу страдание, в котором основной мотив - и в этом мне удалось хоть немного разобраться - играла ревность. Удивительное дело, я, который никогда раньше как будто никого и не ревновал - теперь мучился всеми признаками этого библейского проклятия, прокручивая в своем мозгу вымышленные - а как же иначе, ревность зачастую никогда не имеет под собой серьезной основы - километровые ленты походов Марины.

Единственным, маломальским моментом, хоть как-то оправдывающим - хотя чувство ревности и нет на самом деле серьезного оправдания; не иначе как глупостью это и не назовешь - мои чудовищные предположения, служило, быть может, то обстоятельство, что Марина была необычайно приспособлена к жизни. И это все наряду с излишне сексуальной внешностью, не очень умной головой (сама Марина, впрочем, так не считала, и оттого иной раз стремилась доказать обратное), а также с присущей ей страстью ко всему новому и неизведанному (так называемый синдром авантюристки, жаждущей найти в обычной жизни то, что там, как вроде бы, и не было. (И выходило так, что я знал - подобные качества притягивала негодяев и мошенников. А оттого беспокоился еще больше. Уже за нее).

Сейчас, когда прошло уже достаточно лет, чтобы говорить о тех событиях без мучивших меня волнений, я конечно же понимаю, что основной причинной моей ревности по отношению к Марине была не любовь. Ну, или, -- не только любовь. На первый план выходило чувство частной собственности

по отношению к этой девушке. И мне, конечно же, была неприятно мысль - да что говорить, я даже подобного боялся и предположить - что кроме меня кто-то тоже может делать с Мариной все что захочет. Быть может, если бы наши сексуальные отношения были не настолько необычны, я бы, быть может, и был бы внутренне спокоен. А так...

Иногда я вспоминал, как внешне старавшаяся казаться 'неприступной' Марина уже через какое-то время ползала у меня в ногах, стремясь припасть губами к тому единственному, с чего она любила начинать наши сексуальные игры. Причем, как-то необычайно возбуждаясь, когда ей это действительно удавалось (почти всегда удавалось. Трудно было кому-то устоять против такого женского желания).

Удивительно, но получая за время любовных утех несколько оргазмов, первый у нее всегда случался тогда, когда она своими удивительно мягкими (с присущей им когда надо твердостью) и податливыми губами, помогая себе необычайно маневренным (слово-то какое!) и искусным языком выписывала загадочные пируэты, после чего всасывала все мое содержимое, накопившееся за период, в общем-то, и недолгого воздержания; при этом, еще одно наслаждение она получала, когда, доведя дело до долгожданного финала - откидывала голову, давая возможность пройти 'результату любви' вовнутрь, а, бывало, выступавшие на губах капли -- с наслаждением растирала по лицу, от чего содрогалась в новых конвульсиях страсти.

Что до меня, то я никак не относился к этим ее этим причудам (вернее - к заключительной их части; то что было до этого - сама 'работа' одной из моих любимейших ее частей тела -

---

мне очень даже нравилась), считая, что то, что девушка добыла своим трудом - принадлежит ей по праву. (А значит, она вольна распоряжаться с ним так, как ей заблагорассудится).

Возвращение Марины - а она пока всегда возвращалась от своего папаша, у которого я подразумевал (только предположение) дела шли не слишком хорошо (иначе давно бы снял свою, думаю, надоевшую и ему дочь в каком-нибудь фильме) - проходило под знакомом какого-то непрекращающегося секса, когда одержимые и соскучившиеся друг по другу мы боялись разлучиться даже на миг, отдавая все время (мне было не до работы, Андрей выкручивался самостоятельно) все более и более изощренным позам. Причем, 'свобода к творчеству' рождалась почти сразу же после приема внутрь различных горячительных напитков, коими предпочитали никогда себя не ограничивать (запасаясь впрок, дабы ничто 'не отвлекало от главного'). Наверное, интересно, но чем больше мы занимались любовью, тем больше наш организм вырабатывал 'желание'. В удовлетворении которого мы с новым извращением и разнообразием окунались в еще более глубокие потоки лавы любви, пока не вздымались вверх, оказываясь в стратосфере непревзойденный ощущений и счастья.

Но лишь только заканчивалась неделя (обычно неделя) любви - и это тоже, к сожалению, грозило стать традицией - у нас начиналась чередой скандалов, которые с большей или меньшей силой также заполняли все наше время.

И как бы не хотелось мне, но выходило так, что понимал я (более чем, понимал) причину этих 'скандалов'. Но понимая, совсем как будто и не мог (не был способен) ничего с собой

поделать. Не мог (действительно не был способен) изменить подобную 'закономерность'. Потому как догадывался я, что, к сожалению, раздражает меня Марина. Уже сама по себе. И если случались у нас минуты 'примирения', то зачастую были вызваны они исключительно сексом. Тем неодолимым сексом, который с легкостью изменял 'настроение' еще минуту до того выкрикивающей проклятия в мой адрес Марины, заставляя ее уже в следующее мгновение стонать от удовольствия, а потом и исступленно хохотать в сексуальном припадке следовавших один за другим оргазмов, когда из нее буквально выплескивалось 'наслаждение', заливая и так уже намокшую под нашими разгоряченными телами простынь. Ту самую простынь, в которую Марина любила - после всего - заворачиваться, погружаясь в несколько минутный, умиротворенный и практически всегда наступающий сон; чтобы после, очнувшись, и словно вспомнив что-то, быстро бежать в ванную, откуда вскоре начинало слышаться пение радостной, получившей свое и успокоившейся женщины; и чтобы уже после - и от этого мне становилось еще печальнее - в одночасье превратится в злобную и всем недовольную мегеру, забиравшую у меня последние душевные силы, и чтобы не допустить этого, я уходил куда-нибудь в бар, напивался, а потом приходил и выплескивал на к тому времени уже спящую (и ни о чем не подозревающую) Марину свое зло, срывал с нее одеяло и насиловал, насиловал, насиловал...

А она дико хохотала, требуя еще!

'Еще' получалось не всегда. И тогда я с трудом связывал расходившуюся и плюющуюся в злобе Марину, выкрикивающую проклятия, и трясущую своей взлохмаченной от пота и злости

головой, и это как то по особенному возбуждало меня, потому что я набрасывал на это бьющееся в истерическом припадке тело одеяло, поворачивал этот клубок изрыгающихся проклятий к себе так, чтобы Марина оказывалась ко мне спиной, и когда мне уже ничего не мешало, я накрывал ее своим телом, и словно конкистадор с криком вонзался туда, где, я знал, ей (да и мне) будет особенно приятно.

А бывало, она просила о том меня сама; и тогда используя заранее заготовленное подсолнечное масло, я осторожно раздвигал ее тут же становившиеся податливыми ягодицы, и через время она уже окончательно расслаблялась, пропуская меня в счастливом предвкушении вовнутрь, а потом начинала извиваться в таком иступленном режиме телодвижений, что у меня закатывались глаза от наслаждения, и я уже не в силах сдерживаться, бился и кричал вместе с ней. (Причем, у меня отчего-то были все основания предполагать, что от всего этого она получает чуточку больше удовольствия, чем я).

А потом мне отчего-то становилось стыдно. А она, очнувшись, просила еще и еще. И на какие только ухищрения она не пускалась, чтобы поднять то, что бы ей помогло удовлетворить начинавшееся желание. Притом что, случалось, она не в силах была ждать, и уже начинала меня насиловать сама. А я, как мог, сопротивлялся.

Так мы и жили.

Глава 11

Утомительная обыденность будней к моему превеликому сожалению действительно начинала мне надоедать. А отношения с

Мариной и вовсе теперь сводились к сексуально-потребительским. Но иначе я и не видел, в чем еще могу в ней нуждаться.

Хорошо, правда, что еду еще готовила. Но ведь семейная жизнь, вероятно, предусматривала не только приготовление пищи, совместное проживание или секс. Ну, о любви пусть я сейчас и не говорю. В какой-то мере секс может являться ее заменяющим, но вот я об элементарных человеческих взаимоотношениях... О доброте и понимании, в первую очередь... Ведь проанализировав сложившуюся в нашей семье ситуацию, я пришел к выводу, что моя некогда любимая девушка превратилась всего за год-два нашей совместной жизни в вечно недовольную и сквернословящую особу, которая давно уже считала излишним себя сдерживать в выражении чувств. Но ведь, чувства чувствам - рознь. Одно дело, когда она так себя ведет в постели (в иных случаях это даже может приветствоваться). И совсем другое, когда женщина начинает вести себя столь же раскованным образом и в повседневной жизни.

Но что я мог с ней поделать?.. Бывало, приходя домой, я находил ее пьяной, пытавшейся выкрикивать какие-то ругательства, лишь только завидев меня; и при этом лицо ее менялось до неузнаваемости, являя собой жуткую маску то ли спившейся волчицы, то ли свихнувшийся рыбы (особенно эти полупьяные на выкате глаза, да полуоткрытый рот, скривившейся то ли от посталкогольных судорог, то ли от презрения ко всему человечеству). И тогда я, сжигаемый растапливаемой меня изнутри и появившейся неизвестно почему ревностью -- выбегал на улицу. А после, приходя, и не обнаружив ее, выбегал снова. И обыскивая каждый двор, находил ее около какого-нибудь ларька;

где пьяным, заплетающимся языком, и жестикуляцией, вызывавшей усмешку у невольных слушателей, она пыталась о чем-то разговаривать, уж и не знаю, понимала ли сама - с кем? И отчаяние настолько пробирало меня, что с трудом перехватив упирающуюся, и конечно же, нежелающую никуда уходить, Марину, тащил ее домой. А она, понимая, что проигрывает мне физически, расслаблялась, повисая в моих руках, а то и падала вместе со мной (ведь прибавила она за время жизни со мной основательно), и мне приходилось по настоящему трудно, но я маниакальным усердием нес ее. Притом, что кричала она по прежнему столь исступленно, что иной раз я думал о том, почему не забирала нас милиция. Хотя я обычно находился в таком состоянии, что наверное это было бы сделать невероятно сложно... А потом, заноса ее домой, я срывал с нее одежду, заталкивая эту пьяную блядь под душ; а как только приходила она в себя, то тотчас же тянулась ко мне, опускалась вниз, на ходу своего движения расстегивая мне брюки, и принималась за свое любимое занятие, которое исполняла действительно превосходно. Что всегда и подкупало меня. Потому что тогда я уже не думал ни о чем, сползая на пол, расслабляясь, и не препятствуя ее искусственным губам; и так продолжалось ровно до тех пор, пока я, не почувствовав приближение финала, переворачивал ее на живот, и изливал все свое недавнее недовольство туда, куда, собственно говоря, и она и я особенно того желали...

Глава 12

Моя некогда безграничная преданность к Марине с каждым днем угасала все больше и больше. Наконец настал тот

день, когда я понял, что самым разумным в моей жизни с ней будет просто-напросто переключиться на кого-то еще. И именно так - и я был в этом уверен - смогу попытаться забыть ее.

Конечно, трудно забыть, когда она находится рядом. Но мне было важно любым способом умалить то влияние, которое оказывала на меня она. И это можно было сделать только одним способом: изменив ей. Причем, по возможности, это должны были стать или частые (то есть постоянные) измены, или даже - а такой вариант все больше напрашивался - замена Марины кем-нибудь другим.

И тогда, когда я все больше думал о том, что мне нужно было срочно сменить Марину, словно, как нельзя кстати, мне позвонил мой давнишний приятель - быть может даже когда-то товарищ, а то и друг - Борис Варакин. Борис Леонидович Варакин был из категории тех целеустремленных людей, которые на все случаи жизни имеют свое мнение, и всегда знают что они хотят. Небольшого роста, с густыми черными волосами, взглядом из-под лобья и фигурой спортсмена два десятка лет отдавшего любимом виду спорта (Борис в свое время был чемпионом города - Питера - по акробатике, и обладателем черного пояса по каратэ).

--Добрый день,--услышал я в трубке спокойный и уверенный в себе глосс Бориса. Он вообще предпочитал никогда никуда не спешить, а оттого любой его собеседник инстинктивно вслушивался в его слова.-Ко мне тут поступило одно предложение... Один мой знакомый - завтра проводит что-то вроде показательных выступлений.

--По каратэ?- уточнил я, и при этом мое воображение сразу нарисовало мне распространенную картину крушения досок и кирпичей, которыми на взгляд дилетанта и славилось каратэ.

-- По кунг-фу,--ответил Борис.-Но все, что ты себе наверняка представил,-- там тоже будет... Так вот, если есть желание - давай, подъезжай ко мне в зал, часикам... к пяти...

Борис подробно рассказал о местонахождении его зала, и собираясь было отказаться, я понял, что пойду.

На следующий день мы встретились на этих самых показательных выступлениях. Но в этой истории интересно совсем другое. Когда закончилось разыгранное - как я сразу догадался - по строгому сценарию представление, Борис предложил отметить нашу с ним встречу (у его знакомого, как оказалось, были еще дела) и пойти куда-нибудь 'посидеть'. Ну а так как и ему, да и мне, в какой-то мере приелись все эти бары, кафе, да рестораны - а на улице не позволяли холодные майские вечера - решили мы с моим старым знакомым проникнуть в школу (благо, что Борис арендовал спортзал как раз в одной из школ), где и посидеть за разговорами под водочку начинавшуюся ночь. Спортзал находился, как и в большинстве старых питерских школ в отдалении от главного входа. А единственный сторож - и это Борис тоже знал наверняка - находился совсем в другой стороне, да и притом несмотря на свои обязанности - в подобное время суток предпочитал спать под включенный телевизор.

Ну а чтобы как-то украсить нашу компанию - Борис предложил взять двух его учениц, благо, что 18-тилетние девочки - ученицы Бориса - явно сами были не прочь развлечься, что и показывали всевозможными способами.

Как говорится, сказано - сделано. Взяв в близлежащем магазинчике все, что было нам необходимо, и подхватив с собой двух девиц, мы вскоре очутились в той самой школе, ключи от спортзала которой действительно с загадочной улыбочкой тотчас же были продемонстрированы Борисом.

Сейчас уже и не припомню, какие тогда велись разговоры. Но только по прошествии какого-то времени мы с Борисом разделились - выбрав каждый себе по покрасневшей от алкоголя и интересного положения, в котором они оказались девушек - мы провели оставшееся до рассвета время во всевозможных ласках и любовных утехах, так что к утру, обессиленные и вконец опьяневшие (что-что, а водки мы взяли предостаточно) мы еле-еле успели покинуть так неожиданно приютивший нас спортзал, чуть ли не столкнувшись с заходившими в него на первый урок удивленными школьниками.

Что же до меня, то я из произошедшего получил двойное - если не тройное - удовольствие; ибо впервые за мои годы общения с Мариной наконец-то понял, что не только легко могу изменить ей, но и благодаря этой измене - способен буду вырваться из того влияния, которое она на меня оказывала.

Как говорится,-- начало было положено. Ну и к тому же я внезапно понял, что если мне случится расстаться с Мариной, то наступившему одиночеству я буду даже рад. А потому с каким-то придыханием ждал того разрыва, который (уже знал) должен состояться.

Глава 13

--Скажи мне, пожалуйста,--осторожно начал я обращаться к Марине. (Осторожно - потому как, зная ее удивительную способность не совсем адекватно реагировать на происходящее - Марина тотчас же начинала или орать, или разговаривать каким-то излишне нервным, срывающимся голосом и обвиняя меня во всех несуществующих грехах, или же наоборот, резко замыкалась в себе, а то и пускаясь в ничем не объяснимый плач. На все подобные ее 'проявления души' волей-неволей вынужден был реагировать и я. Потому как, у меня тотчас же менялось настроение; и я ощущал такое чувство вины, что готов был пойти на любые уступки, только бы она успокоилась. Я понимал, что жить так дальше -- для меня означало наказание, которого я не заслуживал. Так зачем же я вынужден это терпеть? Если человек не хочет себя сдерживать, - и от этого страдают окружающие, - так разве не должен такой человек жить один? Или если нет - то он должен находиться в психиатрической лечебнице. Там, конечно, ему ничем не помогут. (Разве что напичкают лекарствами, тормозящими нервную систему). Но, по крайней мере, это будет какая ни какая, но изоляция от общества. Необходимая, даже я бы сказал - 'обязательная' изоляция. Но вот вряд ли я мог рассчитывать, что на это согласится Марина. Хотя подлечить нервы ей бы не помешало. Но как бы то ни было, я уже твердо для себя решил с ней расстаться. Пусть, как говорится, она дурачит мозги другим. А заодно проверяет на прочность нервную систему теперь их. Но если раньше я был не способен распрощаться с ней, то теперь никакого иного выхода у меня и не было. Причем, могу сказать, что если и было что-то, чему я был благодарен этой женщине, то это то, что за время нашей

совместной жизни, моя нервная система укрепилась. И весьма существенно. Ибо приходилось настолько часто сдерживать себя, чтобы не спровоцировать обострение у Марины, настолько не обращать внимания и не реагировать на весь тот вздор, что несся в мой адрес, что это каким-то удивительным образом послужило укреплению моих нервов. И они закалились настолько, что теперь еще долго, какой невротически настроенный субъект мог орать, а я бы мог почти гарантировать, что не дам ему за это в рожу). - Скажи... Ты действительно не желаешь измениться?- задал я Марине провокационный вопрос.

--А в чем я должна измениться?!- тут же отреагировала она.

--Ну, я имею в виду, твое поведение. Начиная с постоянных криков да нелепых обвинений. И заканчивая уж слишком частыми и подозрительными поездками в Москву. Ведь когда-нибудь придется выбирать между актерской жизнью -- именно на нелепую перспективу сниматься в кино Марина променяла участие в нашем с Андреем совместном бизнесе, который у нас хоть маленькими темпами, но развивался - и семейными отношениями.

--Что тебя не устраивает?- вспыхнула Марина.- Ты, который---

--Все, все, все,-- предусмотрительно вытянул я обе руки вперед.- Остановись, сатана!- вырвалось у меня, и не давая Марине времени осознать смысл услышанного, я развернулся и ушел в другую комнату. А потом, накинув куртку, и вообще вышел на улицу.

Настроение вновь грозило быть испорченным. Я шел по улице. И передо мной медленно проплывала вся картина наших с ней отношений. И как бы мне, быть может, не хотелось уцепиться за что-нибудь хорошее - та нелепая гадость, которая неизменно сопровождала наши отношения - значительно перевешивала все остальное. Так что же дальше мне было ожидать от такой жизни? Наиболее справедливым решением было разойтись сейчас. Ведь рано или поздно такое все равно случится. Но вот нервов друг у друга за это время мы подпортим немало.

И с твердой уверенностью расстаться с этой женщиной, я зашагал быстрее, внезапно вспомнив, что давно уже не был у одного из своих товарищей, который - как я знал - открыл неподалеку от моего дома (всего в полчаса ходьбы) кафе. Он одно время, помнится, очень даже хотел, чтобы я к нему зашел. Ну а так с его последнего 'приглашения' прошло не так много времени - я решил тем его 'приглашением' воспользоваться сейчас. И направился к нему. Звали моего товарища Федор Богданович Левинсон. Было ему шестьдесят лет. И знали мы друг друга почти пятнадцать лет. Потому как впервые я с ним познакомился, когда мне было 13. И я тогда пришел заниматься в секцию бокса, где он работал тренером. Правда, с боксом у меня, как говорится, не сложилось. Прозанимавшись пару лет я ушел на борьбу, где впрочем, тоже прозанимался примерно столько же, я и вовсе оставил спорт.

Но вот с Федором Богдановичем отношения поддерживал.

Старого тренера я застал - как и предполагал - на его рабочем месте. В кабинете директора кафе. Его личном кабинете. Кабинете директора и хозяина круглосуточного кафе. Конечно, сейчас было только восемь вечера. И, скорей всего, всю ночь на работе он засиживаться был не намерен. А, быть может, и вовсе уже собирался уходить. (Я даже немного опасался - удастся ли его застать). Но оказалось, что совсем недавно он там открыл еще один зал (что-то на вроде дискотеки). А потому теперь засиживался как раз до полуночи. Так сказать, контролируя рабочий процесс.

Старик (а внешне Федор Богданович как раз на старика-то никогда и не походил: среднего роста, с неплохой фигурой бывшего спортсмена, живой, общительный, необычайно начитанный и интеллектуально развитый, Федор Богданович являл удивительный пример разносторонне развитого интеллектуала: разбирался в политике, истории, экономике, бизнесе, юриспруденции, а также таких самих удивительных областях как искусствоведение, литература, и философия. При этом, что касалось внешности, носил весьма модную прическу с в меру длинными седыми волосам, неизменными джинсами, рубашкой на выпуск, футболкой на выпуск, кроссовками, и это все довольно красочных цветов: желтых, синих, красных... да такой же яркой была куртка, если того обязывала погода), старик меня встретил как всегда приветливо, и, казалось, он был необычайно обрадован моему появлению.

Так ли это было на самом деле или нет - я не знал. Но Федор Богданович был прирожденным психологом, так что

определить его истинное настроение - если он того не хотел - было практически невозможно.

--Здравствуй, Богданович,--обнял я вставшего мне навстречу улыбающегося старика.

--Привет, привет,--ощутил я крепкое объятие старого спортсмена. - Какими судьбами?-хитро прищурился он.-- Решил наконец-то навестить старика?

Насколько я помнил, Федор Богданович называл себя 'стариком' уже после сорока, и был не только не против, но и даже испытывал какую-то особую радость, когда к нему так обращались.

Когда-то Федор Богданович серьезно подумывал уйти в политику. Но уже почти добившись своей цели - он баллотировался в депутаты местного ЗАГСА - Федор Богданович внезапно снял свою кандидатуру, и вернулся обратно в бизнес. Как он пытался шутить - расхотелось носить каждый день официальный костюм. Не знаю, верил ли кроме самого Федора Богдановича такому объяснению, но вероятно все догадывались, что дело тут не чисто. Притом что, об истинной причине вряд ли кто догадывался вообще. А вот я об этой причине знал. И заключалась она в том, что Федор Богданович был, что называется, нетрадиционной сексуальной ориентации. Что до меня, я на эти вещи смотрю вообще нейтрально. Педик ты, голубой, или пидор - все в порядке, если не навязываешь свое 'желание' окружающим. Но так, видимо, считали не все (да и понятно, что не все). И конкуренты Федора Богдановича решили сыграть как раз на этом.

Поэтому и уже почти победивший, Федор Богданович неожиданно для всех (кроме 'посвященных') снимает свою кандидатуру. И с тех пор уже о политике забывает.

--Ну что ж,--выдержав несколько минутную паузу после моего предложения влиться в наш с Андреем союз, и оглядывая все это время меня, произнес старик.- Если бы ты пришел немножечко раньше... Сейчас идет становление моего бизнеса... Кафе, бар, дискотека... и просто порой не хватает элементарного времени (старик смущенно улыбнулся. Он был еще тот актер) даже выспаться. Ты же знаешь наших русских работников, чуть ослабишь контроль,--и останешься без штанов,--улыбнулся он, продолжая смотреть на меня, и видимо решая про себя: догадываюсь ли я что он просто не хочет, и ищет причину отказать.

--Да понимаю я,--успокоил я старика.- Считай что я ничего тебе не говорил.

--Тогда за тебя,--улыбнулся Левинсон, беря рюмку водки с подноса, который держал перед нами предусмотрительно появившийся официант.

--Хочу посоветоваться с тобой еще вот о чем,--произнес я, после того как поставил свою рюмку на стол, и промокнул губы салфеткой. Опуская некоторые, казавшимися мне излишними, детали, я обрисовал Федору Богданович историю, в которую попал с Мариной. И попросил у него совета, как быть дальше: совета, как говорится, с позиции прожитых им лет.

И старик дал мне совет. Совет, который в точности совпадал с моим (почти уже принятым) решением. И все сводилось к тому, что с Мариной следовало расстаться. Что я и

пообещал Федору Богдановичу сделать в ближайшее время. Ну а пока... пока я охотно принял предложение старика, и прошел в зал. И судя по уже находящимся там одиноким девушкам, с любопытством поглядывавшим на меня, вечер обещал быть прекрасным...

Глава 15

Ну что ж: я как никогда был уверен, что с Мариной следовало расстаться. И сегодня шел домой с твердой решимостью сказать ей о том. Однако, стоило мне переступить порог квартиры, как я услышал тихий плач, раздающийся из кухни. Заглянув туда, я застал Марину сидящую на полу возле батареи. Она действительно плакала (поначалу было думал, что показалось). Даже плачем-то это нельзя было назвать. Скорее... скулила...

--Что случилось?- недоуменно произнес я.

В ответ продолжились все те же самые звуки, и мне пришлось несколько раз в различных интонациях повторить вопрос, прежде чем ситуация прояснилась. Оказалось, причины даже никакой не было. Просто-напросто девушка слегка 'перебрала', и, уже как следствие: задумавшись о своей судьбе - плакала теперь из жалости к себе же... По количеству валявшегося на полу спиртного я мог допустить, что мысли ее были и на самом деле не сладкие.

С подобной ситуацией мне уже приходилось встречаться раньше. Именно таким вот образом Марина часто - быть может, и слишком часто - добивалась 'своего'. Когда-то она слишком быстро почувствовала мой не в меру мягкий характер, и оттого зачастую искусственно прибегала к такой форме отношений, дабы

скорейшим образом расслабить меня, добившись запланированного результата.

Но так было раньше, когда моя любовь к ней имела характер безумства. Теперь же я знал, что подобный номер у нее не пройдет.

И все же, как я не крепился, но был вынужден признать, что поторопился в своих выводах. И ей вновь удалось 'разжалобить' меня. И через несколько минут моих отчаянных сопротивлений я все же был вынужден сдаться. И прислонившись к стене, опустил руки на ее голову, дав возможность присевшей около меня девушке, сделать все, что она задумала.

Ну а так как желала она одного, то вполне понятно, что через какое-то время это и произошло, и только тогда я наконец-то увидел на ее лице довольную улыбку.

--Ну что, теперь можно и выпить,--весело и с чувством исполненного долга (или удачно выполненного дела) произнесла она, промокнув свои губы.

--Можно,--обреченно согласился я, и уже через минуту мы сидели за кухонным столом, разговаривая за бутылкой вина, извлеченной их холодильника (вслед за первой вскоре последовали и еще две).

--И все же я с тобой расстанусь,--сказал я, когда наши посиделки давно завершилась, и я, задержавшись в ванной, пришел в спальню, застав Марину уже спящей.

Глава 16

Так что же такое страсть? Что есть это неведомое, и неведомое потому, что, несмотря на десятки, а то и сотни

различных мнений, до сих пор не изученное явление, которым иной раз мы подменяем наши отношения с женщиной, ошибочно считая, что это любовь? Или быть может, действительно страсть -- это любовь? И никак это иначе и не должно называться?! Но тогда как раз именно страстью мы должны измерять процентное соотношение любви. А если любовь без страсти? Неужели это тогда не будет считаться любовью?- задавал я себе вопросы, все больше понимая, что ответов найти не смогу. Точнее, не смогу прийти к какому-то единому знаменателю. Хотя бы потому, что в каждом конкретном случае решение может быть одно - и по своему верное. Но настолько, насколько один человек отличается от другого, бесспорно, точно также отличается и одна истина от другой. И стоит ли и дальше нам разрешать не разрешимое? Или быть может предоставить право это выполнить вам?! Потому как со стороны действительно виднее. Но никак не вернее. Хотя... не знаю. Быть может в чем-то я и ошибаюсь. Да, скорее всего, это так и есть. Но это моя жизнь. Моя частичка души. А как оно там сложится дальше, если честно, я не знаю. Точно не знаю. Или вы думаете иначе?..

P.S.

А с Мариной я действительно расстался. В один их дней - застав дома лишь записку, где она сообщала, что срочно уехала в Москву 'искать счастье' (на какие-то там нелепые кинопробы. Нелепые, потому что все предыдущие она провалила), я просто-напросто принял, быть может, единственное на тот момент правильное решение: привел в квартиру другую женщину. Ибо только таким способом можно мне было безболезненно пережить развод с ней.

Ну а когда она через месяц вернулась (за этот месяц не было не единого звонка. Должно быть, верила в силу своего любовного магнетизма при возвращении), я просто-напросто поставил ее 'перед фактом'.

P.P.S.

С момента былой истории прошло почти десять лет. А сейчас, когда я еду в поезде дальнего следования (решил впервые за долгие годы выбраться на юг, на море) и уже почти дописываю эти строки воспоминаний (как оказалось, купе вагона необычайно к этому располагает), после одной из станций - столь незначительных, что поезд стоял там не более минуты, в наше - с мирно дремлющим на протяжении всей поездки соседом - купе тихо постучали, и когда через пару должно быть специально выдержанных секунд та отворилась, я инстинктивно обернул голову и... и отказался верить своим глазам. На пороге купе стояла... Она. Изменившаяся, постаревшая, но... Она. Марина...

2003 год.

Повесть

Братья Григорьевы, или семейная идиллия

«Весь мир - театр. В нем женщины, мужчины - все актеры».

Шекспир

Глава 1

Григорьев понимал, что он себя, в общем-то, запутал сам. И сам виноват, что не может найти выхода.

Причем, зачастую, выхода в ситуациях, в которые раньше попросту не попадал. Как ни удивительно, это было так. Больше того. Эти ситуации раньше даже не могли и возникнуть. Это исключалось. Самим фактом существования и Григорьева, и, наверное, даже специфики ситуаций. Ведь часто получается так, что существует определенная категория людей, которая попросту не попадает в какие-то ситуации. И те (ситуации) словно проходят стороной. Обрекая на страдания других. И оставляя без своего ужасающего внимания 'избранных'.

Евгений Григорьев не мог поручиться, что он принадлежал к этим избранным. Просто все складывалось так, что жизнь ему доставалась легко. Он не задумывался о том, что будет с ним завтра-послезавтра. Так же как не помнил, что было вчера. Да и зачем ему было об этом думать? Причем, совсем даже не потому, что за него думали другие. Нет. Женя Григорьев всегда любил думать сам. Даже, может быть, размышлять.

.....
.....

Размышлял Женя обо всем. В его размышлениях не прослеживалась какая-то конкретная линия. Как-то выходило, что в один из дней он вдруг начинал чувствовать, что находится на пороге каких-то удивительных мыслей. Быть может даже открытий.

Что это было, и о чем, собственно, будут эти гениальные мысли-открытия, Женя не знал. Конечно же, не знал. Да и откуда он мог знать? Ведь все равно все, большей частью, случилось

внезапно. Григорьев занимался какими-нибудь повседневными делами. И вдруг - озарение. И в его мыслях случалось какое-нибудь открытие. Ему становилось тут же интересно. Еще бы. Почему? Как? Что будет после?.. Задавал себе вопросы Григорьев. Ему непременно хотелось что-то выяснить, докопаться, быть может, до глубин...

Но чтобы столь глубоко копать, Григорьеву нужно было залазить в свое подсознание. Чего делать ему не хотелось. Он боялся. Боялся невольно выпустить нечто страшное. Что до времени скрывалось там. И без наличия чего, в своей сознательной жизни, ему очень даже хорошо жилось. Но вот если оно внезапно выпрыгнет ('а оно непременно выпрыгнет, -- рассуждал Григорьев, -- если он только откроет засовы души'), то уже все в его жизни может пойти по-другому. Наперекосьяк. И этого Евгений очень боялся.

Он боялся также темноты, огня, и вообще стихийных бедствий. Любых. Причем он совсем не боялся умереть. Уже два раза Женя пытался покончить жизнь самоубийством. Причем весьма сознательно. У него было такое желание. Хотя и до реального его воплощения дело, конечно, не дошло. В последний момент Григорьев подумал, что умирать сейчас было бы слишком глупо. Рано. Слишком рано. Тем более, что он как-то до сих пор и не разобрался в собственных мыслях-желаниях. Мыслях -- и тайных желаниях. Тайных мыслей -- и скрытых в подсознании желаний.

Желания у Евгения все больше носили сексуальную подоплеку.

Иногда в своих мыслях Григорьев соглашался с собой, что он законченный негодяй и сексуальный развратник. Ему хотелось насилия. Над женщинами. Причем, даже совсем необязательно насиловать ему. Пусть выебут его они. Набросят удавку на голову, свяжут руки-ноги, привяжут к кровати, и, приведя в возбужденное состояние его член - станут Григорьева насиловать. Много и без стыда.

От подобных мыслей у Жени Григорьева всегда вставал член. Он рисовал в своем воображении все то, что эти многочисленные женщины будут делать с ним. И что он, Евгений Григорьев, будет вытворять с ним после. Когда долгожданное лидерство перейдет к нему. И уже будет ебать их он, а не они - его.

От подобных мыслей Григорьеву иной раз становилось страшно. Притом что он совсем даже был не пугливым человеком.

Удивительно, но когда дело касалось наличия какой-то опасности (даже только теоретического возникновения ее), Григорьев не боялся. Он сразу внутренне как-то мобилизовался. Ему становилось даже на удивление приятно. А еще - легко и свободно. Он словно начинал существовать в новой, совсем иной плоскости восприятия этой жизни. Ничто его не отвлекало от осознания существования какой-то истины. Истины, которую он даже и не искал, -- зная что она есть. Существует. А ему становилось как-то уж очень свободно, что это было так.

И совсем не нужно было Григорьеву предпринимать над своими мыслями какое-то усилие. Все выходило словно само собой. Жизнь принимала четко очерченные горизонты. Ну, или быть может наоборот - выходила из горизонтов собственного

восприятия действительности. И перед ним открывались какие-то уж и вовсе бескрайние просторы. Все становилось понятно. Не нужно было ни от чего скрываться. Все что могло произойти - происходило. Все что когда-то только теоретически предполагалось - свершалось. Все свершалось. И даже если на самом деле этого все же не происходило, Григорьеву казалось, что наоборот - оно уже произошло. Непременно произошло. Просто по каким-то причинам он этого, быть может, не заметил.

А может и не обратил внимания. Думая...

Он сам порой терялся, о чем он при этом думает. О чем? Женя не знал. Он иногда вдруг убеждался, что что-то совсем даже не понимает.

И самое интересное, что ему, по сути, нравилось пребывать в таких вот состояниях. По крайней мере, он совсем не искал возможности избавления от них. Быть может даже -- наслаждался наличием их. И совсем не хотел, чтобы они куда-нибудь исчезли.

'Они не должны исчезнуть', --не раз повторял про себя Григорьев.

Подобное он мог проговаривать и в слух. Ему казалось, что все что происходит, непременно должно случиться. Непременно. Да и вообще можно предположить (и подобное иной раз 'предполагалось' в его воображении), что Григорьева выбрали в качестве некоего передаточного звена. И о настоящем своем предназначении он даже не знает. Совсем не знает.

.....

.....

Порой Григорьеву казалось, что он сходит с ума. Это на самом деле было не так. Евгений закончил медицинскую академию по специальности клиническая психология. Отличить сумасшедшего от более-менее нормального индивида он мог. К тому же его родной брат, Вячеслав, был психиатр. Работал в психо-неврологическом диспансере. Если бы он что-то почувствовал - сказал. Его брат был циник и хам. Ему были безразличны все люди, кроме него.

Большой радостью было для Вячеслава находить в людях какое-нибудь психическое отклонение. Стоило ему только обнаружить подобное, он сразу преображался. Из внешне меланхоличного человека Вячеслав превращался в параноика. Или вообще - психопата. Евгений подозревал, что его брат психопат. Но, будучи знаком с проявлением симптоматики психических заболеваний - просто умело подстраивался под адекватно воспринимающего реальность человека.

На самом деле это был только поверхностный пласт, заметным окружающим. В своей же душе Вячеслав, стоило ему только определить в собеседнике какое-то психико-неврологическое (или хотя бы только пограничное) состояние, становился таким же больным. И ничего не мог с собой поделать. Умело мимикрируя только на людях. А когда оставался один - мучился кошмарами.

И с возрастом все чаще случалось, что какое-то время он вполне спокойно выслушивал пациента (обычно со скептической улыбочкой, все понимающим взглядом, и скрещенными на груди руками), а потом, когда тот уходил, уже не мог себя сдерживать. И

в своем поведении Вячеслав с точностью повторял только что поставленный другому диагноз.

Причем мог находиться он в таком состоянии достаточно долго. Порой сутки. А потом все исчезало. Внезапно. Так же неожиданно, как и начиналось - позже -- вновь.

Хотя иногда бывало, что ничего не начиналось. Пациент уходил, а Вячеслав оставался таким же. Потом начинал недоумевать. Потом начинал ругаться (обычно он ругался матом), что в его жизни происходит что-то непонятное. Он не изменяется. Остается нормальным. И даже не то, что он хотел стать, пусть и на время, ненормальным. Нет. Просто выходило так, что Слава привык к своим новым состояниям. Привык к возникновению их. Приучил себя, что они должны непременно периодически происходить.

Впрочем, когда они не происходили они - Слава сам вызывал их. Поначалу искусственно. А потом уже все случалось как бы и само собой.

И уже совсем невозможно было от этого избавиться. И следовало просто принимать сей факт как свершившийся. Как нечто обязательное и непреложное к существованию самой жизни. И к наличию в этой жизни его, Вячеслава Григорьева. Родного брата Жени Григорьева. Тоже, по сути, сумасшедшего. Городского сумасшедшего.

Не знаю как сейчас, а раньше существовала подобная категория людей. Городские сумасшедшие. В какой-то мере образ городского сумасшедшего выведен в Чеховской палате ? 6. Там один из таких сумасшедших разгуливал по городу, вокруг него бегали дворовые мальчишки.

Когда шел по улице Вячеслав, мальчишки вокруг него не бегали, не дразнили, и не насмехались - только лишь оттого, что внешне Вячеслав совсем не был похож на придурка. Одевался он пусть не модно, но всегда опрятно. Обычно на нем был выдавший виды костюм. Пиджак застегнут на все пуговицы. Какой-нибудь неприметный галстук. На ногах, в зависимости от погоды, туфли или ботинки. Проживал Вячеслав вместе с братом в Санкт-Петербурге. Вячеслав жил в самом центре, на канале Грибоедова. А Евгений тоже в центре, на улице Моховой.

У Вячеслава была отдельная квартира. Евгений жил в коммуналке.

Они были почти одного роста. Высокие, крупные, с пышными усами и шевелюрой, когда находились вместе братья походили на этаких клоунов-шоуменов. Потому что у них у обоих было на удивление простое, и даже немного глуповатое, выражение лица. Странно, но это было так. Притом что всем было вполне понятно, что подобное выражение лица обоих братьев совсем не отражало истины. Дураками братья не были. А сами себя даже считали умными. Более того. Каждый из них считал себя умнее другого. Ну, так уж выходило...

.....
.....

Между братьями было четыре года разницы в пользу Вячеслава, он был старшим.

При этом тридцатисемилетний Евгений казался старше Вячеслава. По виду Жене можно было дать сорок три - сорок пять, а Славе - начало тридцати. И не потому, что был он инфантилен. Просто так выглядел.

Вообще-то мне всегда казалось, что братья выглядели как придурки. Ну, быть может, походили на них. Хотя, конечно же, таковыми, наверное, не были. А уж то что казалось мне... Да и причем здесь я. Речь-то не обо мне...

.....

.....

Евгений любил своего брата. И не только его. Ему вообще нравились люди. Разные люди. К одним он испытывал большую симпатию, к другим меньшую, но то, что люди ему больше нравились, чем не нравились, было неременным фактом действительности. Женя вообще был добрым и общительным человеком.

Иногда он становился очень добрым.

Подобное обычно происходило, когда у него что-то получалось. Ну а так как в большинстве случаев получалось всегда, то и весел он бывал чаще обычного. Тем более что был у него и свой секрет веселья. Три раза в день, утром, днем, и вечером Женя принимал по 50 граммов коньяка. Для повышения жизненного тонуса.

Иной раз он слегка переусердствовал. И тогда веселость его зашкаливала. А он ходил пьяный и шальной. Постоянно шутил и смеялся. Да и вообще -- радовался жизни. Ну, не унывал, по крайней мере. Не любил он унывать. Так же как приветствовал веселость и в других. Даже, быть может, наслаждался этой веселостью. Да это, в общем-то, так и было. Евгений радовался жизни. Все вокруг радовались за него. Был счастлив он. Был счастлив его брат.

Хотя, по большому счету, Вячеслав не разделял такого уж оптимизма брата. И иногда ему казалось, что его дела и вовсе идут из рук вон плохо. В таких состояниях он очень переживал и хотел повеситься. Жить ему не хотелось.

Потом все происходило. Причем, зачастую столь неожиданно, что переход между тревогой и радостью он не замечал. Казалось, только что сидел, беспокоился, почти что плакал,-- а потом вдруг происходила вспышка радости. И он начинал смеяться. Иной раз дико смеялся. И в таких состояниях, конечно же, походил на сумасшедшего.

Мне почему-то кажется, что себе он тоже казался сумасшедшим. По его глазам я замечал, что Евгений все понимал. Иной раз даже более чем.

Но вот что было точно, он в этом никогда бы себе не признался. И здесь, наверное, высвечивается еще одна занимательная особенность характера Жени. Он был очень скромным человеком. Иногда становился скромным невероятно. И стеснялся и боялся при этом даже сам себя. Шарахался от тени. Извинялся перед упавшим с дерева яблоком (явно чувствуя в этом свою какую-то вину). В общем, представлял из себя самую любезность.

И, конечно же, переживал от всего этого. Да и не мог не переживать. Он был не такой как все. Наверное, знал об этом. Но себе не верил.

Вячеслав старался всячески поддерживать брата. Часто поддержка сводилась к совместному распитию спиртных напитков. Они напивались и ругались. Вернее, Вячеслав делал так, что бы ругался на него Евгений. Тем самым он повышал его

значимость. Словно бы давал понять, что главное все-таки Евгений. А он, Вячеслав, хоть и является страшим, но готов во всем подчиняться.

На удивление, подобный расклад иногда не устраивал самого Евгения. В нем словно бы боролись два начала. По одному из них он хотел быть счастливым и удачливым. По второму ему нравилось страдать. И он был не в состоянии избавиться от ощущения несчастья, в котором находился, искусственно себя в него погружая.

Подобное состояние было достаточно странным. Ему хотелось... в таком состоянии ему мало что хотелось. Но... он наслаждался этим состоянием. И не собирался из него высвободиться.

Все происходило так, словно бы это и должно так быть. И продуманно заранее до мелочей.

Это была своеобразная игра. Игра, правил в которой не существовало.

Так же как, быть может, и не существовало самой игры. Уж слишком все было непонятно. Уж слишком непродуманными иной раз оказывались последствия. Уж слишком все казалось нелепым и непредсказуемым. Странно... Слишком странно...

.....

.....

Евгений не искал спасения из своих депрессивных состояний. Если они случались, он пребывал в них, считая, что попросту так должно быть. И если суждено этому состоянию исчезнуть, значит, оно исчезнет. Если же пока оно было, значит...

Значит само подобное состояние служит неким знаком того, что на Евгения возложена какая-то миссия.

Какая? Этого он не знал. Но верил, что в ближайшее время тайна откроется сама. Ну, или он увидит нечто, что сподвигнет его на разрешение загадки. Разгадки тайны. Ведь это, по большому счету, была тайна. Настоящая тайна. Пусть и значение и смысловая составляющая ее были несколько иными, чем (можно предположить) было на самом деле. Для Евгения это было, в общем-то, безразлично. Его, если хотите, интересовал сам процесс. Сложный и удивительный. А значит, он верил, что все будет более чем хорошо. А то и действительно великолепно.

Ну а пока он будет страдать,-- тем временем пройдет какое-то испытание. После чего встретит радость уже переродившимся человеком. Так это было. И он в это верил.

Вячеслав, когда находил брата в таких состояниях, считал, что с ним происходит настоящая беда. И бессознательно стремился его спасти. Пока не подтвердились его предположения: Евгений сам хотел оставаться в таких состояниях. Они ему нравились. Он находил, что они даже ему необходимы.

Что могло показаться странным, потому что Слава видел, что Женя при этом страдал. Действительно страдал.

А Вячеслав переживал от того, что ничем не может ему помочь. Так выходило, что и действительно ничем. Хотя, конечно же, знал, что помочь в состоянии. Надо только чтобы его брат этого захотел. И он ему поможет. Поможет словом. Поможет с помощью лекарств. Сила современной фармакологии как врачу была ему известна.

Но в том-то и дело, что Евгений не хотел. Он только грустно улыбался в усы. И глаза его оставались такими же грустными. Но от помощи отказывался. Даже пытался шутить.

--Ты идиот,--как то сказал Слава брату. Я всеми силами стремлюсь тебе помочь, а ты удивительнейшим образом избегаешь моей помощи. Почему?

--Видишь ли...

Обычно дальше Женя не продолжал. Ему было очевидно как происходящее с ним, так и его собственная реакция на это происходящее. Было лишь удивительно, что этого не видел его брат.

--Я не только не хочу этого видеть, но и мне ты порой кажешься наглым ухмыляющимся идиотом,--бывало, взрывался негодованием Вячеслав.- Ведь более чем явно...

--Более чем явно, что ты лезешь не в свое дело,-- перебивал его брат.- Лечи своих больных. А я здоров.

--Ну, конечно же... здоров...--ухмылялся Вячеслав.

На этом диалог с братом обычно заканчивался. Верить, что его брат и на самом деле умышленно стремится только к плохому, Вячеслав не хотел. Но как-то складывалось все именно так. И Славе Григорьеву было трудно избавиться от предчувствия, что если еще немного он пообщается с братом, то станет точно таким же. Пусть и на время, но у него начнется схожая симптоматика. Чего, естественно, Вячеслав не хотел. И к нему уже подкрадывалась грусть, что это так может случиться. И даже казалось, что непременно так и случиться. И ничего нельзя будет изменить. А то и никак не удастся из подобного состояния высвободиться. А значит, кроме ощущения надвигающейся

опасности, ему больше ничего будет и не почувствовать. И уже предстоит бороться за свое существование. За свободу своего существования. Ибо, что это еще было, как не свобода. Вернее, свободой называлось то, что с ним происходило сейчас; и то, что будет после излечения. А уж если он заболит (психически заболит), то...

Вячеслав не хотел думать, что будет в этом случае. Но он допускал, что будет что-то не очень хорошее. А значит просто следовало делать все, чтобы подобные состояния наступили.

Что почти означало, что ему необходимо было меньше общаться с братом. Когда у Евгения подобные депрессивно-меланхолические состояния пройдут, с ним общаться было можно, и даже, быть может, нужно. Но пока с его уст срывается явный негатив, делать этого не следовало.

Евгений и сам радовался, когда из его сознания исчезал патологический цинизм. В таком случае уже все становилось по-другому. А он радовался жизни. Верил во что-то доброе. И даже не только верил, но словно и сам становился по-доброму светел. Радовался жизни. И... ждал новой депрессии. А когда наступление ее затягивалось - вызывал ее. Начинал думать, что все плохо и будущего нет. И тот час же из его бессознательного выползло все это безобразие. А ему и на самом деле становилось грустно.

Бесперспективность - вот то, что начинало подспудно диктовать свои условия.

И он начинал верить (неосознанно), что плохое действительно к нему придет. И даже уже пришло. А значит еще немного, и оно начнется.

Глава 2

Валентина Мишина была любовницей обоих Григорьевых. Но они не знали что обоих. И по наивности каждый из них считал эту девушку своей невестой.

Вале было двадцать три. Длинные рыжие волосы. Длинная, худая и нескладная фигура. И при этом какая-то по особенному приятная блядинка в глазах. И большой рот. И некрасивое мужское лицо. И динамит между ног.

Ни Евгений, ни Вячеслав не понимали, что каждому из них нравилась в Вале больше. Тайно каждый из них хотел на девушке жениться. Никто из них ей об этом не говорил. Только намекали. Но и Славу, и Женю смущала большая разница в возрасте. И, по сути, им с Валею было неинтересно. Все что им в ней было интересно, это ее рот, попа, и то, что скрывалось у Вали между ног. В каждую из этих частей они любили входить своим членом. Конечно же, когда кто-то из них оставался наедине с девушкой. Хотя, случалось, Валя приходила к братьям, когда они были вместе (пили, например, или играли в шахматы). И под надуманным предлогом вызывала одного из них в другую комнату. Там делала ему минет. Потом вызывала другого. И делала тоже самое.

Никто из братьев, из ложной скромности, не признавался другому, что только что произошло с ним. Хотя по их виду и так все было заметно. Уходили они с Валею напряженные, и немного даже встревоженные. А возвращались с какими-то поистине умиротворенными лицами. А вот взять бы им, например, да и оттрахать Валентину на пару. Да и девушка этого хотела. Но как-то стеснялась предложить.

.....

.....

Валя Мишина была фотохудожница. По сути, фотохудожница была никакая. Но в журнале, где она работала, ей платили достаточно высокую заработную плату. Чему Валя искренне радовалась, считая это заслугой ее таланта. На самом деле если и был у Вали какой-то талант, то скрывался он между ее длинных ног. А главный редактор выписал ей повышенную зарплату потому, что был пожилым честным человеком. И считал, если его сотрудница изредка сосет у него член, то он должен за это ее как-то отблагодарить.

Он не покупал ей подарков и не давал денег просто так (хотя ей, иной раз, этого очень хотелось). Он периодически повышал ей оклад. Считая, что девушка будет вполне в состоянии сама купить себе что пожелает.

При этом редактор ее немножечко ревновал. И зная об этом, Валя на всякий случай сказала ему, что любит только его. Понимая, что это только еще больше повысит ликвидность ее акций, и совсем не приведет ни к каким последствиям. У редактора была пожилая некрасивая жена и взрослые дети. Еще у него был внук. Внук был ровесник Вали. Вале было на это наплевать. Сосать у редактора она считала своим долгом. Хотя, конечно, ей необходимы были и эти повышения зарплаты. Валя хотела быть самостоятельной девушкой. Ни от кого не зависеть. Она и так зависела от многого. От мужского члена, например. И как только видела любого обладателя мужского достоинства, Вале тут же хотелось взять у него в рот. Пососать. Хотя бы немножечко.

Когда это случалось, она успокаивалась. У нее снималась, так иной раз раздражающая ее внутренняя тревожность. И девушка чувствовала уверенность. Уверенность давала ей власть над мужчинами. Только откровенные придурки, после того как у них пососали хуй, продолжают оставаться придурками. Большинство мужчин оказывались ей благодарными. Старались сделать какие-нибудь подарки, или незаметно положить в сумочку деньги.

Суммы разнились. Кто-то мог положить пятьсот рублей, а кто-то и сто долларов. При том что кое-кто из них мог щедро отстегнуть несколько стодолларовых бумажек.

И ведь при этом Валя не стояла на панели. Все ее любовники искренне считали, что Валя любовница только их. Она наврала им, что от журнала часто ездит в командировки. За границу. Потому жила вполне свободной жизнью, отдыхая от недавних любовников, и заводя себе новых. Разве что была опасность где-нибудь с ними случайно встретиться. Поэтому, из предосторожности, Валя дважды не заходила в один и тот же ресторан или ночной клуб, где уже бывала раньше с кем-то из мужчин. А если находилась в питейно-развлекательном заведении, старалась уговорить своего очередного любовника снять кабинет. Намекая ему, что оттрахать он ее сможет прямо там. И делала характерные движения губами. Не оставляя такому мужчине повода для сомнений.

Мужчины Вале попадались все больше понимающие. Поэтому ни разу за время своего блядства Валя не попалась. А гулять она стала с шестнадцати лет. Причем первый раз переспала с мужчиной уже в четырнадцать. С двенадцати до четырнадцати у

нее в постели были только мальчики. Секс с которыми был поспешен и неинтересен. Но до невероятности развратил Валю. И в свои двадцать три года она представляла из себя настоящую маленькую потаскушку. Но ничуть не обижалась на подобное мнение, складывающееся о ней. Потому что прекрасно знала, что нужно мужчинам. И в любой момент согласна была сделать им приятно. Для нее это было как выпить стакан воды. Или покушать сметану.

Сметану девушка не очень любила. Из всех форм сексуальных удовольствий она предпочитала минет. И стоило только на ее горизонте появиться мужчине, как губы ее уже непроизвольно вытягивались, глазки мечтательно закатывались, а руки тянулись к хую. И посредством нехитрых манипуляций словами и жестами она и действительно вскоре получала этот хуй. И испытывала от этого только радость. Ничего кроме радости.

.....

.....

При всем своем странном поведении Валя могла сама себе показаться интересным человеком. Да даже и не только себе. Иногда ее находили такой и мужчины. Пусть в число таких мужчин не входили братья Григорьевы. Но могу уверить, что и без них хватало особей мужского пола, которые спали с Валею. Причем некоторым из них это нравилось настолько, что они вполне готовы были на Валентине жениться. И если бы она позвала их, они бы согласились.

Но Валя не звала. Она не хотела связывать себя отношениями с каким-то одним мужчиной. Ей нравились разные мужчины. И, наверное, она бы никогда не смогла остановиться на

ком-нибудь одном. С одним мужчиной ей было скучно. Так она могла варьировать между различными членами и темпераментами мужчин. Каждый раз перед ней открывались новые лица, строились новые отношения, она рождала в мужских головах новые эмоции; и вообще для нее все было по-новому. Чуть ли не каждый день.

И ее устраивало подобное разнообразие. И даже не то чтобы устраивало, но она и вовсе без этого не могла. Была не в состоянии жить. Без нового члена и мужского темперамента. Вообще без чего-то нового. Новизна ее возбуждала. Давала ощущение жизни. И какой-либо критический аспект ее не устраивал. Он был не нужен. Девушка вполне обходилась и без какой-то критики. Да и любая критика на самом деле была для нее неприемлемой. Только она знала себя. Никто не способен был поручиться в том, что знает ее лучше. А раз так, то какого, собственно, черта ее должны критиковать, рассуждала иной раз девушка.

Подобные рассуждения случались не часто. В большинстве случаев девушка радовалась жизни. И даже не считала, что в этой жизни должна что-то изменять. Ведь можно было предположить,--рассуждала иной раз она,-- все было предопределенно.

Девушке было неудобно признаваться, что порой она верила во всякую ерунду. В глубине души, быть может даже, это ерундой не считая. Да и по сути, она всегда считала, что смогла отличить ерунду от не ерунды. И даже часто в такие минуты рифмовала слово 'ерунда' с другим словом. Из ненормативной лексики. Словом, оканчивающимся на 'я', и являющимся

производным от матерного обозначения мужского достоинства. Девушка любила иной раз загадывать себе подобные шарады, играя со словами, и чувствуя от этого... Черт ее знает, что она на самом деле чувствовала. Наверное какое-то (только ей известное) удовлетворение собой. Потому как, когда у нее ничего не получалось (ну, в смысле, не рифмовалось) девушка начинала ругаться матом. И была страшна в своем гневе. Пока, впрочем, на ее горизонте не появлялся какой-то мужчина. С которым она тут же начинала предаваться самым... ну, в, общем, извращениям всяким.

После чего наступала гармония. Да и вообще - все и всех устраивало.

.....

Удивительно, но если на первый взгляд кому-то казалось, что Валя ничего из себя не представляет, то уже потом все менялось. И казалось она даже очень интересной девушкой. Причем, как ни странно, подкупала именно ее наивность. За эту наивность ее хотелось ебать. Тем более зная, что она и сама более чем жаждет этого же самого. Траха. Откровенного траха. Без условностей и без ограничений. Табу в ее сексуальных отношениях с мужчинами не существовало. Секс не только ставился во главу угла, но и возносился до невероятных высот, меняя девушку до неузнаваемости.

В отношениях с мужчинами ей и действительно был нужен только секс. И она трахалась, не считая предубеждением самой говорить мужчине, что этого хочет.

Некоторые мужчины от подобного напора терялись. Но почти всегда соглашались. Считая, что им вроде как и незачем

отказываться. Тем более о том, что они переспят с этой девушкой, никто не узнает. Да ведь и не уродина она была какая-то. Когда ее выводили на публику, сопровождавшие девушку мужчины ловили похотливые взгляды других самцов. И понимали, что если не они, с Валею охотно переспят и другие. Поэтому, рассуждали, уж лучше пусть будут они.

.....
.....

Валю ебали, а ей нравилось. Ебали часто. Так часто, что со временем ее половая щель могла расшириться до размера футбольного мяча. Но девушка на удивление искусно варьировала, предоставляя все новые места для проникновения в ее тело мужчин. Да и, признаться, вагина ее имела некую удивительную особенность. Несмотря на достаточно частое проникновение в нее мужчин, она оставалась узкой как у девушки, только вступившей в половую жизнь. Что, бесспорно нравилось мужчинам. Тем более Валя иногда сводила ноги, дождавшись пока между ними заберется тот или иной мужчина. И начинала стонать так, что кончить способен был даже пожилой мужчина, или мужчина со слабой потенцией и вялым членом. Член мужчины вообще преобразовывался, стоило ему попасть в укромное местечко, именуемое пиздой. Он, член, наливался какой-то неестественной упругостью. И без того чтобы не кончить, мужчины от Вали не уходили. Они извергали в нее свое семя, кричали от радости и наслаждения, испытывая очень сильный оргазм. Девушка от этого всегда оставалась довольна. Уже давно для нее было главным угодить мужчине. Сама она кончала всегда и не раз. Она кончала даже когда сосала ваш член. А уж когда вы начинали дрючить ее

по настоящему, количество Валиных оргазмов превышало все мыслимые пределы. Она кончала и пела от радости. И от наслаждения. Невероятного наслаждения.

Валя считала, что жизнь создана для наслаждений. Лучше когда эти наслаждения носили сексуальную окраску. И девушка искренне стремилась во что бы то ни стало эти наслаждения получить, и дать другим.

Глава 3

Женя Григорьев, на самом деле, никого не любил. Просто так получалось, что он как-то давно решил начать играть в некую игру. Игра называлась жизнь. Ну или еще верней -- игра носила некое сложное название. Сокращенно - адаптация к действительности. То есть адаптация к реальной жизни. Если позволите, способ выживания в этой жизни. Ибо так получалось, что он понял, что жизнь, собственно, проходит мимо. А он если и живет, то жизнью совсем не наслаждается. Чувствует себя чужим.

От подобных мыслей Жене стало дико. Он почувствовал, что если так будет продолжаться и дальше, то он возненавидит себя. И решил в корне изменить собственное восприятие действительности. Что предполагало и изменение жизни. Посредством рождения каких-то иных ощущений жизни. Иного восприятия ее.

И как только он это понял, то начал действовать.

В первую очередь Женя изменил свою внешность. Он долго думал, что и как ему нужно сделать, создавая новый имидж. И вдруг понял, что изобретать велосипед ему, собственно, и не нужно. Его брат, Вячеслав, был вполне успешным человеком.

Можно даже сказать, полная Женина противоположность. Если девушки и женщины Женю обходили стороной, то на Славу чуть ли не набрасывались. Если со Славой большинство людей предпочитали дружить, то Женю попросту игнорировали.

Подобный расклад мало кому понравится. И Женя решил хотя бы на первое время просто скопировать образ брата. Тем более что для этого, вроде как, и нужно-то было немного. А если разобраться, и того меньше. Внешне они походили друг на друга. Единственно, Женя казался более серьезен.

Серьезность из своего выражения лица он изгнал. Стал приветливым и улыбчивым. А еще отпустил усы как у брата. Сбрил бороду, оставил усы, и придал им форму, схожую с усами брата. Прическу тоже изменил под него. Братья стали друг на друга похожи. Некоторые из многочисленных любовниц брата даже переспали с Женей, бессознательно сравнивая их. А одна из Славиных любовниц вообще стала постоянной любовницей Жени. Валентина Мишина. И они теперь занимались любовью с ней не пару. Правда, пока в разное время.

Если говорить о Валентине, то следовало заметить, что это она выбрала Женю. Первый раз подошедши к нему, и собираясь уже как обычно (в форме приветствия) пощупать его пенис, девушка в последний момент одернула руку, осознав, что обозналась. Это был не Слава Григорьев. А человек, очень на него похожий.

Но кто?

Долго мучиться вопросом девушке не пришлось. Женя Григорьев представился. Валя слегка опешила. Перед ней стоял брат ее любовника. Она решила, во что бы то ни стало, затащить

его в постель. Ей это удалось в первый же вечер. Женя быстро смекнул, что хочет женщина. И охотно предоставил ей себя во временное пользование. Во временное, пошутив, что готов и в постоянное. Девушка ушла от ответа. В постели она все время сравнивала обеих братьев. Как ни странно, особого сходства она не находила. Но тут же поняла, что ошибается. Сходство было только во внешности в длине члена. Но уже даже толщина полового органа была различна (Вале показалось, что у Жени член более тоньше). А уж то, как вели себя братья в постели, и вовсе различалось. Слава, привыкший получать свое, был грубым и любил анальный секс. Женя был мягким и добрым. Он по долгу делал кунilingус, и таял, закатив глаза, когда она ласкала своими языком и губами его член.

Входить в нее он предпочитал, когда Валя ложилась на спину, и разводила ноги. Хотя и не мог отказать себе в удовольствие поставить ее на четвереньки, и войти сзади.

А еще он любил, вставляя член между ее грудей. Так, что бы она сжимала ими его половой орган, периодически лаская напряженный от возбуждения пенис кончиком языка.

Кончали они тоже по-разному. Слава быстро и помногу. Спермы Жени она, вроде как, и не ощущала в себе; но перед тем как выпустить ее в нее - Женя предпочитал хорошенько Валу проебать.

Ебал он долго и основательно. Причем на какое-то уходящее время ему было наплевать. Женя считал, что лежащая девушка под ним девушка должна получить максимум удовольствия. Да и спешить ему, в общем-то, было некуда.

А во всем остальном братья были схожи. Даже характер одного, по большому счету, особо и не отличался от другого. Хотя и Валя всегда считала, что то, что касалось характера... Впрочем, какая разница что считала она. Ведь Евгений попросту стал во всем копировать брата. Поэтому через какое-то время уже и можно было предположить, что Женя и Слава походили друг на друга.

.....

Женя девушке действительно понравился. Хотя и со Славой она не хотела расставаться.

И тогда Валя решила принадлежать обоим. Причем по-прежнему, помимо Жени и Славы, она все также принадлежала и другим мужчинам. И все также, никто из мужчин, любовницей которых она была, об этом не догадывался.

Сколько могла продолжаться эта партизанщина, девушка не гадала. Да она и вообще предпочитала лишний раз об этом не думать. Зачем? Все складывалось слишком хорошо, чтобы появилась необходимость что-то менять. Поэтому девушка попеременно отдавалась то Жене, то Славе. И мечтала когда-нибудь переспать с обоими.

.....

Валя понимала, что было бы и вовсе неплохо, если когда-нибудь ее оттрахали бы сразу несколько мужчин. Одновременно. Уж нашли бы, куда всунуть свой член. Не найдут - так она подскажет им. Да и для девушки с недавнего времени более чем важен был сам процесс. Процесс полового сношения. И совсем было неважно, ебут при этом ее, или трахает кого-то она. Главное

сам факт. Процесс, опять же. И девушка надеялась, что когда-нибудь эта оргия случится. Осуществится ее мечта.

И что самое интересное, хотелось Вале осуществить подобное не с какими-то незнакомыми мужчинами (так бы она могла записаться в Санкт-Петербургский клуб любителей оргий, и отдаваться там всем сразу), а с теми, кого она знала. С кем она уже переспала. И ни один раз.

Пока о подобном объединении не могло быть речи. Да и полигамные браки в России были запрещены. А девушка хотела, чтобы сначала произошло что-то на вроде брака. И чтобы уже после этого она вступала в орально-анально-генитальные и прочие отношения с сексуальной подоплекой со своими мужчинами как минимум каждый день. А то и несколько раз на день. Девушке вообще, по сути, все время хотелось ебаться. Хотя иной раз она стеснялась в этом признаться.

Да и конкуренции в браке она не хотела. Ни конкуренции, ни измен со стороны мужчин. Быть может поэтому и мечтала устроить со своими мужчинами что-то на вроде коммуны. Где мужчин будет много ('лучше если десять и более', - мечтала Валя), а женщин одна. И при этом будут только мужчины и она одна. Спать с женщинами Валя не любила. Всего раз у нее был подобный опыт. Подруга-лесбиянка тогда лизала ей пизду, а Валя вставила в анус партнерши фаллоимитатор, и шебуршила там.

Изнасиловав подругу подобным образом, Валя к дальнейшей форме подобных отношений потеряла интерес. Ей все же больше нравилось ощущать в себе и язык, и член мужчины. Нравилось ласкать этот член языком. Нравилось скользить по нему губами. Нравилось целовать яйца. Заключать их в свой рот.

Играть с ними. А что могла дать ей женщина? Такую же, как и у нее, пизду и искусственный член. Уж лучше переспать с гермафродиткой, рассуждала она. Можно и груди помять, и член пососать. Да еще и выебать эту псевдоженщину во всем места, пусть и искусственным, но все же членом.

Глава 4

Так получалось, что иной раз Евгений Григорьев начинал понимать, что живет не своей жизнью. А вся эта необходимость игры его необычайно раздражала. Ему хотелось бросить все. Вернуться в тот миг времени, когда он еще был собой настоящим.

Но Женя был не способен. Он не мог. Он просто не мог представить, что снова будет пребывать в тех необъяснимых по ужасающему воздействию кошмарах разума. Когда жизнь будет проходить в непонятном темпе. Словно бы она замерла, а он только продолжает стареть.

И так ведь это действительно было. Причем, сам Евгений искал способы каких-то изменений подобного. Ну и что, что на этом этапе эти способы стали заключаться в копировании брата. Ведь кто-то из нас все равно кого-то копирует. Вольно или невольно. В психологии это называется перенос, или трансфер. Так что, все отличие Евгения Григорьева состояло лишь в том, что он делал это копирование искусственно и вполне сознательно. Да и самое главное, что были ведь результаты. Он действительно изменился. Его чудную голову уже не забивала всякая ерунда, от осознания которой в себе раньше он не знал что делать. У Жени появились новые мысли. Причем мысли эти в большинстве своем несли какую-то и смысловую нагрузку, а не так как раньше,

---

возникали зачастую просто от того, что должны были возникнуть.
Ну как бы по принципу.

Теперь все стало иначе.

Женя Григорьев искренне радовался подобному положению вещей. Его все устраивало. И дальнейшая жизнь, вроде как, начала принимать реальные горизонты. А не так как раньше, когда все было расплывчато и непонятно. Необъяснимо непонятно. Потому что, какого-то более-менее реального объяснения происходящему действительно не было.

.....

.....

--Послушай, братан,--Вячеслав несколько испуганно рассматривал брата.-А тебе не кажется, что мы стали слишком походить друг на друга?

--Ну, так ведь мы и раньше были похожи,--открытым взглядом посмотрел на него Женя.

--Так-то это так,--вздыхнул Вячеслав.-Но...

--Это плохо?-быстро спросил Женя.

--Как сказать...--задумался Слава.

Наступившую паузу каждый использовал по-своему. Женя попросту молчал и рассматривал брата. Слава отводил взгляд и мучительно пытался сообразить, что же на самом деле из всего этого может выйти.

--Я думаю, ничего плохого в этом, в общем-то, нет,-- произнес Вячеслав Григорьев.-Единственно, что я опасаясь, так это того, что ты совсем потеряешь свою индивидуальность.

--О, уверяю тебя, подобного не произойдет,--усмехнулся Евгений.-Все под контролем.

--Ты уверен?

--Да.

--Нет, ты, правда, уверен?

--Да что ты паришься!-взорвался Евгений.-Быть может вообще, не я тебя копирую а ты меня.

--Ты охуел...--медленно проговорил Вячеслав, и удивленно посмотрел на Евгения.

--А что так?-поинтересовался Женя.

--Да так,--пожал плечами Слава.

--Ну вот и успокойся,--приветливо посмотрел на брата Евгений.-Будущее покажет, кто из нас был прав.

--Что мне от твоей правоты, когда ты спишь с моими любовницами,-- выпалил Слава.

--Ах, вот оно что!- присвистнул Евгений.- Ну так бы сразу и сказал. А я думаю, что ты в последнее время сам не свой.

Слава внимательно посмотрел на брата. Он подумал, что если сейчас пробьет ему правым боковым в челюсть, то среагировать Женя не успеет. А если успеет, то избьет его.

Драться Славе расхотелось.

--А ты считай, что я использовал твою модель восприятия действительности в качестве эксперимента,-- предположил Евгений.-И для меня это временная мера. Достаточно эпизодичные случаи в моей жизни. Дальше все равно мое естество возьмет вверх. И я стану таким, каким я и был. И буду тебе искренне благодарен, что позволил мне на какое-то время вкусить радость жизни.

Вячеславу стало неудобно за свои мысли. Он протянул руку брату. На его глазах готовы были выступить слезы. Жизнь

продолжалась. И по этой жизни они должны идти вместе. Быть может даже жениться на одной женщине. Вот только спать, может, по очереди...

Слава мысленно увидел, как член его брата проникает сквозь половые губы Валентины, и ему стало неудобно, что он подглядывает.

Воображение его всегда работало отменно. А потому, представив это, Слава почувствовал, как у него набухает член.

Когда у Славы вставал член, он старался его куда-нибудь пристроить. Если никого рядом не было, можно было представить чей-то образ, и посредством нехитрых манипуляций привести себя к оргазму.

Вячеслав попрощался с братом и поспешил к Валентине. Она жила в соседнем доме. Он уже знал, что будет сейчас делать.

.....
.....

В предвкушении долгожданного оргазма, Вячеслав ускорил шаг.

Подойдя к подъезду, он в нерешительности остановился. Номер квартиры Вали он не помнил. Да, по сути, никогда и не запоминал. Визуально он всегда правильно угадывал и дом, и подъезд, и этаж. По лестнице справа жила Валентина Мишина. Девушка его мечты. Ну, в какой-то мере. Но вот он сейчас забыл этаж. И даже, быть может, спутал подъезд. Подъезд был третий или четвертый от угла. Этаж пятый или седьмой. Вячеслав не помнил. Его член уже стоял вовсю. Опустив руку в карман куртки (надетой специально, чтобы скрыть возбужденный половой орган), Слава всю дорогу поглаживал свой пенис. Ему хотелось

выебать Валю сразу, как только она откроет дверь. Он любил эти досрочные победы. Валя все понимала. Она только для вида сопротивлялась, что еще больше воспаляло страсть Вячеслава. И он даже не снимал с нее трусики, а просто отодвигал их край в сторону, и вводил свой возбужденный и изможденный ожиданием пенис в пизду.

Пизда Вали отзывалась благодарностью. Она всасывала в себя мужской детородный орган, и между двумя партнерами начиналась настоящая ебля. Когда никто не признавал условностей и ограничений. Когда через какое-то время начинало теряться ощущение реальности. И вы уже не способны были различить, что происходит на самом деле. Ебут вас или ебете вы. Да и это уже было не важно. Вы с вашей партнершей подчинялись единому ритму. Он поглощал и подчинял вас. А вам оставалось только отдаться страсти.

.....
.....

Этаж Слава действительно не помнил. И уже появились у него сомнения в том, что он стоит у верного подъезда. Мысли о сексе как-то незаметно вытеснили из его головы все остальное. Он уже словно начал пребывать в другой реальности. Притом что настоящая реальность была, конечно же, другой. И в этой реальности он уже мог вообще сегодня не встретить Валю. А значит и...

Слава стал мучительно оглядываться по сторонам. Смотреть на окна. Он понимал, что должен быть какой-то выход.

На первый взгляд выхода как будто действительно не было. Ну, или Слава никак не мог его увидеть.

'Странное дело',--подумал тон.

Дальше подумать он ничего не успел. Он увидел, как в соседний подъезд входит... Валя. И побежал к ней.

Успел он, когда девушка уже входила в лифт. Они улынулись друг другу. Валя ничему не удивилась. Она скользнула взглядом по набухшему члену Славы, оттопыривавшему джинсы, и когда закрылись дверцы лифта, быстро присела, выпустила из брюк мужчины его естество, и взяла его в рот.

Сосала она искусно и с воодушевлением. Она вполне могла довести Славу до оргазма еще в лифте. Но этого делать не стала. В квартире она жила одна. И ей очень хотелось, чтобы ее тоже немножечко потрахали. А потому, высунув голову из открывшегося лифта, и убедившись, что на лестничной площадке никого нет, девушка вышла, поддерживая рукой член Вячеслава, и точно так же, держась за член, ввела мужчину за собой в квартиру. Потом быстро сняла с себя одежду, и между мужчиной и женщиной начался секс.

.....

.....

Слава кончил два раза. Валя семь. Потом они пили чай, шутили, смеялись. Потом Валя предложила выпить коньяка. После коньяка она стала показывать стриптиз. Стриптиз Славу не возбудил. Но когда девушка начала заниматься сама с собой онанизмом (расположившись так, чтобы Славе было видно по возможности многое), член у Вячеслава снова налился кровью. Валя прильнула к тому губами. Слава схватил девушку за голову, и стал с силой насаживать ее на свой возбужденный пенис. Пенис

входил в Валу через рот. Валя исполняла чудесное соло на трубе. У Славы на миг захватило дух. Но кончить так, он бы не смог. Поэтому Валя легла на живот и стала уползать от него. Словно ящерица. Слава настиг эту ящерицу, и всунул член между двух округлых Валиных ягодич. Девушка стала искусственно сопротивляться. Создавалось впечатление, что она не хочет, а Слава ее насилует. От этого он сразу же кончил. Но член его все еще продолжал стоять. А Слава продолжал трахать Валу. Девушка стонала от накатывавшегося на нее наслаждения и серии оргазмов.

Слава перевернул Валу, и вставил член ей в рот.

Словно в надежде, что мужчина снова может кончить, губы девушки принялись жадно скользить по стволу мужского полового органа. Попросту хуя. Она сосала этот хуй, помогая себе рукой, и видимо действительно хотела, чтобы Слава дал ей еще одну очередь в рот. Кончить Слава не смог. Он уже и так кончил три раза. Но ему на удивление не хотелось останавливаться.

Валя обо всем догадалась. Она потянулась к своей сумочке, достала какой-то порошок в маленьком бумажном пакетике, и передала Славе. Зажав одну ноздрю, он шмыгнул носом, и тут же повторил подобное с другой. Порошок быстро впитался в слизистую носа. И оттуда моментально в кровь. Славе стало легко и свободно. Ему уже совсем необязательно было кончать. Член его еще больше набух, и мужчина уже не сомневался, что сможет все что захочет.

Валя легла на спину, и раздвинула ноги. Слава лег сверху. Его член скользнул в половую щель девушки. Через какое-то время пришел оргазм. Обоюдный. Валентина подождала

Вячеслава, и кончила с ним вместе. Потом они принялись дико смеяться, и вообще радоваться жизни. Потом пили коньяк, запивали шампанским какие-то таблетки, которые Валя тоже извлекла из сумочки, и снова занимались любовью. От экстази у Славы член стоял уже десятый час. И это несмотря на то, что кончал он раз за разом. Или ему казалось, что член стоит, а он кончает. Слава как-то незаметно стал пребывать в другой реальности. Не замечая этого. Он наслаждался жизнью. И жизнь платила ему добротой и любовью.

Все было замечательно.

Глава 5

Женя Григорьев подумал, что ему надо познакомиться с девушкой. Именно с девушкой, а не с блядью, которые все чаще в последнее время возникали перед ним.

Девушку найти было трудно. Женя об этом знал. Но точно также он знал, что они есть, эти славные девушки.

На поиски девушек Женя отправлялся ночью. Но как-то быстро понял, что ночью ему попадаются не те девушки. Бляди. А хотелось мечту.

Тогда он изменил время суток.

Но днем все девушки куда-то спешили, и если знакомились с Женей, то все происходило как-то поверхностно, и совсем его не радовало. Тем более он дал себе установку, что на первоначальном этапе знакомства секс ему не нужен. 'Если девушка готова сразу раздвинуть ноги, значит она... значит она не очень хорошая девушка',--мягко рассудил Женя. Но и просто общаться с девушками, общаться без секса, ему не хотелось.

Он понял, что должен определиться. Или ебать, или разговаривать.

Определиться он не мог. Евгений вообще комплексовал при дамах. Образ брата, которым он стал пользоваться, его уже не устраивал. Можно сказать, Женя вырос из него. Хотя вполне возможно, и повлиял состоявшийся с братом разговор. Своего рода конфликт, который Жене удалось замять. После этого Слава пошел ебать Валу. Женя за ним проследил. Еще и поэтому ему хотелось познакомиться с честной, открытой, доброй девушкой, которая станет только его. Которая будет без ухмылок смотреть на него. Которая не будет искать в его словах скрытый смысл. Женя устал от этой вечной игры в разведчиков. Устал не общаться с девушками, а чувствовать себя каким-то шпионом. Ему попросту это надоело. Он хотел найти милую, невинную, малообщительную девушку. Скромную.

'Но что он будет с ней делать,-- задумался Евгений.-- Вместе молчать?'

А как быть тогда, когда ему захочется выебать эту недотрогу. Ведь случись такое, и она сразу побежит в милицию. С заявлением об изнасиловании. Ну и зачем ему тогда была нужна такая красавица?

Женя понял, что то, что он ищет, найти будет трудно. Быть может даже и вовсе невозможно. А значит оставалось послать всех этих недотрог на хуй, пойти в ночной клуб, снять нормальную бабу, и оттрахать ее в тот же вечер. К чему были условности и ненужные сантименты?

Женя понял, что на самом деле от девушек ему надо было только одно. Их тела. Ну, еще, конечно, можно было с той

или иной из них поговорить. Хотя бы сказать пару слов. После чего наброситься и изнасиловать. Да, девушка при этом может быть и не готова к подобному повороту событий, но она должна достаточно быстро сориентироваться, и дать Евгению все что он пожелает. Секса. Извращенного секса, --мечтательно подумал Женя.

И тут же понял, что суть его общения с дамами должна быть до боли проста. Пришел, увидел, победил. Ну в смысле изнасиловал, --уточнил про себя Евгений. Уже представляя, как его член входит в ту или иную недотрогу. И как в экстазе стонет она. И как...

От подобных мыслей Женя мог кончить без помощи рук. Хотя и рука его уже давно поглаживала набухший пенис. Всем своим видом просящий удовлетворения.

'И девушка, --продолжил Евгений свои мысли одновременно с подступающим оргазмом, -- не должна будет ни кричать, ни звать на помощь. А лишь только постанывать да подмахивать ему. И радоваться. Исключительно радоваться. А будет ебать ее. И все у них будет прекрасно.

От умиления (и случившегося оргазма) на глазах Жени выступили слезы. Женя давно уже почувствовал, что становится сентиментальным. Он даже перестал смотреть мелодрамы. А от какой-нибудь разыгрывавшейся на экране трагедии у него менялось настроение. Ему попросту становилось грустно. Причем грусть эта каким-то независимым образом проецировалась и на его жизнь. И жизнь тогда могла приобрести состояние трагедии. Жить Евгению становилось трудно. А иной раз и вовсе не хотелось. Он грустил, случалось - плакал, и в большинстве

случаев - искал спасения. Понимая, что спасения как такового не существует. Для этого надо было менять жизнь. Пускать ее по другому витку спирали. Переиначивать все и вся. И быть может даже фактически не жить. В этой жизни. Надеюсь, что в другой - все получится.

.....
.....

Женя все чаще хотел вернуться в детство. Ему не очень нравились люди, которые его окружали сейчас. Внутренне он их даже боялся. Но, конечно, он ни за что бы в этом не признался себе. Ему было неудобно что это было так. И от навалившейся на него грусти и сомнений, Евгений спасался алкоголем и наркотиками. Легкими наркотиками. Ему нельзя было допустить, чтобы началось привыкание. Хотелось просто, чтобы исчезла тревога, и пришла радость.

От употребления алкоголя и наркотиков тревога уходила. Радость наступала. Какое-то время Женя пребывал в феерестическом состоянии духа. Потом действие наркотиков снижалось. А Женя спешил опрокинуть в себя стакан конька или водки, и забыться тихим счастливым сном.

Сны Жени часто были беспокойными. В них он обязательно был или охотником или жертвой. Когда он становился охотником - гонялся за другими. Догонял, насиловал, иногда даже убивал.

В другом случае ему приходилось все время от кого-то убежать. Скрываться. Если его находили - насиловали. Порой самым жестоким образом. И даже хотели убить. Но когда убивали, Женя просыпался.

Просыпаясь, он выпивал водки и засыпал вновь. Чаще всего после просыпания сон был поверхностный. Он словно бы и спал, и продолжал находиться в окружающей реальности. И к утру никогда не высыпался. Поэтому он стал спать днем. А бодрствовать ночью.

Ночь нравилась Жене. Ночью он оставался действительно один. Ночью Женя казался себе властителем дум. Тайным властителем. И он подолгу стоял на балконе, вглядываясь в ночь. За небольшим исключением, город спал. По крайней мере, в четыре часа ночи свет в окнах соседних домов не горел. Женя догадывался, что не все из жителей спали. Кого-то попросту не было дома. Кто-то занимался любовью друг с другом или с самим собой.

Как ни странно, Женя не хотел заниматься любовью. Ни с кем. Разве что с собой. И он иногда вставлял кассету порнографического содержания и...

Любил он себя долго и отчаянно. А когда все заканчивалось, успокаивался. Тревоги отходили. И даже хотелось жить.

Евгений понимал, что это обманчивое состояние. И уже давно он вытеснял свое сознание из реальности. В другом мире ему нравилось. Он знал, что способен там выжить.

Женя не боялся, что этот мир со временем сможет вытеснить мир его настоящий. Да и если разобраться, рассуждал он, если ему было хорошо в другом мире, то не произойдет ничего страшного, если он в нем и останется. Пусть, конечно, кто-то при этом будет считать его сумасшедшим. Не беда. Главное, что сам себя он будет считать нормальным. А слушать мнение других --

---

так это можно и ебануться с горя,-- решил Евгений. И обрадовался, что ему удалось придти к консенсусу со своими мыслями. Ведь это было самое главное. А другие?.. Да пошли они все на...

--Ты что-то говоришь откровенную хуйню,---серьезно посмотрел на него брат.-Как это ты хочешь уйти в другую реальность?.. Ты понимаешь, что обратно уже можешь не возвратиться?

--Понимаю.

--Ну и что? Все равно хочешь?

--Хочу.

--Нет, подожди,--не понял Вячеслав.-Ведь ты же говорил, что не будет ничего страшного, если эта другая реальность придет. Но ведь это не значит, что ты обязан сознательно ('или если угодно - бессознательно',--поправил он себя) вызывать ее. Разве не так?

--Так,--согласился Евгений.

--Ну и что же тогда?-внимательно посмотрел на него Вячеслав.

--Да, собственно, и ничего,--улыбнулся Евгений.

Для себя он уже все решил. Осознав при этом основной принцип: ему не следует делиться с кем-то своими мыслями. Пусть лучше его поступки вызывают у других недоумение. Но он не допустит какого-то разлада в собственной душе. Вот ведь как...

Глава 6

На удивление, Вячеслав тоже считал, что жизнь его проходит не совсем по тому сценарию, который он может быть для нее разработал.

Правда, в отличие от брата, как должно быть это иначе, он не знал. Задумывался, конечно. Но мысли его все больше казались ему и самому хаотичными. Что исключало то, что когда-нибудь они могли вывести его к осознанию какого-то истинного пути. Такого пути попросту не было. Как ни странно. Поэтому через какое-то время Слава Григорьев просто решил смириться. И принимать жизнь такой, как она и была. Без условностей и ограничений.

Да ему на самом деле больше нравилось пребывать в реальном мире. Как, быть может, это не было грустно.

А еще Слава решил жениться на Валентине. И сделал ей предложение. Перед этим как обычно хорошенько ее отъебав.

Девушка находилась в умиротворенном состоянии и согласилась. В тот момент ей уже ничего большего не хотелось. А еще она поняла, что проходят годы. Да и ничего страшного не произойдет, если она выйдет замуж. При этом ведь она вполне может продолжать трахаться с кем захочет. Главное об этом не говорить мужу. Зачем тревожить и расстраивать его психику?

И она дала свое согласие. И они поженились. А Женя был свидетелем со стороны жениха. А одна из подруг Вали была свидетельницей со стороны невесты.

Подругу после свадьбы ебал Вячеслав.

Евгению делала минет Валентина. Ее первая же измена произошла в день свадьбы. Начало было положено. И с браком в ее жизни мало что изменилось. Разве что она ушла с работы

парикмахером. У братьев Григорьевых был небольшой бизнес. Сеть пиццерии. И на жизнь им должно было хватать, даже если пришлось бы брать на обеспечение еще несколько Валь.

.....

.....

Через какое-то время Валентина неожиданно осознала, что других мужчин, кроме братьев, ей не хочется.

Причем, по-прежнему ее мечта была -- легитимно спать с ними обоими. Именно спать. Потому что они и сейчас уже жили все втроем, продав свои квартиры и купив огромный дом в пригороде Санкт-Петербурга, в Сестрорецке.

Неподалеку был Финский залив. Сосны. Природа располагала к умиротворению. Вокруг был покой. Вокруг жили обеспеченные люди. Въезд в коттеджный поселок охраняла стража. Двухэтажный дом нравился очень Григорьевым. Никому из них ничего менять не хотелось. Разве что Валентина по-прежнему мечтала жить в браке с обоими братьями. И со временем ей это удалось. Правда для осуществления подобного она сначала развелась с Вячеславом, и вышла замуж за Евгения. А потом развелась и с ним. Все это время два брата и девушка продолжали жить в одном доме. После двух разводов состоялся семейный совет. Готовясь к нему, братья Григорьевы собрались выгнать девушку. Но когда они все вместе собрались за столом, то неожиданно и как-то быстро все напились. И стали трахаться. Вернее, братья стали трахать Валью. И все это так понравилось всем троим, что они решили продолжать жить вместе. Причем теперь девушка с полным правом могла утверждать, что у нее два мужа. Вячеслав и Евгений Григорьевы. Она и спала с ними

одновременно с двумя. В одной постели. Или в одном холле, на одном столе, на полу, и чуть ли не на антресоли.

Девушка отдавалась с жаром, наслаждением и неистовостью страсти. Она вдруг поняла, что именно этого ей-то как раз все время и недоставало.

А братья согласились про себя, что им тоже подобного всегда не хватало.

И между ними наступила семейная идиллия. И большего ничего не хотелось. Всего было достаточно.

12.11.06 г.

Повесть

Мысли наизнанку, или Записки из тайника души

«...все - суета и томление духа».

Екклесиаст 1:14

Глава 1

Признаться, еще раздумывал я, было, стоит ли начинать подобное повествование, да так уж вышло, что началось оно уже словно бы и само.

А все что оставалось мне, это вовремя подставлять поручку -- бумагу. Стараясь не думать о возможных последствиях. Ну или хотя бы о том, что же это мне принесет.

--Ничего. Может так случиться что и нечего,--неожиданно ответил я себе, улыбнувшись одной из тех редких улыбок, которые иной раз могу себе позволить.

--Ну а все-таки о чем речь пойдет?- допытывало меня сознание, подхлестывая воображение, и устремляясь вместе с ним в том живописный бег, который лучше наблюдать, и о котором так долго рассказывать. Да и теряет заметно он при пересказе.

Меня зовут Леонид Авербух. Еще меня иногда называют Ленечкой, Ленчик, случается... Впрочем, я всегда старался уходить куда-то в сторону от склонений собственного имени. Уж как-то воспринимаются все эти слюнявые девиации не очень хорошо. Муторно становится от них и совсем неинтересно. А жизнь, вдруг предстает на миг в той красе, что иной раз думаешь, что уж лучше бы она и вовсе не начиналась.

Но на самом деле не все так печально. Мне зовут Леонид. Фамилия моя Невзлин. Авербух что-то навряде партийного прозвища. Деньги часто приходится просить у евреев, поэтому... Да, стоило бы пояснить что это за дело, и причем тут евреи. Ну, здесь все просто. Дело - это движение за обретение гражданских свобод (как-то так, если я опять не перепутал названия). А евреи - так богатые люди очень часто евреи. К тому же евреи всегда могут помочь, рассчитывая на какие-то свои, известные зачастую только им, интересы. А если так, то почему бы не попробовать.

Мне около тридцати лет. Иной раз я говорю, что мой возраст приближается к сорока. Иногда выдаю себя за двадцатилетнего. Грим и соответствующее выражение лица. Ну, может, как шутит Мария, природные способности.

Мария - это мой помощник. Неопределенного пола и возраста девушка, Мария иной раз может быть очень красивой. В других случаях она просто сексуальна. И на первый взгляд аполитична.

Но на самом деле это не так. Я то и вступил я ряды этой партии-движения только из-за Марии. Ну, или почти только из-за нее. Как-то случайно, проходя по Невскому, я заметил девушку, с которой мог бы переспать. Видите ли, переспать я могу не со всеми. То есть физически, и если себя заставить- могу. Но вот так, чтобы почувствовать какое-то внеземное наслаждение... При этом совсем не важно, что будет вырабатываться при самом контакте внутри нас. Я не об этом. Мне важна в данном случае некая духовность. Нечто, что практически совсем невозможно выразить словами. Хотя, Мария видимо смогла бы. Мария заканчивала литературный институт. В Питер приехала на каникулы. Побродить по городу. Ну, она так сказала.

На самом деле я мог предположить, что Мария является членом тайной организации, цели и задачи которой столь скрыты, что о них мало кто догадывается. Причем практически совсем независимо от вашего желания, участия, возможностей - вы тоже можете оказаться членом этой организации. И порой независимо от своего какого-то желания замечаете - что в один из дней таковым являетесь...

--Мария,--спросил я.- Скажи, у нас есть будущее? Ну, или может, хотя бы прошлое?

Иногда я пытал Марию подобными вопросами. На них она не отвечала. Вернее, отвечала весьма странным образом - она прислонялась ко мне, и между нами почти тут же случался секс.

Причем никто (и что уж точно я) не мог бы сказать, что кто-то из нас собирался делать на самом деле. Все вроде как происходило спонтанно, и весьма хаотично. И я останавливался только когда замечал, что уже вроде как отстрелялся. Причем могла остановиться, заметив подобное, Мария. Она слезала тогда с меня, и словно бы ничего между нами и не произошло, продолжала заниматься своими делами. Правила литературные тексты, листовки, там, или прокламации. Что-то писала (неприменно революционное, девушка тяготела к революции), или...

Меня это почти всегда удивляло. Но я никогда не выказывал и тени сомнений по поводу того, что делает она что-то неправильно. Прежде чем делать какие-то выводы, мне необходимо было что-то выяснить для себя. И уже это что-то, иной раз, уводило меня совсем в другие фантазии. И все на что я был после этого способен -- искусственно не думать ни о чем.

Глава 2

В один из дней мне почему-то показалось, что я должен непременно сделать сегодня какой-то поступок.

Признаться, делать ничего не хотелось. Я уже было подумал списать подобное желание на странность и загадочность раннего вставания (обычно я вставал несколько позже), как передо мной уже вырисовывалось событие, которое, по сути, я должен был совершить. И судя по всему, при каких-то особых обстоятельствах это событие вполне могло произойти и без моего участия. Ну, то есть, мое участие вроде как и было необходимым. Но уже с другой стороны - было оно совсем даже не важным.

И при этом обязательным. Мне словно бы даже давали шанс. Или ставили перед выбором. Правом выбора.

Тогда я отдыхал в кишлаке, в средней Азии, и практически уже на следующий день должен был возвращаться в Москву. С чем была связана спешка, как и то, почему я оказался в кишлаке - я не знал. Некоторые события происходили передо мной совсем не так, как перед большинством других людей. И я не отдавал этим событиям должного им внимания. Словно бы и не замечая даже, что передо мной что-то проходит, или я становлюсь участником чего-то.

Так мне спокойнее. Никогда по настоящему когда, что и где с нами произойдет. Поэтому лучше, когда действительно меньше знаешь.

И ведь действительно всегда спокойнее, когда не знаешь...

Марию я потерял. Вроде как и не было между нами обязательств; да и не заметил я, но теперь вот посчитал - почти два месяца как она перебралась ко мне. Я снимал часть мансарды у своих знакомых, художников. Они получили какой-то гранд, уехали в Копенгаген, а мне разрешили пожить в части их мансарды. Причем, как я понял, для того чтобы оберегать другую часть - от... Не знаю. Я всегда считал, что художники никому не нужны. У них можно взять только картины. А картины современных художников, да к тому же еще и неизвестных, редко когда что-то стоят.

Но об этом некорректно было говорить в доме художников.

В общем, я остался, а они уехали. Полгода, может больше, я знал, что могу наслаждаться одиночеством. Я ведь любил одиночество. А тут Мария...

Я не любил вторгаться в свою жизнь женщин. Поэтому те женщины, которые были со мной рядом - входили в нее сами. Особо меня и не спрашивая.

А я делал вид, что все так и должно быть.

Ну, наверное, лишь только удивлялся самому себе. Или им. Но внешне старался ничего такого не показывать. Все должно быть словно бы хаотично, считал я, и подвержено чему-то и вовсе необъяснимому. Лучше, какой-той тайне. Загадке.

Ну, по крайней мере, сами вы не должны знать ответа, почему все произошло именно так. Что позволит, опять же, при должном мистическом настрое вашей пассивности - списать все совсем уж на что-то необъяснимое, и быть может даже сверхъестественное. Хотя все на самом деле было просто и неинтересно.

Но уже об этом я предпочитал не думать. Жизнь давала какой-то новый виток.

В предвкушении испытать нечто новое, я окунался в виток этой жизни. А когда, через время, меня выбрасывало на берег - я как будто совсем даже и не печалился. Будучи убежден, что всегда смогу начать сначала. Ну или -- попробовать еще раз.

.....

Мария вернулась через две недели.

Для меня эти две недели совсем не были неделями кошмара. Я можно сказать, уже даже стал о Марии забывать. И тут пришла она.

Причем, с первых минут своего появления постаралась сделать так, словно бы ничего не произошло. Словно бы не было этих двух недель. А она все время была рядом.

Ну, может быть, и была. Иной раз мне тоже хотелось поверить в нечто, по нереальному прекрасное. Словно бы на миг, окунаясь в сказку. Где вымышленный мир вокруг вас совсем не кажется таким. Где движется все словно бы по-настоящему. А вы смеетесь и радуетесь от души.

Я поймал себя на мысли, что уже давно не смеялся от души.

Почему-то выходило так, что играл я роль разведчика. И, словно бы пребывая все время на вражеской территории, я не считал, что должен как-то выражать свои эмоции, как только не стереотипами, принятыми в обществе. Ну, или это я так полагал, что принято. И всей своей жизнью искусно подделывался под происходящее. Думаю на самом деле совсем о другом. Хотя и не мог, наверное, с полным правом признаться себе, о чем я тогда думал. Наверняка ведь и мыслить мне приходилось 'по вражески'. Не доверяя себе, и не раскрывая полученные секреты.

.....
.....

Видимо я заигрался. Мне ведь было еще совсем не так много лет, чтобы начать серьезно о чем-то задумываться.

Ну, или может, уже было как раз столько, чтобы думать.

Мария пришла, а потом ушла.

Между нами даже случилось что-то навроде секса. Хотя могу сказать, что к сексу она всегда относилась как к чему-то простому и обыденному. Считая про себя, что мужчина

обязательно должен ежедневно кончать - она как бы между делом могла взять у вас в рот, и по быстрому отсосать. Думая при этом о чем-то своем.

Ну, или, используя свой маленький рост и вес - водрузиться на вас. И быстрыми-быстрыми фрикциями довести вас до оргазма. А после, приняв все в свой сосуд, как бы между делом продолжать заниматься своим делом. И ни вас ни себя больше ни к чему не обязывая.

Поистине, достаточно быстро мне понравились такие отношения. К тому же Мария была достаточно умна, чтобы вызывать как минимум восхищение. Большинство женщин были по женски глупы. Мария была не такая.

А потом Мария ушла. Ушла вновь, хотя и ненадолго.

А я не спрашивал у нее, где она пропадала. Мне казалось, любой вопрос может вызвать у нее недоверие. И наверняка покажет меня не с лучшей стороны. Хотя я иной раз и запутывался, с какой стороны я должен был (и каким) выглядеть перед Марией.

Но оказалось все просто. Мария любила меня. Любила именно такого, каким я был. И как-то написала мне, что в отношении нее я могу быть абсолютно спокоен. Она будет со мной столько, сколько потребуется мне.

--Словно бы совсем не думая о себе,--пронеслась у меня тогда такая нелепая фраза.

Но уже потом я понял что ошибался. И в подходе Марии мне нельзя было пользоваться какими-то простыми (а тем более общепринятыми) правилами. Все было просто, и до

удивительности непонятно. Но как раз именно этим я и должен был благодарить судьбу. Ибо мне оказывалась интересной эта девочка. И так уж вышло, что совсем скоро я мог сказать, что мне была необходима только она.

Как бы сама Мария отнеслась к подобным словам...

.....

....

Я, конечно же, не мог признаться Марии ни в чем.

Тем более, слово бы предусматривалось, что между нами не было любви. Ну, или каждый из нас мог признаться себе, что совсем не понимает, что обозначает это чувство. Чувство, когда ощущаете вы в другом -- частицу себя. Понимая, что уже как вроде бы и не представляете иной раз жизни без этого человека. И еще словно бы боитесь в чем-то признаться ему. Понимая при этом, что это уже не имеет никакого значения. И все на самом деле намного выше, чем любовь.

Но что же это тогда?..

.....

А ведь ни скажи я тогда, подумал я, чего-то важного этой девушке, и быть может, не было бы между нами чего-то и по настоящему увлекательного.

Я задумался. По всему выходило, что мысли мои иной раз уж слишком опережали то, о чем я должен был подумать. Хотя и поручиться, что так это было конца, я не мог. Не был способен. Жизнь...

.....

...

Мне хотелось узнать о Марии побольше. Но так вышло, что я совсем не мог спрашивать себя. И в то же время я подозревал что так может случиться, что эту девушку больше не увижу.

Но она приходила сама. Я поначалу сомневался еще в чем угодно; а потом как бы понял, что все так и должно быть. Что она непременно должна приходиться тогда когда захочет. И чтобы я как бы не знал об этом.

Все было слишком загадочно.

Все, видимо, становилось так. В своем сознании я угадывал достаточно размытые черты того, чего, быть может, и вовсе не существовало. Но что непременно было. Так считал я. Я и...она.

.....

.....

По всему выходило, что сама Мария мне была как бы и не нужна.

Важен был ее образ. И присутствие рядом. Хотя бы виртуально. Вера в то, что она есть. Что в любой момент она может придти. Что вообще это возможно.

Хотя на самом деле, мне был никто не нужен. Верил я, большей частью, только в себя. И должно быть надеялся, что это в большей части взаимно. Хотя верил ли я на самом деле хоть в кого-то? Скорее нет. Я не верил даже в то движение, в которое меня любыми способами (создавалось такое впечатление) затаскивали разные полу-незнакомые люди. Которые считали, что я им почему-то должен был верить. Хотя я не верил никому из них. Как, должно быть, в тот момент не верил и себе.

.....

.....

Так выходило, что в какой-то момент я не заметил, как растерял то видение жизни, которое еще доселе как будто спасало меня; давая как минимум надежду, что если что-то когда-то изменится - я вновь обрету свое прошлое. С которым я жил доселе (считая, впрочем, видимо его настоящим), и которое было для меня - сейчас уже понял - намного важнее многого из того, что вообще было возможно.

.....

.....

Марию я на какое-то время потерял из вида. В тот период поиска себя, я вдруг ощутил, что со мной живет какая-то женщина. Спросил -- как зовут. Она назвала какое-то имя. Я особо не запоминал, посчитав, что имя ложное. Почему? Не знаю. В тот период у меня видимо были как раз такие ощущения. И полагая, что нечто подобное и действительно может быть возможно, я совсем не обращал внимания на какие-либо изменения, которые могли бы вообще произойти. Да и по всему, уже как раз в тот период проходили со мной.

Все было слишком внезапно, но как уже понимаю сейчас, не было так-то уж краткосрочно по времени.

И при этом, все это как будто не говорило о том, что возможно мне будет что-либо изменить. Скорей всего тогда уже все было предreshено. И по настоящему что-то изменить, быть может, уже и вовсе станет никогда невозможно. А мне придется приспособливаться к этим новым обстоятельствам. В которых как

будто оказалась моя жизнь. Жизнь, по сути странная на первое впечатление о ней.

Но проходило время. И я как бы уже должен был считать это не первым впечатлением, а постоянным. Словно бы так все и должно было быть. Да, наверное, и было.

Глава 3

И видимо так уже получается, что я совсем не был способен придти к какому-то позитивному разрешению вопроса. То есть, мне вроде как и казалось, что он должен быть. Но тут же я понимал, что это может быть и совсем даже не так. Ну и тогда уже получается, на что-то надеялся. Вопрос - на что?

.....

Любопытно становилось, что вопрос о Марии на самом деле не был для меня так-то уж важен.

Как, должно быть, и вообще о какой-либо девушке, которая вполне могла бы, подразумеваю я, жить на тот момент со мной.

Но вот жила ли какая из них, на самом деле и была уже загадка.

Как, впрочем, загадкой уже действительно было вообще все мое существование на тот момент. Ибо подразумевал я, что многое (вокруг меня) поистине удивительно и увлекательно. А меня начинает захлестывать какая-то занимательная жизнь. Находясь в которой, я вроде как еще и стремился в тот момент куда-нибудь высвободиться, освободившись от нее.

И так могло получиться, что для меня все это было уже и не так важно.

.....

Фамилии мои были не Невзлин и не Авербух. Но мне отчего-то запомнились именно эти две фамилии.

В то время как я вполне подозревал, что существуют и еще. Но только мне каким-то образом удавалось ощущать некую близость именно к этим фамилиям. И большей частью - к фамилии Невзлин. Может быть угадывался какой-то общий смысл значения имеющихся у меня фамилий с этой?

Хотя и не существовало почти никакой уверенности, что все это было именно так; было чем-то значимым для меня. И мне казалось, что кое-что и вообще мое бессознательное таинственным образом утаивает от меня. Не давая в полной мере насладиться происходящим моментом. А я, словно бы подросток, не решаюсь делать какие-то окончательные выводы. Считая, что в будущем еще все может и измениться.

Глава 4

Признаться, мне не казался вопрос таким уж важным, что он непременно требовал скорейшего разрешения.

Однако так уже выходило, что непроизвольно пытался я все время нащупать какую-то невидимую нить, отделявшую мое будущее от моего настоящего. И удивительным образом не находил связи между ними. Словно бы получалось, что меня вывезли на необитаемый остров. Оставили там. А после я нашел дорогу обратно (видимо все время добиваясь этого), но как бы уже и попав обратно, заметил что мне это совершенно и не надо. Что пребываю я словно бы сейчас в другом измерении. В котором все,

---

что представлялось мне раньше в розовых цветах, ну или имело хоть какое-то значение для меня - стало безразличным. А мне словно бы уже и не страшно что это так. Скорее - я понимаю, что уже ничего не изменится. Нового не произойдет. Ну, или еще и произойдет (в будущем, которое как будто бы куда-то ушло), но для осуществления чего-то подобного мне необходимо смириться с настоящим. И смиряюсь. Худо-бедно и приспосабливаюсь, и даже как будто бы выживая.

Боясь, впрочем, назвать это жизнью.

В тот период своей жизни я и на самом деле увлекся каким-то движением.

Какие основные выдвигаемые требования? Видимо смесь анархизма с монархизмом, сдобренное жутчайшей смесью из необходимости начала какой-либо борьбы, и противостояния власти. Причем как я уже подозревал, в случае смены власти - все равно должна была соблюдаться определенная оппозиционность. То есть протест.

Ну и при этом поддержка движения ряда философов как бы защищала от необходимости протеста ради протеста.

Хотя и виделась мне вся необходимость существования движения для большинства именно в возможности встреч и даже просто проведения свободного времени. Ибо уже понял я, что для большинства людей была серьезная проблема куда-то потратить свое свободное время. И некоторые из них оказывались просто счастливы убить его любым способом, любым образом, и этим чертовым времяпровождением.

Для меня подобной проблемы никогда не существовало. Все свое свободное время я тратил исключительно на повышение уровня самообразования. Причем со временем попал во вполне распространенную ловушку, убеждаясь, что чем больше получаю знаний, тем больше я как будто и не знаю. Но даже ужаснуться подобному бреду не было времени. Видимо судьба каким-то образом берегла меня. Полагая, что я заслуживаю нечто большего, чем на самом деле имею.

.....

В какой-то мере мне, наверное, повезло. Попадались мне девушки такие, каких желал на тот момент я. И тогда мне хотелось без каких-либо причуд идти к достижению цели. И секс в таких случаях я рассматривал как нечто необходимое для обеспечения жизнедеятельности; но совсем не то, на чем должен был я заикливаться. И в таком случае все получалось, как и нельзя было лучше. Когда мне было необходимо - девушки давали мне в пользование свое тело. При этом никаких излишних обязательств. Все только самое необходимое для удовлетворения физических потребностей. Даже иной раз с излишками, но без лирических отступлений, если того не хотел я.

Куклы. Сейчас вот подумал, что кто-то может сказать, что мои девушки ходили на кукол. Ну а с другой стороны, так ли уж нужно было что-то здесь усматривать плохое или негативное. Мне нужно было продолжать жить. Они видимо хотели пребывать со мной. Если мне необходим был секс - я получал сполна все что заказывал. И даже им что-то еще оставалось. Ведь, по сути, вообразить себе в наших отношениях они могли все что хотели. Я не только нисколько этому не

противился, но и, быть может, подсознательно даже потворствовал. И был только за. Мне так было удобно.

Вообще же если говорить, видимо в тот период я жил немного не такой жизнью, какой проживали свою жизнь другие люди моего возраста. И что уж точно, выбиваясь своим существованием из шаблонов - я обретал интерес со стороны моих девушек.

Говоря слово 'мои' я не имею в виду какую-то полигамию. Скорей, я просто объединяя сейчас всех тех, кто был со мной когда-то. Ведь сейчас я совсем уже другой. И так приятно вспоминать о себе былом.

Ну а, уже вспоминая об этом, я видимо подсознательно добиваюсь разрешения и интересной задачи: насколько моя жизнь могла бы пойти по иному сценарию. Внеся на одном из этапов ее я какие-то изменения в сценарий судьбы...

Глава 5

Нет, конечно, можно было бы, по большому счету, все повернуть назад.

Пусть не в любой момент, но всякий раз, мне казалось, все же удается держать руку на пульсе. И наверняка ведь, если бы заподозрил я, что нечто происходит (происходило) не так как надо - повернул бы все в другую сторону.

Могу сказать, что лишь в какой-то мере я заблуждался. Ошибка, быть может, и вовсе особо (да и никогда) не закрадывалась в мои мысли, поступки, цели. Но если говорить насколько реально оценивал я происходящее, то быть может,

---

какой-то такой уж реальности и не было. Ну или скажем, лишь на какую-то долю процентов верил я, что происходящая ситуация смешивается между реальностью и ирреальностью. В то время как мои попытки достичь какого-то контроля, видимо уже заранее были безрезультатны. И если что-то видел я, то...

Не знаю. Так выходило, что словно бы до сих пор нахожу я, что нечто должен или скрывать, или... Ну, в общем, это все не совсем так. Или совсем даже не так.

.....
....

Можно сказать, что какие-то предположения, большей частью, не оправдывали сами себя. Ну, то есть, мне что-то казалось. Но что было это 'что-то'? Видимо все же это не совсем (или совсем) не отвечало действительности. И уже тогда, мое стремление отыскать какую-то правду могло бы и вовсе показаться кому-то странным. Ну, или весьма загадочным. И наверняка бы по-настоящему ни к чему не привело. Так мне казалось. Так еще до недавнего времени считал я. Совсем не зная, впрочем, чему верить на самом деле.

.....
Женщины в моей жизни с недавнего времени перестали играть существенную роль.

Был я этому весьма рад. Так как означало это ничто иное, как нравственное очищение. И возможность какой-никакой, но самостоятельности.

Вообще же, если разобраться, освобождение от влияния кого бы то ни было - это праздник. Настоящий подарок души. И можно было по настоящему радоваться всему этому. Полагая, что

ничего больше не случиться такого уж принципиально опасного. И ожидать после этого покоя и счастья. И исчезновения тревог.

А сам я буду заниматься совсем другим делом. Тем, к чему, по всей видимости, и был я предначертан. Таки дела.

Глава 6

Если говорить о каком-то моем пути (и видимо предначертании), то тут мне пока совсем бы не хотелось как-то заострять ваше внимание. Ну хотя бы действительно 'пока'. Потому как многое, видимо, еще требует своего уточнения. Тогда как даже уже того, что понимаю я, с определенных позиций может судить о нечтом действительно великом. Словно бы о провидении, спустившимся на землю, и чудодейственным образом посетившим меня.

Кто бы я?

Еще и сейчас, по прошествии уже многих лет и даже десятилетий после описываемых событий, у меня иной раз возникает подобный вопрос. Но вероятно, его скорей следует относить к пережиткам чего-то прошлого. На что когда-то так и не был получен ответ. Несмотря на все мои стремления 'достучаться до истины'.

Видимо, глупо и странно, что это так.

И наверняка, в чем-то мне приходилось умалчивать себя тогдашнего. Ибо уже находил я, что ситуация в реальности выглядит совсем не такой, какой представляю ее я. А значит...

В том то и дело, что это 'значит' иной раз оказывалось важней, чем это было бы возможно предположить поначалу. И в итоге оно перевешивало все. И не было уже возможности как-то

разрешить вопрос. Нежели чем только еще больше погрузить себя в совсем ненужные размышления.

.....

Мне казалось, что я еще мог на что-то надеяться.

Мог, но видимо почему-то не хотел.

Ну, или стремился, но уже самым тайным образом начинал догадываться, что ни к чему это не могло бы привести. И тогда все мои стремления были ничто иной как...

Черт его знает, что это было. Возможно, я и действительно на что-то надеялся серьезное и важное. Угадывая даже какую-то предначертанность судьбы.

Чтобы после, впрочем, разувериться во всем этом. И убедить себя какое-то время ни к чему не стремиться вовсе. Понимая, что все это и не совсем так, как могло бы быть...

Глава 7

Так получалось, что я подозревал, что настоящие события даны мне словно бы для того, чтобы подготовить меня.

Подготовить, это значит, попутно испытай - дополнительно закалить характер. Совсем наверное и не считаясь с моим каким-то желанием. И даже, уже получается, особо и не спрашивая меня.

И видно получалось так, что мне все это и действительно требовалось. Ну или, может, каким-то образом я внушил себе что это так. Подозревая даже, что уже не может быть другого пути. А если все так, то значит так и должно быть. Без каких-либо нравственных возражений.

.....

.....

Так получалось, что мне казалось, что жизнь сама придумывает удивительный калейдоскоп открытий.

И мне уже совсем не хочется разгадывать его. Кроме как представить, что это действительно когда-нибудь станет необходимо мне. Тем самым, я словно бы получал право - играть по новой.

Глава 8

История с Марией имела неожиданное продолжение.

Уже, было, навсегда распрошавшись с ней, я случайно встретил Марию, идущую по Фонтанке, в окружении двух каких-то странных парней, в костюмах, с портфелями, и деловыми взглядами.

Признаюсь, от любопытства я прошел за ними. А когда Мария скрылась с парнями в подъезде - немного замешкавшись, зашел вслед за ними.

Дома на Фонтанке старинные, старые, и практически неухоженные. Поднявшись на несколько этажей, я заметил что Мария со спутниками стучит каблучками выше. (Я еще отметил про себя, что у нее появились каблучки. Раньше она носила исключительно практичную обувь.)

На чердак я подниматься не стал. Мария скрылась на чердаке. Это уже показалось мне немного странным. Пока я не понял, что они таким образом просто запутывают след, и используют чердак, чтобы по крыше перейти в другой подъезд.

Я прислонился к стене и закурил. Дальнейшее мне стало вдруг неинтересно. Я даже начал было ругать себя за подобную глупость (глупость всей этой слежки), как услышал, что хлопнула дверь чердака, и кто-то стал спускаться.

Я решил никуда не уходить. Или устал, или мне вдруг стало абсолютно безразлично, что будет, когда Мария меня узнает. Ведь она сразу догадается, что я за ней следил.

Мимо меня прошли два уже виденных мной раньше парня. Марии с ними не было.

--Наверное я глупо выглядел бы, если бы спросил их о недавней спутнице,--невольюно подумал я.

И все же мне показалось все несколько странным, и я рывком прижал парней к стене.

--Где Мария?- спросил я.

Парни переглянулись, и попытались высвободиться.

Пришлось слегка ударить их затылками друг об дружку.

И вновь прислонить к стене.

--Где Мария?- повторил я вопрос.

--Она осталась там,--решился ответить мне один из парней.

Резко пробив несколько раз по животу и челюсти другого парня, я отключил его, и взяв парня, который ответил мне - повел его наверх.

--Покажешь ее,--сказал я.

Пример, учиненный с его товарищем, видимо отбил у моего спутника желание к сопротивлению.

Мне же надо было убедиться, что с Марией ничего не случилось.

Если бы случилось - я выбросил бы своего спутника с крыши. Мне он был безразличен.

Марии на крыше не было. Не было ее и на земле (я уже подумал, было, грешным делом ужасное).

Я вопросительно посмотрел на парня.

Видимо увидев что-то не совсем доброе в моем взгляде, парень кивнул на парапет.

--Вы ее сбросили?- отчего-то я обратился к парню на вы. От этого видимо опешил он и сам (ну, подобная вежливость как-то не вязалась с моей недавней агрессией), потому что повернулся, и стал смотреть вместе со мной вниз.

--Где Мария?- повернулся я к нему.

--Она ушла через соседний подъезд,--обреченно сказал он.

Я удивился.

--Не врешь?- недоверчиво переспросил я.

Парень сделал неопределенное лицо. Я понял, что он говорит правду.

Мне стало неудобно за мои действия.

--Извини меня,--я протянул ему руку.- Будем считать, что ничего не было.

--Как это не было?- неожиданно нагло ухмыльнулся он.

Это решило его судьбу. Все что я не люблю - это наглость и непочтительное отношение к себе. В данном случае было продемонстрировано и то и другое. Я ударил парня в живот, а потом толкнул его вниз.

--Лети,--зачем-то сказал я. На душе неожиданно стало легко и свободно. О том, что я только что убил человека, я не думал.

--Ну и черт с ними со всеми,--сказал я, спускаясь с лестницы. На первом этаже я заметил спутника убитого. Желая, чтобы он меня не узнал, я отвернулся к стене и постарался прошмыгнуть незамеченным.

--А... Вы... Ты...-услышал я вслед, но не поворачиваясь, прошагал мимо.

Выйдя из подъезда, я зашаг быстрым шагом. Видимо вовремя. К подъезду уже подъезжал милицейский УАЗик.

Глава 9

Можно сказать, что на протяжении собственной жизни я часто (и чуть ли не постоянно) задумывался над тем, почему в моей жизни что-то происходит именно так, а не иначе. И здесь уже могу сказать, что все чаще склоняюсь я к одному и тому же выводу. А именно - моя психика более чем какая иная, находится во власти такой ее характеристики как амбивалентность.

Исходя из данного определения, можно говорить о том, что как бы борются в ней все время как минимум два начала. По одному из них, мне непременно хочется каких-то решительных действий. По мере образования конфликта я преисполнен решимости тотчас же его разрешить. Совсем почти и не обращая внимания на то, каким образом это будет выражаться, и, собственно, во что может вылиться.

Тогда как согласно второй ветви, во мне иногда проявляется филогенетическое влияние учености и

преподавательских склонностей. Здесь уже следует вероятно говорить об интеллигентности, в результате которой я начинаю какую-либо ситуацию (по мере ее возникновения) оценивать с позиции человека наделенного каким-то определенным количеством знаний. А значит, уже невероятно сложно становится мне придти к каким-то способам разрешения конфликта силовым характером. К вопросу я начинаю подходить основательно. В итоге запутываю себя; и само разрешение ситуации как бы уже затягивается, а я, вероятней всего, уйду в сторону. Уже и сам начинаю понимать, что ничего так просто не разрешится.

Я не могу сказать, что и в одном и в другом случае я действую неправильно.

И скорей всего тут уже и на самом деле от меня не так-то много и зависит. Хотя могу сказать, что я фактически стремлюсь разобраться, что же мне все-таки ближе. Хотя и уже не раз убеждаюсь, что какого-либо разрешения подобного противоречия в ближайшем времени не предвидится. Ну, хотя бы потому, что от человека в таком случае мало что зависит. Хотя и, безусловно, уже стремление к подобного рода разрешению как бы способствует постоянной тренировке ума. Что во всех отношениях видимо хорошо.

.....
.....

Нет, конечно же, случилось так, что я словно бы и все время к чему-то стремился. Я шел к цели, веря, что цель мне подвластна. И мне совсем не требуется даже на самом деле прилагать таких уж усилий, в результате которых может

наступить какое-либо замешательство. И меня, собственно говоря, даже отбросит назад.

Нет. Это исключалось.

Глава 10

Ну вот так все и получается, --подумал я. - Вроде как считаешь, что удача уже у тебя в кармане, а она выпрыгивает, прыгает вокруг, и еще над тобой насмехается.

И понимаешь ты, что уже совсем ничего нельзя поделать. А ведь словно бы и пытаешься...

Глупо. Очень глупо, --сказал я себе, понимая что, быть может, вообще и совсем давно уже не прав. А все твои запланированные (и ежесекундно прокручиваемые в голове) способы выживания совсем ни к чему не способны привести. Как только к очередному провалу.

О подобном думать не хотелось.

Я почему-то еще продолжал надеяться, что ситуация приключившаяся со мной на самом деле носит временный характер. При этом я совсем как будто не замечал, что продолжается она достаточно уже длительный период времени. Достаточный, чтобы, быть может, и пора было бы уже смириться. Признав, что на самом деле я совсем занимаюсь не тем. Надеюсь не на то. И вообще...

Что было это вообще - думать не хотелось. При этом видимо я еще продолжал надеяться на нечто позитивное, что должно было приключиться со мной. Да и как-то не верилось, что можно было бы вот так просто взять и отчаяться...

.....

....

Становится по настоящему грустно и пустынно. Мне кажется, что я еще могу как-то переломить ситуацию. Быть может даже кажется, что еще многое возможно.

Но я уже понимаю, что это совсем даже обманчивая уверенность. И на самом деле, чтобы стало возможным то, что сидит и колыхается у меня внутри - нужно нечто, что наверняка уже никогда и не произойдет. А мне так хочется, чтобы именно здесь я ошибался. Чтобы было что-то, что по-настоящему смогло бы вывести меня вперед. Возможно ли это? Нет. Ну, или...-- задумываюсь я,--или покажет время. Время.

.....

.....

Так выходило, что Леонид Невзлин действительно задумывался о жизни. Пусть это было и странно, и может даже нелепо. Нелепо это могло на самом деле только казаться. Потому как, что было на самом деле - не знал никто. Кто-то мог бы утверждать, что знает. Но по настоящему это было не так. И было трудно. Леониду было невероятно трудно осознавать, что жизнь продолжает задавать ему задачи. Разрешения которых он, быть может, не знает совсем. А если и представляет их разрешение, то это все на самом деле обманчиво. Весьма обманчиво. И как оно бывает...

А кто, собственно, знает, как оно бывает? Никто. Почти никто. Потому как тот, кто знает - молчит. Или делает вид, что занят в своих мыслях совсем иным. Чем? Да кто ж вам скажет...

.....

.....

Я подумал, что мне, наверное, легче было бы жить с куклой. Резиновой куклой. Женщиной ненастоящей. И без каких-либо незапланированных причуд и желаний, возникающих у тех женщин, которые периодически бывали со мной.

Что я делал с этими женщинами? Я жил с ними. Жил, и пытался их любить. А также пытался (и, должно быть, очень желал) заставить их любить себя. Ну, вернее, не заставить. Мне тайно хотелось, чтобы у них возникло именно такое желание.

Правда, когда оно возникало, уже почти без моей воли, мне хотелось поиграть с ними. Поиграть, иной раз, изображая даже ненависть. Хотя, конечно же, никакой ненависти ни кому у меня не было. Из тех, с кем я жил. Иначе, зачем же тогда жил.

Было странно, но иногда я и сам не знал, почему жил. Почему жил с той или иной дамой. Почему влюблялся в нее, изначально как будто зная, что полюбить никогда не смогу.

Но вот удивительно. Начиная играть - я влюблялся. И заигрывался порой настолько, что переживал всерьез. Испытывая все чувства, свойственные влюбленным.

И при этом я совсем не был ненормальным. Да было бы и глупо считать так.

И оттого, мне становилось еще грустнее от подобного коварства. Ибо что это еще, как ни коварство. Когда я начинал обманывать женщину, зная, что в душе моей - мне она безразлична. И сначала словно бы делая все, чтобы влюбить ее. А потом показать, что мне она не нужна. И переживать, когда она

решит уйти. Когда я ее, фактически, выгонял. Вроде как, -- и не задумываясь о последствиях.

Или наоборот, зная, что это в итоге причинит мне боль. Боль, которую подспудно видимо и ожидал, и вызывал.

Мазохистские наклонности...

Глава 11

В своих взаимоотношениях с женщинами мне конечно больше всего (и всегда) хотелось какой-то определенности.

И при этом нельзя было сказать, чтобы я так-то уж к чему-то подобному стремился. Скорей всего мне хотелось так думать. Хотелось чувствовать себя увереннее. Хотелось... Да черт его знает, чего тогда мне хотелось. Могу сказать, что многого нам и действительно не дано знать. Притом что когда открываются эти тайны, иной раз становится грустно, что все это так. И хочется повернуть время вспять. Хочется, чтобы чего-то подобного и не было, и никогда не происходило. Потому что... Больно, иной раз, что происходит это как-то так.

.....
.....

Невзлин задумался над вопросом, зачем он вообще затеял вести эти записи. По всему, он начал подозревать, что не получается у него писать о том, о чем он действительно хотел. Ну или... Писать-то быть может и получалось. То, что он этого хотел, тоже видимо не должно было вызывать сомнений. Но вот действительно ли это все выглядело так, а не иначе?

Леониду захотелось разгадать какой-то тайный смысл, заложенный в желании вести подобный дневник. Хотя дневником,

---

конечно, назвать подобное было нельзя. Многое из того, о чем он писал, было выстрадано им когда-то. Сейчас же ему приходилось об этом вспоминать. И наверняка получалось так, что все это совсем уже не вызывает тех эмоций, которые предусматривались... И которые происходили когда-то...

И тогда уже скорей всего это действительно, были просто записи. Записи, быть может, и ни о чем. Стремление даже не передать состояние души, а унять существующую боль. Изжить те страдания, которые существовали. И от которых непременно надо было избавиться.

Хотя уже точно, что сделать это было и не так-то легко. Просто потому, что не всегда легко отказываться от уже существующего в тебе. Так то вот...

.....
.....

Развитие патологии сознания может происходить, видимо, весьма различными способами. Я тут как-то почувствовал, что каким-то образом вокруг меня начинают консолидироваться люди с не совсем адекватной психикой.

Пришлось пересмотреть свое окружение.

.....
.....

--Ты знаешь...--озорной взгляд девушки посматривал сквозь челку.-Я тут кое-что поняла о себе.

--Да? И что же?

--Понимаешь... Мне иной раз начинает неожиданно хотеться очень страстного секса.

--?

--...А когда появляется возможность воплотить все в реальность...

Я слушал более чем внимательно. Ну, или вернее, старался, чтобы мое лицо выражало исключительное расположение к недавней знакомой.

Она больше не продолжила. Помешал, видимо, я. Хватило несколько минут, чтобы мой член уже входил в истосковавшуюся плоть.

.....
.....

С Викой (кажется, так ее звали), Леонид познакомился можно сказать случайно и неправильно. Вика приходилось какой-то дальней родственницей Марии. Марию Леонид с недавних пор совсем потерял из вида. Она не звонила. Их редкие встречи, когда она приезжала словно бы случайно и совсем без предупреждения, прекратились. Вот тут-то и пришла Вика.

На вид Вике было начало двадцати. Небольшого роста, худенькая, с остро торчащими грудками, угадывавшимися в плотно облегавшей ее тело футболке, Вика поначалу показалась Леониду совсем уж недоступной. Создавалось впечатление, что ее внешность разбитной девицы весьма обманчива. А сама она если и приемлет сексуальные отношения, то только лишь с одним мужчиной. И по возможности любимым.

Все между ними произошло в течении получаса знакомства. Даже в первой половине этого получаса. Леонид обхватывал бедра девушке, а та, стоя на четвереньках, жадно налегала на его член. Член у Леонида был упругий, и истосковавшийся по женской плоти. Сексуальные контакты у него

проходили весьма нерегулярно. И фактически помимо Марии, в последнее время у него почти никого и не было. Так, за исключением эпизодических встреч с дамами, имена которых уже напрочь вылетели у него из головы, несмотря на то, что прошло как вроде бы совсем и не так много времени.

.....
.....

--Вы знаете, я больше не приду.

Еще как только он услышал обращение к себе на вы, понял что предвещало это что-то недоброе. Предчувствия оправдались.

--Что-то случилось,--как можно спокойнее спросил он.

--Нет,--девушка отрицательно покачала головой.

--Так в чем же дело?- хотелось спросить ему, но он только пристально посмотрел на нее, попытавшись поймать ее взгляд.

--Хорошо,--сказал он. - Хотя и, если честно, немного грустно. Ты мне понравилась.

--Правда?- обнадеживающим взглядом посмотрела на него Вика.

Интуитивно Леонид почувствовал, что еще все можно вернуть назад. Но у него вдруг исчезло желание предпринимать нечто подобное.

А еще у него промелькнула догадка, что психика у девушки немного неадекватная. Он не любил таких девушек. Можно даже сказать - опасался их.

Вика подошла к Леониду, прижалась, и попыталась...

Он пресек ее внезапную попытку к началу интимной близости. В отношении девушки Леонид уже все решил. Терпеть рядом с собой истеричку не хотелось. Позже, войдя во вкус, -- тут же представил он, -- она начнет выкидывать еще не такие коленца. А еще гляди, и начнет закатывать скандалы.

К скандалам Леонид относился крайне отрицательно. Так же как и к различным формам женских попыток самовыражения посредством истерии и прочих форм начинавшегося безумия.

Однако, пока Леонид размышлял о чем-то подобном, Вика успела расстегнуть у него ширинку, высвободить, надо отдать должное, тут же набухший член, и заключить его в рот.

Леонид решил кончить, а потом уже проанализировать, что бы все это значило.

Не получилось. Вика, приняв в себя поток его желания, быстрым отлаженным движением вытерла губы и убежала. И его начавшиеся мысли перебил телефонный звонок.

Сейчас он уже и не помнил, кто звонил. Потому что почти сразу после этого к нему пришла... Мария.

С вещами.

И сказала, что вернулась окончательно.

Жизнь продолжалась.

Глава 12

Так конечно сложилось.

И может, было даже удивительно. Хотя по всему, я ощущал какую-то удивительную силу в происходящем. Притом что, по сути, какое-то достаточно продолжительное время не мог найти объяснение этому. Пока мне в голову не пришла

удивительная мысль. Потом еще одна. После чего я уже все забыл. Практически окончательно. И мог бы начать новую жизнь. Но... Но с тех пор я все время ждал повторения подобного. И чтобы уже не делал я, мне казалось, что будет не так-то легко прекратить все эти мучения. Ну, так выходило...

Так выходило, я старался не задумываться о происходящем; но именно это происходящее, видимо сподвигало меня на раздумья. И мне приходилось... Да что там. Я уже как вроде бы и всецело принадлежал не самому себе. Кому? Скорее сказать 'чему'? Ибо было это нечто сверхъестественное. Что, быть может, не принадлежало мне. Но уж точно, принадлежал я ему. И, несмотря на мои какие-то попытки (периодически предпринимаемые) выбраться из опутавшей мое сознание паутины - ничего у меня не получалось. Хотя я этого и очень хотел.

.....
.....

Леониду вновь начало казаться, что мир вокруг него пускается в пляс. Нет. Если он хотел, тот, конечно же, отдавал отчет реальности. Даже, можно сказать, полный отчет.

Но вот иной раз на него находили удивительные чудеса. И вроде как и пытался он уже (большей частью случайно) возвратиться обратно. Но понимал сам, что ничего не получится. Какое-то время у него ничего не получится. И ему придется находиться в этом вымышленном мире. Мире фантазий, иллюзий, и суматошного смеха разума. Когда уже невозможно возвратиться в нормальный мир. С адекватной реакцией окружающих. И хочется насладиться (а большей частью изучить) этот чертов мир иллюзий.

А как после него замечательно было возвращаться
обратно!

.....
.....

Невзлин почувствовал, что он вновь погружается в этот
мир.

Как это происходило, он не знал. Поначалу все походило
на игру. И даже какое-то время он еще понимал, что игра как
будто затягивается.

Затянулась.

И невозможно было выбраться обратно.

И он уже подумал, что это навсегда.

А потом отпустило.

А потом...

А потом он научился погружаться в эти состояния.

Правда вскоре уже перестал тешить себя, что приходит в
них по своей воле. Скорей всего он на самом деле и не знал, как
это у него получается. Вроде как находится в одном мире, и вдруг
что-то щелкает в сознании. И понимал Леонид, что мир-то уже как
будто бы и другой. И как вернуться обратно...

Он возвращался. Он, конечно же, возвращался. И даже
понял, что будет возвращаться всегда. Просто видимо стал он
участником какого-то удивительного эксперимента. И как только
он понял это, почувствовал облегчение. Потому что... Ну, потому
что, в принципе, все было хорошо. Так, немного скулила душа. Но
душу-то усилием воли ему получалось успокаивать. Получалось...

.....
.....

Что это был за мир, Леонид не знал. Странно, конечно, но какой-то особой тревоги он не испытывал. Быть может даже убедив себя, что все так и должно быть.

.....
.....

Это мучительное чувство вины то ускользало, то появлялось вновь.

Но когда казалось, что уже не будет избавления от него, оно внезапно исчезало. И наступало даже после этого какое-то просветление. Сознание приходило в норму. И не только приходило ощущение реальности, но и словно бы уже казалось, что нахожусь я над этой реальностью. С полным контролем ее. Чтобы потом, впрочем, вернуть меня обратно.

И уже казалось, что я совсем ничего не мог поделать. Как будто...

Это было недолговечно. Видимо все же сознание не думало навсегда меня отпустить от себя. И я понимал, что все в порядке. Я чувствовал какую-то поддержку. Чью-то поддержку. Поддержку извне. Извне восприятия реальности. И это давало мне необходимые силы. И я чувствовал, что безумие уже не может до конца объять меня. А значит, в принципе, все хорошо. Ровно и спокойно. Хотя и подобное чувство все же было недолговечным. Но я знал, что когда-нибудь мне все равно удастся победить. И тогда уже все будет и действительно хорошо.

Глава 13

Леонид не понимал, почему же ему все-таки так тяжело.

Казалось бы, все в его жизни менялось к лучшему.

Но видимо так уже получалось, что ему совсем не нужны были эти перемены. Все, что ему было нужно, это чтобы события продолжали складываться таким образом, как это было до сих пор. Без каких-либо решающих судьбоносных поворотов. Без чего-либо такого, что могло бы показаться новым и неожиданным.

И было по настоящему грустно от того, что как раз здесь Леонид чувствовал, что он совсем не в силах что-либо поделаться. Изменить ситуацию. Потому что она... Она пускалась в совсем иной бег. Который невозможно было предугадать. Предвидеть начало этого движения. И все было печально. Очень печально.

.....

.....

Невзлин вдруг почувствовал какое-то опустошение.

Такое с ним случалось и раньше. Но он словно бы каждый раз забывал что это так. И когда этот случалось вновь -- испытывал все словно бы в первый раз.

И было грустно от того, что он совсем ничего не мог изменить. Что все происходило в соответствии какого-то удивительного сценария. С невозможностью внести изменения. И необходимостью подчиняться тому, что должно было произойти.

Грустно... Невероятно грустно было что это так. И ведь так хотелось бы, чтобы все это было сном. И когда-нибудь Леониду удалось бы проснуться. И посмеяться вместе с невольными героями этого сна. Этого страшного сна, который захотелось бы поскорее забыть. Постаравшись, чтобы ничего подобного не случилось на самом деле.

Это был не сон. К сожалению, Леонид уже понимал, что это на самом деле самая жестокая правда. И все что он мог... Ничего он не мог. Был не в силах. Не в состоянии изменить.

И приходилось ему подчиняться жестокости происходящего. Жестокости того, что было. Что будет. Что возможно... Что уже было ничего невозможно. Страшно и нелепо от всего. И обидно. Обидно, что это было так. Как? Как это было на самом деле, Леонид не знал. Он не понимал, что это так. Не понимал... Он уже ничего не понимал. Ничего...

.....
.....

Я спасался, пытаюсь вычеркнуть из своей памяти когда-либо появлявшихся в моей жизни женщин. Любое расставание было печальным еще и от того, что за время общения - мы все каким-то образом наделяем себя частичкой души другого человека. Так же как и он, вероятно, заполнялся частичкой вашей души. Но что было для анализа кого-то, когда поставлена на кон ваша жизнь. Ваша судьба. Ваша... Ваша природа. Природа вашей души. Этой ранимой души, на которую с каждым прожитым годом обрушивалось все больше бед и страданий. Притом что какие-либо несчастья на самом деле могли и не происходить. То, что это было так, отображалось, большей частью, в вашем бессознательном. Там, где фактически было неподвластно все. Что можно было только угадывать, без какой-либо уверенности, что все это было на самом деле. Что это может быть. Было... Когда-то это на самом деле и было.

Но мне было совершенно непонятно что это так.

Грустно было от всего этого.

Хотелось избавиться от чего-то подобного.

Но тогда я находился в таком состоянии, когда чего-либо подобного совершить был не в силах.

Глава 14

Леонид решил сменить имя и фамилию.

Среди предложенных собственной памятью вариантов ничего не устроило. Можно было, конечно, еще посмотреть по книгам,--дав себе имя какого-нибудь героя, но внезапно это расхотелось. Расхотелось вообще меня фамилию, имя, и собственную жизнь, которая наверняка бы последовала после переименования.

.....

.....

Мария вновь начала закатывать чудеса.

Она уходила. Возвращалась. Часто была выпившая. Но почти всегда, когда она приходила в таком состоянии, девушка отдавалась с таким пылом и жаром, словно бы хотела загладить за что-то вину. Искупить, совершенную ошибку. И...

Леонид все понимал. Пусть и, не зная фактов, он понимал и... прощал Марию.

Мири было двадцать шесть. Примерно. Принадлежала она к типу женщин, которым вполне можно было дать и начало двадцати, и за тридцать.

Это была высокая, стройная девушка. Вполне среднего телосложения. Совершенно не склонная к полноте. С высокой небольшой грудью и длинными, спадающими на плечи русыми волосами.

Леонид тоже в свои тридцать одинаково выглядел и на двадцать пять, и на тридцать, и на тридцать пять, и даже на возраст около сорока.

Он был чуть выше среднего роста. Худощавый. С черными волосами, спадающей на лоб челкой, и необычайно красив.

Казалось, своей красоты Леонид не замечал. Можно было, конечно, угадать в этом некую особого рода самокритичность. Но за весьма развитой самокритичностью обычно следовала какая-либо из форм патологии сознания. А о нашем герое так думать не хотелось.

.....
.....

Возникал весьма справедливый вопрос: что ждал Леонид от своих отношений с Марией? Ведь уже убедился он, что это была весьма своенравная девушка. Предпочитающая надеяться только на себя. Да и любить, должно быть, тоже только себя.

Хотя и тут достаточно легко можно было найти некий компромисс. Потому как - замечал Леонид, что девушка тянулась к нему. Каким-то образом ей видимо все-таки требовалась его доброта и внимание. Ведь Леонид был весьма добрым, чутким, даже может быть ранимым молодым человеком. Не позволявшим себе в отношении с женщинами чего-то лишнего. Хотя иной раз и что-то восставало в нем. Ну обычно тогда, когда ощущал он, что дальнейшая либеральная политика приведет к чему-то не очень хорошему. И тогда приходилось ему совсем даже не популярными мерами ставить женщин на место.

Здесь вот надо бы заметить, что женщины Леониду словно бы нарочно попадались такие, которым все эти меры весьма нравились. Во всяком случае, не возникало у них какого-либо протеста, неподчинения. Ну или вернее - неподчинение было достаточно показным. После чего -- всеми доступными способами стремились они искупить вину.

И все сводилось к сексу.

.....

.....

Леонид любил секс.

Можно было только представить реакцию его, когда объяснял он кому-то свое нежелание сексуальных отношений с женщинами по причине... Ну, тут причин Леонид находил множество. Фантазия у него была отменная. Воображение работало прекрасно. Так что, в том чтобы найти оправдание - каких-либо трудностей у нашего героя не возникало.

Вообще-то можно уже сказать, что иногда возникал весьма справедливый вопрос: кто кого выбрал своим героем? Потому как Леонид Невзлин и на самом деле представлял собой достаточно самокритичную личность. Человека, который знал что хотел. И...

Ну, вот тут немножечко аккуратней. Потому что так можно было бы судить о Леониде, если окинуть его совсем уж поверхностным взглядом. А на самом деле... На самом деле Леонид был всегда разным.

Да и друзьям своим он казался всегда то одним то другим.

И можно было бы уже действительно посчитать, что вы знаете о Невзлин все. Понимаете его. Можете предвидеть дальнейшие его шаги поведения.

А потом внезапно Леонид выкидывал такое, что все ваши теории да уверенности летели в никуда. И вы понимали, что ничего-то на самом деле вы о нем не знаете. И даже не понимаете, как такое могло произойти. Когда Леонид становился участником различных событий. Наступление которых совсем уж невозможно было предугадать. Просчитать. Предвидеть.

И вы тогда, раздумывая над этим, начинали понимать, что и действительно психика индивида весьма загадочна. И совсем не имеет значение, что кого-то из этих индивидов вам доселе удавалось просчитывать. То было раньше. И вполне может быть даже неправда. А тут, с Невзлиным, надо было делать такие погрешности, что все грозило и вовсе исчезнуть.

Но подобная самокритичность была неоправданна. Все было совсем не так, как это было на самом деле.

Просто потому, что Леонид Аркадиевич Невзлин принадлежал к типу индивидов, которых весьма сложно было просчитать. И не потому, что было как-то сложно, нет. Поступки они делали порой совсем неадекватные. При этом сами были вполне нормальные. Ну, может, с небольшой долей психического отклонения. Которая в обычной жизни была даже и не особо заметна. И проявлялась лишь в критических ситуациях.

Другой вопрос, что для подобных людей критичной могла быть сама жизнь.

Но это уже разговор другого повествования...

24.05.07

Повесть

Размышление о воле

«Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было...»

Екклесиаст 3:15

Глава 1

'Я вспоминал свою жизнь. Я не охотно вспоминал свою жизнь.

Но еще тяжелее было мне представлять жизнь сегодняшнюю. Если бы только удалось оказаться в прошлом, но с тем опытом что был у меня сейчас - я бы сделал все, чтобы такое будущее не наступило.

Тогда я этого сделать не мог. Мне суждено было совершать ошибки, полагая, что это правильные поступки.

Чтобы потом, по прошествии времени узнать, что у меня ничего не осталось. Кроме воспоминаний. Мучительных воспоминаний.

Мои воспоминания были мучительны для меня. И... единственное, что у меня было. Чего бы я хотел желать сейчас.

Судьба забрала у меня альтернативу, не оставив выбора. Решить я мог только одно: жить, продолжать жить, или умереть. Боец от природы, я вновь выбирал жизнь. Зная, что мне придется в этой жизни страдать.

И жил я только лишь одним - что когда-нибудь мне все же удастся победить. Сломать ход судьбы. Сменить направление ее. Я в это верил. Это давало мне возможность жить. И выживать - в этой жизни'.

Роман перечитал написанное. Ему показалось, что он чего-то не сказал. Но что это было? Да и имело ли на самом деле какую разницу, дописал бы он это что-то, или его дневник остался бы без этой записи. Да и важность ее наверняка исчезнет со временем. Так уже часто бывало. Когда он писал, боясь не успеть выразить мысль. Словно в любой момент что-то может оборвать жизнь, которую он как будто и проклинал. И ему казалось, что он во что бы то ни стало должен успеть закончить эту фразу, это продолжение, эту тетрадь.

Потом повторялось все сначала.

К первому году заключения у Романа скопилось десять 98-листных тетрадей. Немного по писательским меркам. Но Роман описывал свою жизнь. Мысли, которые приходили ему сейчас, когда вдруг оказалось сразу столько времени. Когда уже не нужно куда-то спешить. Когда дела, которые на воле он считал важными, необходимыми и обязательными - вдруг исчезли. Исчезло и понятие времени. Оно вдруг перестало состоять из часов, минут и секунд. Было лишь одно слово, одна характеристика, которая вмещала в себя все. Время. Общее время. Которое делилось на время подъема, проверки, завтрака, работы, обеда, снова работы, проверки, ужина и свободного времени. До сна. Потом сон.

Сон в камере, где круглосуточно горел свет, не шел. Не спал он не один. Кто-то смотрел телевизор, играл в карты,

---

занимался любовью с самим собой или с местными гомосексуалистами - петухами, барак и ночью жил обычной жизнью. От жизни на воле его отличало одно: каждый здесь был сам за себя. Никому нельзя было верить. Вас могли угостить сигаретой, а позже попросить за эту сигарету сделать какую-то подлянку. Роман старался ни у кого ничего не брать, и ни с кем не разговаривать. Вскоре его оставили в покое. И он даже заслужил какое-то уважение окружающих. За то, что говорил правду. Но не пер рогом, считая, что что-то можно и обойти. Сделать вид, что не заметил. Если потребуется - ударить. И никому не верить. И никого не бояться. И ни у кого ничего не просить. 'Не верь, не бойся, не проси', -- три основные уголовные заповеди. Их Роман выучил еще на малолетке. Три месяца из своего заключения он провел на малолетке. Всего срок был шесть. На счету банды, в которую входил Роман, были разбои и несколько убийств. Банда была вооружена. Самый маленький срок получил Роман. Двух главарей банды хотели расстрелять. На смертную казнь в России был введен мораторий - им дали пожизненно. Друг Романа, Эдуард, сидел на соседней зоне. Ему дали 13. Он не хотел грабить и убивать. Втянулся. Банда грабила квартиры и дачи бизнесменов. Убивали тех из них, кто оказывался дома и оказывал сопротивление. Роман стоял на шухере. После последнего шухера его взяли. За шухер ему дали шесть лет. Год он уже отсидел.

'Состояние души в такой ситуации быть может самое мучительное. Но если бы я не поверил, что жизнь изменится, я бы прекратил ее. Но пока я верил. Верил, быть может, до конца это не осознавая. И до конца не веря уже в это. Мне не хотелось жить. Если честно, мне не хотелось жить. Но это 'нежелание' я скрывал

от самого себя. Себя я вообще обманывал. И намеревался обманывать в дальнейшем. В том случае, конечно, если это дальнейшее будет продолжаться. В ином случае - я готов был в любой момент прекратить страдания. Убить себя.

Себя я не жалел. Мне незачем было жалеть себя. Когда-то мне хотелось совершить в жизни подвиг. Нас учили этому партия и комсомол. Пока я сидел, партия распалась. Комсомол уничтожили. Новой идеологии в новой России не было. Появится ли она когда-нибудь? Советский человек, ставший российским по воле трех подписавших беловежские соглашения пидарасов стремился к идеологии на генетическом уровне. Можно сказать - внутренне готов к ней. И поэтому если бы нашлась партия готовая взять власть в свои руки...'

Роман остановился. Записи 15-летней давности прервались. Потом они продолжались вновь. Но на тот момент ему, писавшему, писать видимо расхотелось. А может, и так все было понятно. В прошлом ему вообще многое было понятно. Какого-либо здравого понимания там, конечно, не было. Максимум - задатки его. Но Роман не жалел об этом. В своих записях он представлял человеком разумным. Желающим разобраться. И пусть совершавшим нелепые поступки, но он же и нашел в себе силы позже откеститься от них. Признать их ошибочность. Признать, что сейчас бы сделал все иначе.

Сейчас Роман Игнатьевич Максимов многое бы сделал иначе. И быть может, о чем он действительно жалел - что невозможно попасть в прошлое. Невозможно изменить судьбу. Судьбу, которую наверняка бы он заставил жить по другому сценарию. И себя он в этой жизни видел в совсем другой роли.

Может он бы больше наблюдал. Не становился участником, а выбрал бы роль стороннего наблюдателя. Наверняка ему бы хватило и этого. Да и зачем лезть на рожон? Особенно если в последствии выходило, что в большинстве случаев он оказывался неправ. И совершал ошибки.

Как же ему тяжело было от этих ошибок? С каким бы удовлетворением он полоснул бы себе лезвием по венам. А еще лучше по сонной артерии. Чтобы уже нельзя было остановить кровь.

Но судьба всячески противилась этому. Роман даже не погиб в нескольких катастрофах, оказавшись единственным среди выживших. Один раз автобус, в котором он ехал, столкнулся с бензовозом. Взрывной волной его выбросило, и он остался жив. Второй раз его сбила машина. Проснувшись в морге, он понял, что жизнь продолжается. Судьбе было угодно мучить его дальше.

'Я устал... Я устал жить...'

Уже десять минут Роман не отрываясь смотрел на сделанную когда-то запись. С тех пор ничего не изменилось. Быть может, он только устал еще больше. И жизнь не принесла ему каких-то новых радостей. Разве только заставив заплатить за старые ошибки.

Чем Роман Игнатьевич становился старше, тем чаще он находил ошибки, совершенные в прошлом.

Иногда ему казалось, что все прошлое - одна сплошная ошибка. Но против этого восставало логическое мышление. В логике что-то не сходилось. Ведь если бы это была ошибка, то он наверняка бы нашел силы изменить судьбу. Прекращение жизни тоже бы входило в эти изменения. Но если он жил, то получалось,

---

в расчеты закралась погрешность. И вместо того, чтобы делать какие-то выводы - наверняка стоило бы найти ее. Что-то, быть может, изменить в вводных данных. Быть может вообще отказаться от расчетов. Признать их ошибочными. 'Выгоднее признать расчеты ошибочными, нежели чем признать ошибочной свою жизнь,-- подумал Роман. Он уже знал, что так не поступит. И знал, что произошедший сбой добавляет ему несколько дней жизни. Нормальной жизни. В эти дни он не будет думать ни о чем. А значит - существование его будет безболезненным. Хотя бы на несколько дней. Пока не начнутся все эти мучения вновь. У него было время. У него еще было время что-то изменить в судьбе. Чтобы как будто эти несколько дней прошли, а ничего и не изменилось. И можно было продолжать жить обычной нормальной жизнью. Жизнью, которой живут миллионы. Пусть и в своей основной массе они стараются думать ни о чем. Но ведь и он постарается. Он так устал от этих ежедневных кошмаров. Когда стремишься во что бы то ни стало проверить: действительно ли ты сошел с ума, или тебе это только кажется. А, убеждаясь независимо от результата - принимаешься разубеждать себя. И так до бесконечности. С многочисленными повторениями. За которыми следует, меняясь, и твое настроение.

Максимов уставал от этого. Ему хотелось убежать, скрыться от самого себя. Сколько раз он убеждался, что это невозможно. Что он, быть может, и живет эту жизнь только лишь для того, чтобы испытывать мучения. Чтобы в тщетной попытке высвободиться от бесчинств разума - возвращаться обратно. Продолжая жить. И страдать... от этой жизни.

'Мне иногда кажется, что я нащупал что-то важно и нужное. Тогда наступает успокоение. Прежде чем я понимаю, что на самом деле ошибаюсь. И на самом деле ничего не изменилось. Да и уже, наверное, не изменится. Но так всегда хочется верить во что-то хорошее.

Идеалист с мозгами идиота - называл себя я. Идеалист - 'неврастеник',-- хохочет мне в лицо мое 'Я'. А я, сцепив зубы, продолжаю добиваться своей цели, чтобы когда-нибудь, быть может и действительно все изменилось.

И в тайне надеюсь, что это когда-нибудь произойдет.

Не произойдет. Я надеюсь зря. По крайней мере, еще никогда не происходило. И я, удрученный этим открытием продолжал свой суматошный бег по жизни. Чтобы когда-нибудь упасть, и закрыв глаза, провалиться в пустоту. Я так мечтаю об этом. Мечтаю, боясь признаться себе. Я знаю, что моим мечтам не дано свершиться. Знаю, что когда-нибудь я действительно умру. Будет это просто и буднично. Успеть бы к тому времени доделать хоть часть задуманного. Не успею. Я уже знаю, что не успею. С каждым разом я понимаю, что мне хочется большего. Достигая его - понимаю, что это ничто перед тем, что меня ждет. Такой бег можно продолжать до бесконечности. И окончания пробега в обозримом будущем заметно не будет. Каждый раз мне будет казаться, что чего-то главного я не рассказал. Но через время как будто и произнося его, я буду понимать, что это ничто, в сравнении с тем, что я вообще могу сказать. Ничто. Пустота. Меня и на самом деле окружает пустота. Хочется чего-то достичь. Я понимаю, что мне пока не дано знать, в чем это все выражается. Эти знания наверняка бы придали мне силы. Или не придали. Но

мне бы все равно стало бы легче. Ведь любое понимание хоть чего-нибудь, наверняка приближает нас к цели. Даже если эту цель нам никак не удастся правильно сформулировать.

Да быть может важна и не она, а лишь ощущение сопричастности к процессу. А велик ли он или нет, -- на момент нашего настоящего выяснить нам не дано. И даже не стоит пытаться.

Я пытался. Я скептически оценивал свои попытки, но прекращать их не хотел. Не мог. Не был способен. Я вообще, по сути, мало что мог быть способен. Намного привычнее для меня было что-то делать. Я словно бы вынужден был участвовать в игре. Сам придумывая новые правила, чтобы она не прекращалась. Мне всегда хотелось достигнуть большего. И всю свою жизнь я шел к этому. Пусть и окружающие смеялись мне вслед. Кто-то смеялся мне в лицо. По возможности я бил эти рожи. Я знал, что у меня иной путь. Быть может и никому не понятный. Быть может непонятный и самому мне. Но останавливаться я был не намерен. Зачем? Ведь я бы и сам не перешел этого. А судьба подтолкнула бы меня к новым свершениям. Во благо... Я не думал, что в этом есть какое-то благо. Я не был уверен, что оно вообще существует. Я просто хотел чего-то другого. Пусть и абсурдного, пусть и не существующего, но другого. И почему-то был уверен, что этого достигну. Даже если придется прожить жизнь. Иного как будто не дано...'

Максимов закрыл тетрадь. Это была последняя, пятидесятая тетрадь. Он прочитал их все. Все, что писал почти год. И к чему не прикасался десять лет. Ему вообще больше не хотелось писать. Он знал, что это начало конца. Но не верил в это.

Он ни во что не верил. Для него не существовало норм и порядков. 'Плевал я на них всех',-- убеждал себя Максимов. И верил в свои убеждения. Но иного ведь и действительно не дано. А как хотелось бы...

Глава 2

На самом деле Роман не верил себе. Знал, что почти всегда любые его подозрения оказываются ложными. Знал, что должен с этим как-то бороться. Периодически даже пытался. Но к чему-то позитивному это привести не могло. Скорее приводило к чему-то ожидаемому. Причем подозревал Роман, произошедшему бы все равно. Несмотря на его желание-не желание. И надо ли было так-то уж в это верить? Скорей всего и нет. Словно нет, как и вообще отрицание всего приходило к Роману Игнатьевичу, когда у него начиналось прозрение. Тогда наступало ясное видение того, что все, что он сделал - было ложным, ошибочным, неправильным. Грустно стало и от того, что все, чего бы он не сделал в будущем - тоже казалось ему ошибочным и неправильным. Иной раз казалось, что будущего не было. И всякий раз он повторял свои же ошибки. Думая, что это новые. И только после их совершения вспоминая, что такое с ним уже было.

'Сучья жизнь',-- восклицал Максимов.

Но проходило время, и он принимался за старое. Ничего не менялось.

А ему так хотелось этих изменений. Ему очень хотелось изменений. Но они не происходили. И по всему, в обозримом будущем произойти были не должны. А жаль...

Глава 3

На самом деле ничего так быстро закончиться не могло. Это бы противоречило логике. Тому порядку, которому нелепым образом он подчинялся все время. И тогда уже период заключения был лишь одним из этапов его жизни. Жизни, в которой пытался он что-то изменить. Перекроить жизнь. И перекраивая ее по-своему, уже через время начинал догадываться, что на самом деле ошибается. И со временем все предстоит начинать сначала.

Роман задумался. Как-то выходило так, что что его нынешний этап жизни и есть уже эти изменения. Когда-то задуманный, но так до сих пор и неосуществимый поворот. И если предположить, если только предположить, что сейчас все у него на самом деле получится,-- то уже можно было и успокоиться на какое-то время. Да наверняка ведь и не гонять так-то свои мысли. Зачем? Ни к чему хорошему это не приводило. А плохого и так было в жизни достаточно.

'Но вот что любопытно,-- поймал себя на мысли Роман.-В разное время одна и та же жизненная ситуация может показаться и хорошей, а значит в какой-то мере нужной вам, и крайней резко отрицательной. Вы будете стремиться избавиться от нее и от ее последствий. Будете, быть может, переживать от невозможности это сделать. И, несмотря на все - вам покажется как минимум все странным и нелепым. И от ощущения этой нелепости вы будете долго пытаться избавиться. Пока со временем не дезавуалируется ее смысл. И она уже не будет казаться вам таковой. Притом что иногда вам придется задуматься: а была ли она таковой раньше? Не случилось ли раньше проекция вашего внутреннего состояния на предмет, искажающий из-за этого и ваш взгляд, и ваши

ощущения. И вам уже трудно будет отказаться от того, что это на самом деле так и было. Вот ведь как.

.....
.....

Нахождение в заключении повлияло на Романа Максимова. Он изменился. Однако это произошло не сразу. В тюрьме он научился скрывать свои мысли. Это было залогом выживания. Он научился приспосабливаться к другим людям. Угадывать их настроение по мельчайшим изменениям мимики, походки, каким-то как будто случайно брошенным словам.

Максимов знал - случайности не бывает. И каждый из нескольких сотен сидящих вместе с ним зеков хочет жить своей жизнью. Но вынужден подстраиваться под нормы тюремного общежития. И пусть даже на закон и порядок большинству было наплевать. Вся жизнь была подвержена существованию в мире беззакония. Но зеки - умели подстраиваться под режим. Лавировать между совестью и пониманием того, что их загоняют в рамки закона.

Поэтому тем, кто не хотел, чтобы система раздавила его - надо было учиться играть.

И они научились. Многие из зека с легкостью стали бы профессиональными актерами. Если бы захотели изменить свою жизнь. Но свою жизнь они не меняли. Тюрьма и колония становились для многих родным домом. Это тоже была жизнь. Максимов был с этим согласен. По крайней мере, даже если бы он не был согласен - изменить ничего бы он не смог. Но самое главное - в заключении он действительно научился играть и приспосабливаться к жизни. И получил оказавшиеся очень

важными для него знания в психологии. Психологии он учился на практике. Все шесть лет. От звонка до звонка. Причем, каких-то ошибок быть не должно. В случае ошибки - смерть. Это было самое легкое. Некоторых опускали, превращая в женщину. Некоторые просто становились чуханами, чертями. Их никто не трогал, но и запахло было у них что-то взять.

Максимову все время удавалось проходить мимо совершения каких-то косяков, за которые вас могли опустить или унижить. Он делал все грамотно. Но постоянно вынужден был находиться в напряжении. Заключение - это вообще постоянный контроль над собой, контроль над поведением других. В одном месте сосредотачивается сотня мужчин. Никого кроме друг друга они фактически не видят. Со временем, рожи других сидельцев начинают приедаться. Иногда обстановка накаляется до предела. В любой момент может произойти взрыв. Он часто и происходит. Тяжело находиться все время в напряжении. Не у всех выдерживают нервы. И тогда кто-то запарывает косяк. И другие зека взрываются, разряжаясь в крике и в драке, и выплескивая накопившееся. На какое-то время после этого становится легче. Но лишь на время. Очень быстро все возвращается. Вновь подкатывает к горлу ком, и натянуты нервы от ожидания того, что кто-то (и этим кем-то можете стать вы) совершит ошибку; нарушит неписанные тюремные законы. И понесет заслуженное наказание. Во время которого вновь произойдет выплеск из других зека отрицательной энергии. И на какое-то время все успокоится. Чтобы после - сценарий вновь повторился.

.....
....

Максимов не верил, что для него все может закончиться печально. Со временем он просто научился уже так не реагировать на обстоятельства своего заключения. Не воспринимать уже их так. Проще, относиться ко всему проще. Хотя бы видимость такую создавать. И это было залогом выживания. Иного не дано. Если хотите научиться выживать - умейте приспосабливаться к условиям, в которых находитесь. Иначе произойдет несчастье, трагедия, вы потеряете себя, свое будущее, и свое настоящее. Свое настоящее вы вообще тогда подчините какому-то непонятному порядку. Когда разом мир для вас обрушится. А все, что было дорого - потеряет свое значение. И станет для вас безразличным.

Максимов наблюдал таких людей. Очень быстро еще некогда обычные люди скатывались вниз. Теряли человеческое достоинство. Становились ничтожеством даже в собственном восприятии самих себя. И это было самое ужасное. Ужасное, большей частью для окружающих. В шкуре таких людей Максимов не хотел оказаться. Он бы не выдержал. Уж лучше закончить жизнь, чем стать изгоем. Да и сама жизнь в этом случае уже не несла бы в себе какой-то актуальности собственного существования. Она бы стала не нужна. Бесполезна. Быть может даже - не нужна. Никому. В том числе и вам.

.....
.....

Роман начал сжигать тюремные тетради. Ему вдруг захотелось избавиться от прошлого. Если не станет записей, то не станет и документального подтверждения прошлого. А сегодняшние мысли все время изменяются. Завтра они уже будут другими. А пройдет десять лет - и он уже не вспомнит, что думал

сегодня. А тем более забудет, о чем думал двадцать пять лет назад. Мысли смешаются. На то они и мысли, чтобы возникать в невероятно огромных количествах, накапливаясь за десятки тысяч уже прошедших дней. Вспомнит ли кто, о чем думал четверть века назад? А если прошло пятьдесят?

Одну из тетрадей Роман выхватил их огня. Он пропустил ее. Не читал. Сбив пламя, стал исправлять ошибку.

'Грустно мне, что так произошло. Очень грустно. Печальный факт наверняка теперь не изменится. Да и что может случиться в моей жизни еще. Я просидел уже пять лет. Осталось сидеть год. Досижу. Меня уже трудно чем-то удивить. Да и зачем? Зачем? В свои двадцать три я чувствую себя стариком. Видимо от того, что состарились мысли и накопилась внутренняя усталость. В двадцать четыре я выйду на свободу. За плечами будет шесть лет колонии. Впереди будет жизнь. Но эта жизнь будет мне не нужна. Я даже представить себе не могу, что буду делать в этой жизни. Как-то быстро я уже привык к своей нынешней жизни. Это первый год, быть может, было трудно. Или первые полгода. Потом привык. Приспособился. Уже не воспринимал свое сидение как нечто из ряда вон выходящее. Должно быть действительно смирился'.

Максимов отложил тетрадь. Задумался. 'А ведь действительно тогда я был другим',-- неожиданно пришло ему в голову. Роман встал, открыл портсигар, вытащил сигарету, помял ее в руке, задумчиво уставясь в одну точку.-- 'Странно,-- подумал Роман.-Действительно странно...'

На самом деле такой уж чтобы странности не было. Роман и раньше замечал, что он изменяется со временем. Причем, не то

чтобы как-то чуть-чуть, или совсем незначительно. Нет. Изменяться иной раз приходилось чуть ли не кардинальным образом. Так, чтобы уже было и не узнать себя. Другим, он становился другим.

И самое интересное было то, что он всегда очень охотно воспринимал эти изменения. Словно бы они действительно были ему так-то уж необходимы. Причем, было ли так на самом деле - Роман выяснить не мог. Всякий раз, когда уже будто собирался - его что-то удерживало. И это при том, что он, в общем-то, не очень охотно стремился к каким-то экспериментам. Он и сам не знал, что он хочет. С одной стороны ему хотелось элементарного спокойствия. В соответствии с этим его должны были просто оставить в покое. Но в каком-то другом случае он уже хотел веселья и изменений. А иногда еще и драки. Ему было наплевать на все. Ему было наплевать на свою жизнь. Он вообще готов был прекратить эту жизнь. Она была ему не нужна. Может, она нужна вам? Роман был с легкостью готов поделиться. Он не собирался доживать до старости. Ему было достаточно до сорока лет. Больше уже было не нужно. Все что больше -- можете забрать себе. На счастье. Если все это, конечно, принесет счастье. Роман знал, что ему - не принесет. Он вообще уже устал. Устал от необходимости каждый раз, проснувшись, думать о том, что предстоит снова жить. И бороться с этой жизнью. Вновь противостоять какой-то хуйне, которая нет-нет да и начнет лезть в голову. Вновь обманывать тех людей, с которыми жил. В душе давно уже отстав от всех. Ему хотелось тишины, покоя, хотелось думать только за себя, расхлебывать ошибки, которые совершал только он, любить и ненавидеть только себя.

Никого кроме себя Роман не любил. Многих он тихо ненавидел. Одному остаться возможности не представлялось. В молодости он взял обязательства перед обществом. И вынужден был всю жизнь расплачиваться за них. Он устал. Ему хотелось сбросить ярмо, удушающее его. Сбросить, переступить через него, и уйти. Он устал. Очень устал. Быть может, так Роман никогда не уставал.

.....

Максимов уже принял решение. Он знал, что убьет себя. Жить ему не хотелось. Он не знал, как ему жить. Всякий раз, когда к нему подступало желание остановить жизнь, он перебарывал это желание. И через время действительно находилось что-то, что словно бы оправдывало не совершенный поступок. Но проходило время. И он вновь возвращался к одному и тому же. Понимая, и ругая себя и за это понимание, и за то, что он не мог решиться на, быть может, единственно верный поступок в его жизни. Ему не хотелось жить. Ему давно уже не хотелось жить. Но вот так вот просто взять и 'уйти'?

Максимов задумался. Почему он не может сделать этого? Почему все время он на что-то еще надеется? Почему, почему, почему? Как всегда, вопросов было больше чем ответов. Как всегда подсознательно он стремился за что-нибудь зацепиться в этой жизни. Как всегда он начинал думать о том, что что-то все-таки не успел. Не завершил. Словно бы всегда оставалось что-то, что он должен был успеть доделать. Прежде чем решиться на поступок. Самоубийство он считал поступком. И уже потому, что подобное не совершал - считал это поступком мужественным.

'Странно,-- подумал Роман.-Раньше никогда он себя особенно мужественным не считал. Но ведь не считал себя и слабым'.

Находившись где-то в середине, он подспудно тянулся и к одному и к другому. И не решаясь окончательно определиться, ругал себя, в том числе и за это.

Глава 4

Максимов не решился. Он уже знал, что не решится. А тут вдруг послал себя на хуй. Четко и уверенно выговаривая слова.

Это могло бы показаться странным еще и потому, что жить ему на самом деле тоже не хотелось. Но он уже не забывал, что находится в подвешенном состоянии. Как не замечал и того, что изменился.

И еще. Ему захотелось обратно, в свою молодость. Причем он даже был согласен вновь оказаться на нарах. Только чтобы вновь почувствовать себя двадцатилетним. Быть может, тогда бы ему удалось сделать что-то иначе. Изменить окружающую запрограммированность. И наверняка не совершить уже совершенных к этому времени ошибок.

Почему-то Роман был уверен, что это так.

.....

Пожалуй, самыми главными своими ошибками Роман считал отношения с женщинами. Судьба, которая наверняка его вела, всячески уберегала его от знакомства с ними. А он словно бы назло - делал обратное.

Роман теперь все вспомнил. Он сам был инициатором знакомства с женщинами. Причем, ничего кроме несчастий они

ему не принесли. И... он сам был виноват в этом. Всякий раз его словно что-то удерживало, чтобы подобное не случилось. А он, перебарывая свою внутреннюю скованность и закомплексованность - пускался в сексуальный загул. Убеждая себя, что именно это ему и необходимо. И в душе понимая, что это может быть и не так.

Странно... Ведь это и на самом деле было правдой... Он не хотел жить с женщинами. Не хотел спать с ними. Не хотел любить. И самое главное - Роман ведь никогда и не любил ни одну из них. Никогда. Знакомясь, он начинал играть свою роль. Это выходило независимо от его желания-не желания. Все происходило действительно бессознательно. Случайно. Слово от него совсем не зависело. Улыбаясь, рассказывая какую-нибудь хуйню, и начиная шутить - Роман становился невольным участником спектакля. Непроизвольно начинавшегося спектакля. И точно также невольно втягивал в действие свою спутницу. Которую в ближайшее время делал блядью. У него даже начинали сосать член и заниматься с ним анальным сексом те, кто до него как будто подобного и не практиковал. Причем определенный процент был и тех, кто откровенно выебывался. А потом начинал практиковать с ним подобную форму любви.

В свои годы Максимов понимал, что по настоящему нужную ему девушку он не встретил. Каждая из его многочисленных любовниц по прошествии какого-то времени начинали выебываться. Или пытаться подмять его под себя.

Лживые создания! Максимов их ненавидел. Он не мог ненавидеть всех женщин. Подспудно он все же оставлял шанс, когда ему встретится какая-нибудь одна из представительниц,

---

которая своей жертвенностью покроем собой все несчастья,
доставшиеся ему от других.

Он ненавидел женщин. Он презирал их. Пусть и не всех.
Но тех, которые были с ним - он не любил. Так выходило.

.....

.....

Максимов был действительно уверен, что несчастья
происходили от женщин. Словно какой-то злой рок преследовал
его. Знакомясь, он уже знал, что ни к чему хорошему это
знакомство не приведет. Прикидываясь поначалу добрыми,
ласковыми и нежными - через время женщины становились сами
собой. И в душе всецело ненавидели его. По крайней мере так
издевались над ним, что он уже и не думал ничего другого. 'Сучье
племя',-- ругался Максимов.-Лживые и ненавистные создания...'

У Максимова был друг, Коля Васильев. Васильев
откровенно ненавидел женщин. Но и не встречался с ними. Зная,
что ни к чему хорошему это все равно не приведет. Догадываясь,
что они все равно его обманут. С них спадет маска любящих
женщин. И они все равно станут стервами, какой каждая из них на
самом деле и была. Об этом знал Васильев. Об этом догадывался
Максимов. Но в отличие от своего друга Максимов вновь и вновь
пускался на эксперимент. Традиционно заканчивающийся для
него провалом. Он ненавидел их. Живых. Ему нравились
виртуальные любовницы. В этом случае женщины как будто и
были. Но у него не было необходимости жить или встречаться с
ними. И это его устраивало. Невероятно устраивало. Он даже
занимался с ними виртуальной любовью. А они точно также
любили его. Не претендуя на его свободу. Предоставляя ему

ощущение независимости. И всякий раз, когда он осознавал это - Роман Максимов благодарил их. И продолжал с ними переписку.

Вскоре таких женщин набралось несколько десятков. Максимов всем уделял внимание. Некоторых из них безумно любил. С какими-то из них был даже не прочь встретиться в реальной жизни. Но что-то его удерживало от этого. Притом что писал Максимов только правду. С виртуальными любовницами не нужно было лгать. Ведь они были ненастоящими женщинами. В любой момент он мог с ними прекратить отношения. С некоторыми он уже сделал это. С какими-то планировал сделать в ближайшее время. Он вновь стал уставать от женщин. Теперь он уставал от общения с ними. И ему вновь и вновь захотелось оказаться за решеткой. В одиночной камере. Но так, чтобы его никто не беспокоил. Не вызывал на допросы. Махнув рукой на обязательное следование даже в одиночных камерах распорядку жизни. Просыпаться утром, например. Убирать шконку. Принимать пищу по расписанию. Баланду он бы вообще с удовольствием не ел. Но наверное самое печальное было в его случае умереть от голода.

Максимов задумался. Выходило так, что он и на самом деле запутался в этой жизни. Притом что по-прежнему этой жизни он не хотел. Но уже смирился с ней. Приспособился.

.....

..

А за решетку он попал. Через десять лет после окончания первого срока Роман Ильич Максимов получил двенадцать лет строгого режима. Одну из тех блядей, с кем он когда-то жил - Максимов убил. Сбил, сев в машину. Насмерть.

Потом хотел застрелиться. Отобрал пистолет у постового. Но у того не оказалось патронов. Да и пистолет походил на муляж. Постовой оказался не настоящий. Неподалеку снимался фильм. Очередной сериал про бандитов и ментов. Отнимая пистолет, Максимов сломал псевдо-постовому челюсть. Актер простил ему и забрал заявление. Максимова судили только за убийство. Непреднамеренное убийство, как стал он доказывать на суде. Суд ему не поверил. Прокурор запросил двадцать лет. Адвокаты были согласны на пять. Сошлись на двенадцати.

.....

....

Оказавшись на нарах, Максимов неожиданно успокоился. 'Быть может он к этому и стремился'?- подумал он. 'А может, он и ошибался. В очередной раз',-- пронеслось в голове у Романа Ильича Максимова.- 'Черт его знает, как было на самом деле...'

01.10.06 г.

Повесть

Самоидентификация

«Ужас - это не высшая степень страха, это особое состояние»

Лимонов

Глава 1

--Ни при каких обстоятельствах ты не должен сдаваться,-
- в который раз выговаривал Ираклий Вахтангович, уставясь в
глаза своему сыну, Матвею Ираклиевичу.

43-летний сын стоял перед ним, перетаптывался с ноги
на ногу, вздыхал, посапывал, и что-то бубнил под нос. В его
взгляде заинтересованность в отеческих нравоучениях
чередовалась с желанием продемонстрировать собственную
самостоятельность. Ему и на самом деле надоели эти нравоучения.
Но он не мог совсем отмахнуться от них. Потому как и на самом
деле вся его жизнь словно была подчинена какой-то ошибке. А
неудачи не только сопровождали его жизнь, но и встречались
намного чаще, чем, быть может, ему бы самому и хотелось.

И Матвей ничего не мог с собой поделаться. Ему может и
хотелось бы выглядеть умным да уверенным в себе. Но еще чаще -
он смахивал на какого-то дурочка. И ему трудно было изгнать от
себя ощущение, что и вся жизнь вследствие этого была какой-то
дурашливой. И несчастной.

Матвею было сорок три. Ему действительно было сорок
три. Но глядя на него достаточно трудно было определить его
возраст. Потому что с тем же успехом Матвею можно было дать
тридцать пять. А если совсем уж махнуть на него рукой - то и
пятьдесят. Да он и сам знал что в пятьдесят будет таким же, как и
в тридцать пять. Он не менялся. Это раньше он думал, что все
изменится как бы само собой. Ну, может, например, что-то
произойдет такое, что он изменится. И тогда станет проще. Проще
он будет смотреть на мир.

Как бы не так. Проходили годы, а Матвей оставался
таким же неудачником как и был десять лет назад. Да и

пятнадцать. И если вспомнить школу - там он казался таким же. Станным и забытым. И ходил насупленным и задумчивым. Словно бы его жизнь была подчинена чему-то удивительно-прекрасному, что остальные не понимали. А самому Матвею было как-то не досуг объяснять.

Вернее, поначалу было не досуг. А потом он решил что уже поздно. Да и зачем. Все равно не поймут.

'Они не поняли',-- приходило иной раз в голову Матвею.

А может и поняли бы. Если бы объяснил.

Но вот обременять себя какими-то разъяснениями не хотелось. И постепенно он и вовсе отдалился от всех. А потом как-то случайно узнал, что считали его в классе дурачком. А в институте и на последующей работе чертежником в конструкторском бюро - человеком со странностями.

Он и на самом деле был человеком со странностями.

Причем со временем стал таким казаться и себе.

Но вот что могло бы показаться удивительным - Матвей Ираклиевич наслаждался подобным мнением о себе. И даже если поначалу он от него открещивался, то со временем как-то ненавязчиво принял подобное мнение окружающих о себе. 'Ну а почему бы и нет'? - говорил он себе. И в такие минуты ему становилось абсолютно безразлично, что считают его придурком. Его ведь и на самом деле считали придурком. И Матвей это знал. Но прощал обиды. И даже совсем как-то быстро перестал обижаться. Словно бы свыкся с подобным. Ну, не свыкся может. Иногда он и восставал против подобной несправедливости во взглядах на него. Но чаще всего не обращал внимания. Свыкся?

.....
.....

Периодически на Матвея накатывала волна протеста.

В такие мгновения (мгновения, впрочем, иной раз переходили в часы, и даже порой сутки) Матвей Ираклиевич Бомбидянц крушил все вокруг. Хватал какой-нибудь тяжелый предмет и начинал им разбивать мебель.

Мебель в его квартире обновлялась каждые полгода. Если бы его папа, Ираклий Вахтангович не имел бы собственную мебельную фабрику, то возможности с такой частотой обновлять мебель не было бы. Но каких-то попытках объяснения Матвея кому-либо - старая мебель (условно, старая) приходила в негодность. И Матвей ее разбивал. А у папы на фабрике всегда был заготовлен (специально для сына) отдельный комплект. И, собственно, ничего такого уж страшного не происходило. Мебель меняли. Матвея на месяц ложили в больницу. В неврологическое отделение психиатрической клиники. Зав.отделением, Лидия Викторовна, была знакомая Ираклия Вахтанговича. И даже ходили слухи, что в юности между ними была любовь. Ну а теперь им уже было по шестьдесят пять лет. И какая-либо любовь уже была условна. Тем более у Ираклия Вахтанговича была жена. И хотя жена его была на пенсии,-- но на пенсию женщина ушла с должности зам.прокурора области. И при случае могла с легкостью ликвидировать любую соперницу, воспользовавшись старыми связями.

Правда кто-то говорил что когда-то, лет сорок-сорок пять назад, супруга его, Раиса Карловна и Лидия Викторовна были подругами. И не только дружили между собой, но и занимались

любовью с молодым доцентом Ираклием Вахтанговичем. Причем вдвоем -- с ним одним. И подобные отношения продолжались в течении нескольких лет. Пока Ираклий Вахтангович не сделал предложение Раисе Карловне (в молодости блондинке с пышными формами). А Лидия Викторовна (в молодости - маленькая ебливая брюнетка) после этого вышла замуж за инженера, и поступила в ординатуру при мед. институте, который закончила с отличием.

На время их пути разошлись. А потом как-то незаметно они вновь стали встречаться. Но уже по отдельности. Жена Ираклия Вахтанговича занималась любовью с Лидией Викторовной не подозревая, что ее подруга точно также спит с ее мужем. Уже в тайне от нее. Потому как, если бы предложила она вновь устроить трио - еще неизвестно как бы отреагировала законная супруга. А так всех все устраивало.

Да и со временем в своих встречах с любовником врач Лидия Викторовна стала ограничиваться только минетом. Вполне отрываясь с квартетом знакомых музыкантов. Один из четырех был, правда, импотентом. Но трое остальных вполне откровенно трахали ее. Причем часто одновременно.

Глава 2

Матвей недоумевал. Почему ему в голову иной раз приходит откровенная хуйня? И он вроде как и стремился этого поначалу не замечать. Но потом как-то ненавязчиво смирился.

Нет, каких-то кошмаров с Матвеем не было. Они даже ему практически не снились. Все-таки он фактически сидел на постоянных, сменяемых друг друга курсах химиотерапии. Но вот когда лекарства заканчивались... Или же когда он по каким-то

причинам игнорировал их - тогда и начинало в голову его приходиться откровенное безобразие. А сновидения случались такие, что после них у Матвея еще долго стоял член. А от воспоминаний того, что он вытворял во сне с многочисленными девицами - член подскакивал вновь. И если ладошка Матвея не обхватывала раскаленный от желания ствол пениса, сжимая его и совершая нехитрые движения вверх-вниз, Матвей должно быть и вовсе бы сошел с ума. А так,-- кончал и успокаивался.

.....
.....

Я знал Матвея почти двадцать лет. И все эти годы как-то ненавязчиво старался подкладывать под него девиц. Своих знакомых девиц. У меня было много знакомых девушек. Среди них я находил тех, кто бы согласился переспать с Матвеем. Ну или хотя бы сделать ему 'приятное'. Отсосать, в общем. Или лечь на спину, развести ноги, и втащить Матвея на себя. Мол, пусть ебет, наслаждается.

, Матвей желал только анальный секс. На него подобное иной раз находило. И тогда я ему подыскивал соответствующих девиц; любительниц чтобы их трахали исключительно в попу. Причем, стоило заметить, девицы были отменные. Я и сам не раз забавлялся с ними. Хотя речь сейчас не обо мне. И для меня было главное, что Матвеем нравилось. Ведь Матвей был моим сводным братом. И нашел я его, когда ему уже было за двадцать. А мне тогда только исполнилось восемнадцать. И я готовился к службе в Вооруженных Силах. А вот когда уже отслужил и вернулся, тогда и взял под контроль сексуальную жизнь моего нашедшегося брата. Хотя с девушками я его знакомил и когда Матвей приезжал ко мне

в часть. Служил я в спорт.роте. А девушки всегда любили спортсменов.

.....
.....

Поначалу мне приходилось преодолевать сопротивление Матвея. Могло показаться, что он действительно не хотел секса. Но считать так было ошибкой. Вожделение читалось у него в глазах. И то что он хотел секса было также понятно, как то что о сексе он мечтал не совсем обычном. Извращенным, можно сказать. Хотя и до сих пор для меня достаточно спорен вопрос что же считать извращением.

Я уже знал, что в предстоящем сексе Матвей будет несдержан. Правда, это были только мои предположения. Но мои предположения подтвердились уже совсем скоро. Когда моя знакомая, которую я уговорил трахнуть с Матвеем, удивленно рассказывала, как он набросился на нее, не дав даже раздеться. И не успел раздеться сам. Спустив содержимое яиц в трусы.

'Бывает',-- постарался утешить я девушку. Но судя по ее взгляду уже понял, что за брата придется отдуваться мне. Поэтому желая побыстрее с этим покончить, я велел девушке раздеться, и более чем хорошо, как мне казалось, оттрахал ее. А потом еще и еще.

Девушка успокоилась. В ее голосе больше не было пренебрежения к мужчинам. Ну а чтобы это пренебрежение исчезло и по отношению к Матвею, я уговорил девушку попробовать с ним еще раз. В крайнем случае,-- как заверил,-- буду неподалеку.

.....

.....

Моя помощь не потребовалась. Матвей отъебал красотку по полной программе. Она потом сама призналась, что через нее словно прошла рота солдат. Девушка была оригиналка. И я даже иногда задумывался, чего же в ней было больше. Оригинальности или блядства. А потом я вообще подумал, что было бы неплохо женить Матвея на ней. Она ему вроде как приглянулась. Да и по большому счету это была красивая опытная женщина. Тогда ей уже исполнилось тридцать. И она вполне способна была, как мне казалось, из бляди превратится в домохозяйку и счастливую жену.

И мне уже как вроде бы удалось уговорить и ее и Матвея. Но вот в самый день бракосочетания Матвей застал девушку за совсем уж непонятным занятием. Она сидела посреди комнаты. Была обнажена. И занималась любовью с фаллоимитатором.

И быть может это была бы еще совсем ничего (по крайней мере я бы смог убедить брата что в этом нет ничего страшного), если бы в комнате не находилось еще с десяток мужчин. Которые смотрели на то, как девушка всовывает искусственный фаллос между своих широко разведенных ног, мечется, стонет, периодически переворачиваясь на живот, становясь на четвереньки и пытаясь засунуть этот же фаллос между своих ягодиц - и занимались онанизмом.

Матвей охуел. А потом хлопнул дверью и закрылся в ванной. Где не смог удержаться, чтобы не начать драть, вспоминая увиденное. А потом какая-то неведомая сила потянула его взглянуть на зрелище еще. Но как только проходил он мимо одной из дверей (у девушки была 11-комнатная квартира. Подарок

ее папы, который расселял питерские коммуналки), сильные мужские руки обхватили Матвея, втащили в комнату, и...

Матвей не любил вспоминать что с ним вытворяли. Да я, в общем-то, особо и не спрашивал. Догадываясь.

.....

....

А через какое-то время я узнал, что мои предположения оказались с точностью наоборот. И не Матвея насиловали, а это он насиловал нескольких мужчин. А всего в комнате было семь мужчин, дровичших до этого на его голую невесту. Трое из них в итоге невесту стали ебать. Еще двое продолжали дровичь уже смотря на это. А еще двоих мужчин ебал Матвей. Причем как я узнал, со всей жестокостью. Как говорится, и в хвост и в гриву.

.....

.....

Как ни странно, но после этого Матвей пидарасом не стал. Как он меня уверил, это был его первый и последний опыт с мужчинами. Как говорится, исключительно в целях ознакомления. (По типу чтобы попробовать все.) И я, как ни странно, ему верил. Пока не узнал, что после этого он стал регулярно заниматься мужеложством, находя партнеров в Катькином саду. Есть в Санкт-Петербурге такое знаменитое место на Невском проспекте. Неподалеку Дом творчества юных (бывший Дом пионеров). Неподалеку Пушкинский театр. Неподалеку знаменитое Агентство журналистских расследований. А между ними -- Катькин сад. А в Катькином саду - Слава Ларин. Ну, или, Татьяна Ларина. Своего рода культовая фигура. Под таким именем он известен в узких кругах питерских гомосексуалистов и лесбиянок. Именно Слава

(Татьяна Ларина) и поставлял Матвею проститутов. По дружбе. Они, оказывается, давно друг с другом дружили.

Глава 3

Гомосексуализм Матвея меня поначалу и удивлял и шокировал. Я просто как-то не мог представить, что мой сводный брат пидарас. Но в конце концов это многое и объясняло. Объясняло, например, его застенчивость. И даже должно быть хватку. Особенно когда я узнал, что он переспал с любовником Славы - Юрой.

Юра (не помню сейчас его фамилию) когда-то был хоккеистом. Даже играл в молодежной сборной города.

Потом подсел на наркотики.

Потом бросил наркотики и стал пидарасом. И любовником Славы - Татьяны Лариной. Причем мне почему-то казалось, что это Ларина совратила его. Но потом я с удивлением узнал, что Юра как-то напоил Славу и взял у него в рот. У пьяного.

.....
.....

Матвей был скромный мужчина. С каких-либо работ (а он все время пытался где-нибудь работать) его увольняли... Увольняли, как мне казалось, за его скромность и застенчивость. Выполнив порученную ему работу, Матвей стеснялся сказать об этом начальнику. Тот или иной начальник обычно старался не беспокоить столь застенчивого работника. И терпеливо ждал, пока Матвей принесет какой-либо отчет ему сам.

А потом, когда выходили все сроки, Матвея обвиняли в том, что он лодырь и бездельник. А ему было неловко признаться,

---

что работу он на самом деле давно выполнил. Да просто стеснялся об этом сказать.

Матвея увольняли.

Через какое-то время он находил новую работу. Но еще через время - увольняли. И он вновь искал работу. И так могло бы продолжаться до бесконечности. Пока вместе с очередным в жизни Матвея увольнения начальник не стал грозиться, что его отпиздит.

И после этого Матвей уже никуда не устраивался. И окончательно повис на шее у родителя. Притом что на удивление Ираклий Вахтангович не корил нерадивого великовозрастного сыночка. И лишь периодически ему что-то выговаривал. Да и то, большей частью, когда был пьян.

.....

Мне хотелось помочь Матвею. Ко мне в голову периодически приходили варианты, как я это мог сделать. Иногда эти варианты казались более чем реальными.

А, случалось, я даже порывался послать Матвея. Хотя, конечно же, подобного никогда бы себе не позволил. Брат все-таки...

Глава 4

Ираклий Вахтангович давно уже хотел махнуть на сына рукой. Мол, вырос. Пусть теперь сам обустроивает жизнь.

Но всякий раз что-то удерживало Ираклия Вахтанговича против принятия подобного решения. Каждый раз словно что-то находилось такое, после чего Ираклий Вахтангович понимал, что

предпринимать какие-то меры против сына рано. Надо дать ему еще шанс. Чтобы тот стал на ноги, закрепился, хотя как-то закрепился в этой жизни.

И уже вынужденно откладывая репрессивные меры, Ираклий Вахтангович в душе ругал себя. Пытался убедить, что это в последний раз.

Но 'последний раз' все время сдвигался. И через какое-то время Ираклий Вахтангович уже и вовсе вынужден был признать, что какого-либо окончательного решения принять он не в силах. А значит вновь и вновь вынужден будет оставлять все как есть. Без каких-либо санкций со стороны его. Как он считал 'строгого родителя'.

.....

Ираклий Вахтангович на самом деле никогда строгим родителем не был. Он любил своего сына, Матвея. И Матвей был его единственным сыном. Что до меня, то все это сводное родство было нами выдуманно. Просто Ираклий Вахтангович почувствовал, что он как-то перестал находить с сыном язык. И вроде как что-то и выговаривал Матвею, но Матвей словно находился в каком-то коконе. И совсем не обращал внимания на уговоры родителя. Притом что мать он вообще давно не смущал. Друзей у него не было. Ни с кем знакомиться он не хотел. Если спал с девушками, то это часто действительно ограничивалось только сном. Даже о сексе Матвей иной раз забывал. Ну, скорей всего намеренно забывал. Потому и стремился напиться, чтобы уже как вроде бы и оставили его в покое. Своеобразный он был человек, конечно. Тогда то Ираклий Вахтангович и выдумал сводного брата Матвея.

А на роль того пригласил меня. Вернее - предложил, признавшись, что совсем не знает, как выйти из положения.

Я всегда был против какого-то обмана. Мне легче человеку признаться в лицо что я о нем думаю, или не общаться с ним вовсе, чем играть в шпионов-разведчиков.

И поначалу я и высказал Ираклию Вахтанговичу все что об этом думаю. Ну а потом неожиданно согласился. Неожиданно для себя. Уж очень мне было жаль смотреть на поникшего Бомбидянца. И я подал ему руку, улыбнувшись и сказав, что согласен. А он расплакался по-стариковски. Хотя в то время был совсем еще и не старый. Сорок пять лет, какой же старик. Хотя, признаться, Ираклий Вахтангович и в сорок пять выглядел как минимум на шестьдесят. Пил он сильно. И много курил. Хотя и рано пришедшая старость была скорей всего следствием невращения. Потому как беспокоился часто Ираклий Вахтангович уж совсем из-за ерунды. И возводил эту ерунду до масштабов стихийного бедствия.

Как мог - я его утешал. И даже со временем придумал одну форму утешения, которая наиболее нравилась Ираклию Вахтанговичу. Ибо утешали его, в этом случае, восемь обнаженных длинноногих девиц. Худенькие и красивые, они достаточно любопытно смотрелись на фоне грузной волосатой фигуры Бомбидянца. Но на удивление он и действительно после этого успокаивался. Да и начинал, видимо, радоваться жизни. А я уже радовался за него.

.....

То, что я его сводный брат, Матвей поначалу принял с подозрением. Мне даже показалось, что он сдерживался, чтобы не расплакаться от обмана.

Но потом как-то смирился, и даже проникся уважением. Правда, как я понимал, уважение зиждилось почти исключительно на сексе. Ибо каждый раз я подкладывал под Матвея все новых девиц. Которые отдавались ему порой настолько искренне, что он после этого приходил ко мне и признавался, что хотел бы жениться на девушке, с которой только что переспал.

Мне удавалось убедить Матвея, что пока этого делать не стоит. Не мог же я ему сказать, что все его потенциальные невесты бляди. Ну а то, что произошло, после того как Матвей меня уговорил, чтобы я убедил одну из этих девушек выйти за него замуж, вы уже знаете. У Матвея до сих пор стояла перед глазами картинка, как усевшиеся в кружок мужчины драчили на занимающуюся онанизмом его обнаженную невесту. А потом трахали ее. А ему пришлось трахнуть двоих из них.

--Я не думаю что именно после этого ты стал пидарасом, -
- признался ему я.-Скорей всего какие-то задатки у тебя были раньше. То есть, другими словами, ты уже был предрасположен к занятиям сексом с мужчинами. Ну и тот случай просто стал первым...

--Не первым,-- посмотрел на меня Матвей.

Я, вскинув брови, удивленно взглянул на 'сводного' брата.

--Не первый,-- повторил Матвей.-Первый был когда я смотрел порнофильм, где любовью занимались друг с другом

мужчины, и у меня встал член. И я непроизвольно кончил. Ну ('взгляд на меня') помог себе кончить. Рукой.

--Ну, это не считается,-- зачем-то утешил его я, понимая, что это-то как раз вполне можно было и считать первым разом. По крайней мере именно тогда, пожалуй, Матвей понял, что мужчины ему нравятся. Ну, или - мужчины уже не барьер перед ним. И при случае он вполне даст какому-нибудь мужчине позабавляться со своим пенисом. Или начнет играть с его. В зависимости как сложится ситуация. (Пидарасы они такие,-- подумал я.)

Для меня, конечно, были дики все эти гомосексуальные пристрастия Матвея. И по возможности я старался почаще подкладывать под него девиц. В надежде что когда-нибудь ему это понравится больше.

И можно даже сказать, что мы вели друг с другом что-то навроде безмолвной и необъяснимой войны за его сексуальные интересы. Хотя мне пока и приходилось признавать, что побеждал все же он. Но я не сдавался. И верил, что когда-нибудь Матвей перестанет быть гомосеком. И будет ебать исключительно баб.

Глава 5

Пытался переубедить Матвея и его отец. Ираклий Вахтангович правда не догадывался, что его сын весьма разнообразен в сексуальных предпочтениях, периодически меняя своих половых партнерш на партнеров. Но и того что Бомбидянц старший знал, хватало, чтобы иной раз сидеть ему, обхватив голову руками, и переживать что его сын пошел совсем хуй знает

в кого. В черта какого-то рогатого. Если предположить что черт когда-то переспал с его женой.

Мама-прокурор тоже ни о чем не догадывалась. А ей как-то стеснялись сказать, что ее сын гей. И периодически делая облавы на пидорастические тусовки, Матвея всякий раз отпускали. Да им и самим было как-то совестно, что сын их бывшей начальницы - пидор. Но что они могли поделать?

.....
.....

Как-то я подговорил двух знакомых трансвеститов переспать с Матвеем. Оделись они в женскую одежду. И нашли двоих подруг, которых одели в мужскую.

Когда Матвей обнаружил, что у мужчин нет хуя, а у женщин пизды, он охуел. И чуть не сошел с ума.

Я вовремя сообщил его отцу, и он снова определил Матвея в дурдом, к своей знакомой.

.....
.....

Как я понял, Лидия Викторовна, заведующая отделением, Матвея не лечила. Как-то так выходило, что она не считала, что Матвей Бомбидянц болен. И выписывая ему лекарства, как-то невзначай намекнула, что пить их необязательно. Причем выписывала она ему известные таблетки от депрессии 'циклодол'. Зная, что Матвей всегда сможет 'циклодол' обменять на что угодно. Циклодол (или 'цикла' - на языке психов) оказывал наркотическое воздействие. И несколько небольших белых таблеток равносильны стакану водки на пустой желудок. А уж если вы выпивали штук десять, то у вас на какое-то время напрочь

слетала крыша. И вам казалось совсем уж несуществующая реальность.

Циклодол Матвей обменивал на деньги. А деньгами расплачивался с санитарями. И те по ночам отпускали его. Главное было уйти после последней поверки (когда заступившая ночная смена всех пересчитывала) и придти до прихода врачей.

Куда Матвей уходил? Да как ни странно практически никуда. Он просто гулял по городу. А когда было холодно -- и вовсе никуда не уходил. Тем более что срок содержания его в клинике был всегда условен. И обычно не превышал месяца.

И все же, как бы то ни было, я не мог согласиться с Лидией Викторовной в диагнозе Матвея. Даже более того. На мой взгляд, Матвей не только нуждался в принудительном лечении, но и по прошествии какого-то времени я уже стал убеждать Ираклия Вахтанговича в том, чтобы он более чем внимательно отнесся к судьбе собственного сына. Пусть на его взгляд тот и не был таким странными (ну то есть странными казались его поступки). Но ведь Ираклий Вахтангович всегда был большей частью занят самим собой. В то время как Матвей Ираклиевич действительно нуждался в заботе.

Так считал я. Пока не догадался, что все-то как раз дурачили именно меня. И я вообще оказался в центре какой-то хитропродуманной комбинации. Причем все было так, что я и действительно поначалу мало что понимал. И о каком-то розыгрыше догадался случайно.

А я, вдруг неожиданно понял, что с того момента как я познакомился с этими людьми - они повели себя таким образом чтобы убедить меня что они - это именно они. Ираклий

Вахтангович - директор фабрики и муж прокурорши-пенсионерки Раисы Карловны. Лидия Викторовна - знакомая Ираклия Вахтанговича и подруга Раисы Карловны. А Матвей - сын Ираклия Вахтанговича и Раисы Карловны. А я?.. Кто же тогда я?..

Да вот в том-то и дело, что никого из них никогда не было. А кто был - так только лишь я. Я, зачем-то накурившийся какой-то дряни (дрянь-то еще ерунда, если бы не психотропные таблетки запитые вином), и от того убравшийся в какой-то нереальный мир. Где и проходили вокруг меня все эти образы. От которых я бы в конце конов сошел с ума, если бы действие препаратов не начало отпускать. И я постепенно не возвращался в мир самой, что ни на есть, реальности.

И по мере того, как происходило мое возвращение, я также начинал понимать, что скоро начнется совсем обратный эффект. И мне необходимо будет выбирать между уже начинавшимся чувством вины и беспокойством, или же... Или же необходимостью удержать сознание в границах бессознательного. Что наверняка было возможно только новой дозой. А мне не хотелось новой дозы. Так же как и не хотелось мучиться приступами страха. И совсем непонятных сомнений. Непонятных, потому что реального повода возникновения их не было. Все больше выдуманные предлоги. И я знал, что очень-очень сложно будет мне от всего этого избавиться. Разве что рубануть лезвием по венам. Или броситься под поезд. Но ведь и то и другое глупо. Да и неинтересно. Во мне видимо все же достаточно существенно были развиты мазохистские позиции. Потому что нравилось как-то пребывать в тех мучительнейших состояниях, во власти которых я так внезапно оказался. И быть может ничего на самом

деле не было этого хуже, но вот в том-то и дело, что мне это все и действительно нравилось. Нравилось настолько, что я совсем не мог от чего-то подобного отказаться. И единственно что мне хотелось, чтобы все продолжалось. И чтобы мне никто не мешал.

И уже это по всему могло показаться самым что ни на есть ужасным и по-своему загадочным. Но ведь и ничего иного как будто не дано. Так что же мне оставалось? Терпеть? Свыкнуться с подобным положением, и совсем не стремиться ни к чему иному? Или все же начать предпринимать какие-то варианты к спасению.

И самое важное, наверное, было попытаться разобраться, от чего же я должен был спасаться? От кого сбежать. От себя?

.....

.....

Как ни странно, от себя убежать не хотелось.

Но почти точно так же я не мог использовать и ничего непонятного для меня. Просто потому что в таком случае я просто бы через время загнал сам себя в западню. Из которой наверняка бы уже и не выбрался. Ну или на это пришлось бы положить слишком много не нужных усилий. Совсем не нужных. Притом что я вполне мог признаться... что не хотел.

Глава 6

Матвей Ираклиевич Бомбидянец был я. Почему-то подобное я осознал как-то внезапно, и ужаснулся этому. А потом заставил себя в это поверить. Но как-то не хотелось в это верить.

А еще чуть позже, я понял, что стал заложником самоидентификации.

И после этого разом обрел себе родных. Ибо с полным правом мог считать (это было следствием логической цепочки) что Ираклий Вахтангович Бомбидянец мой отец. А Раиса Карловна - мать. И я как-то быстро признал это. А признав, точно также быстро отделился от них.

У меня была своя жизнь. У меня была новая жизнь. И что могла принести мне она - я совсем не догадывался. Да и, наверное, предпочитал об этом и не думать.

30. 10. 06

Повесть

Схожесть желаний

«За последние годы я усвоил мудрую истину: все девушки одинаково годятся, чтобы с ними жить. Берите любую, не ошибетесь».

Э. Лимонов.

Глава 1

Он подходил к пустым витринам.

Потом убегал от них... Подходил вновь.

Ему не верилось, что того, что он собирался купить - теперь не было. И предательская мысль, что этого уже никогда и не будет - закрадывалась в его голову.

Сначала закрадывалась медленно, с опаской, неуверенно. А потом, проникнув, уже начала (достаточно неприятно для него) свое господство.

--Хм... А ведь когда-то у него получалось от подобных мыслей избавляться,-- мужчина на миг задумался (даже как-то неестественно закатил глаза вверх), вероятно вспоминая то время. - Да. Тогда у меня получалось,-- улыбнулся он.- Наверняка получалось,-- проговорил он, уже немного неуверенно.

Конечно же, он помнил то время.

Можно даже сказать, что Сергей Аркадиевич Вышеславцев помнил всю свою жизнь. Хотя лично он бы, наверняка, поостерегся от каких-то категоричных выводов. И - утвердительных, разумеется. 'Ничему нельзя верить',-- вот некий девиз его жизни. Вернее,-- ставший таковым в последние лет десять (из его тридцати пяти лет) жизни.

--Почему нельзя верить?- Вышеславцев словно бы еще раз прошептал эти слова. Мучительные, в своем роде. Потому как - доставляли они ему самые мучительные раздумья. Раздумья, которые когда-либо только могли прийти в его голову.

Но он ошибался. Немного ошибался. И на самом деле,-- подобные мысли (схожие по мрачности содержания) достаточно часто приходили к нему. Настолько часто, что уже можно было чуть ли не утверждать, что вся его жизнь в последние годы как раз и состояла из подобных... Мыслишек,-- как презрительно он позволял себе называть их. И в душе, должно быть, Сережа Вышеславцев с удовольствием бы и поборолся со всякой подобной нечистью, заполнявшей его мозга. Поборолся бы... Если бы...

Нет. Смириться он, конечно же, не мог. Смириться, - значит заранее признать, что дальнейшее противостояние лезущей

в его голову 'гадости' уже невозможно. И уже как вроде бы ничего и не остается, как...

--Черт-те - два! - вскричал Вышеславцев (и, должно быть, для достижения должного эффекта еще и выругался. Матом. Смачно и красиво вычеканивая фразы, от которых даже испытал какое-то внутреннее удовлетворение).--Вот же блядский рот,-- повторил он, и неожиданно вспомнил как совсем недавно к нему в кабинет зашла недавно им принятая на работу сотрудница, и только успела подойти к столу - тут же опустилась вниз, и принялась сосать его член. Его член тогда принял такие размеры, что Вышеславцеву казалось, что еще немного - и тот лопнет. Вероятно сказалось несколько недельное воздержание (когда он хотел что-то доказать себе, и намеренно не приглашал проституток, которые уже несколько лет обслуживали его. С того момента как Вышеславцев получил назначение, став вице-президентом фирмы, и теперь мог себе позволить некоторые дополнительные финансовые расходы). А может эта сотрудница, с ее пухлыми губами и каким-то уже изначально блядским выражением лица, будили в Сергее Аркадиевиче какие-то новые эмоции. И уж наверняка, вызывая сексуально-эротические переживания, базировавшиеся на схожих ассоциациях (точнее,-- являющиеся следствием их).

--Ты действительно блядь,-- сказал тогда в порыве страсти Вышеславцев (уже после того, как страсть была удовлетворена), а девушка почему-то обиделась. Ну, или, разыграла удивление,-- подумал тогда Вышеславцев, решив, что она это делает намеренно, чтобы он ей повысил зарплату.

Но зарплату он ей и так повысил. О необходимости повышения зарплаты ему сказал его шеф, который как раз и был президентом фирмы, и которому наверняка эта девица проделывала нечто схожее.

.....

.....

--Минет ни к чему не обязывает,-- считала Лена Михайлова, первый раз попробовав сделать нечто подобное еще учась в школе, и неожиданно - выждав момент - припав губами к члену учителя географии. Тот видимо настолько опешил от этого, что тут же предложил девушке выйти за него замуж.

Через год, уже семнадцатилетняя Лена действительно вышла замуж за двадцативосьмилетнего учителя. И судя по тому, что ребенок у них появился лишь через пять лет после этого, можно было решить (ну, сразу скажем,-- решил так Вышеславцев, которому Лена рассказала свою историю 'любви'), что как минимум четыре года учитель получал исключительно оральное наслаждение (ну, может быть, конечно, с анально-генитальными вариациями. Это Вышеславцев допускал). И лишь только представил он это - как тотчас же вызвал по селекторной связи Михайлову, и уже без всяких сантиментов приказал сосать.

Потом он удовлетворил чуть иным способом свою страсть. И подождав пока Елена оправит юбку - смущенно уставился в окно. Ему всегда было почему-то стыдно, когда он использовал для собственного наслаждения какую-нибудь девушку. Уж очень явственно он начинал испытывать после этого чувство вины. И обычно только рюмка-другая коньяка спасала его. Ну, или, новая страсть. Или... или скандал.

Недовольство и как следствие этого - скандал - были еще одной страстью Вышеславцева. Ругаться он любил. Но стоило ему только начать ругаться, и уже достаточно трудно было остановиться. А, ругаясь, Вышеславцев испытывал настоящее наслаждение. Иной раз и несравнимое с тем, что рождалось у него в результате страсти.

.....

.....

Лена тоже иногда думала. Но обычно старалась подобным себя не утруждать. И уже как оптимальную (и проверенную временем) защиту от неких мучительных состояний, которые нет-нет, да и начнут возникать в ее голове - она нашла в сексе. Ну, если быть еще точнее, в оральном сексе. И стоило только какой-нибудь 'гадости' начать крутиться в ее голове, как Лена тот час же поводила глазками. Находила какого-то мужчину (ну или женщину, если уж совсем не оказывалось поблизости мужиков), и без всякой предварительной подготовки - опускалась перед ними на колени, и принималась сосать. А сосала она так, что у всех, с кем хоть раз Лена проделывала подобное - 'вставал' -- уже от одних воспоминаний. (А кто-то чуть ли и не кончал, вспоминая ту бурю страстей, которая разыгрывалась когда-то).

.....

.....

Носила Лена ярко красные короткие волосы. Была худенькая, невысокая, с торчащими в разные стороны 'озорными' грудками, подтянутым животом и ягодицами, -- ну и вообще-то фигурой она была обязана почти двенадцатилетним занятиям

художественной гимнастикой (была даже призером первенства Европы).

.....

Виктория зашла в кабинет, окинула сквозь очки обстановку, села в кресло, и только тут почувствовала, что по настоящему устала.

Это была высокая, сорокапятилетняя женщина (выглядевшая на 'начало тридцати'), как мы уже заметили -- в очка, с красивым, и даже больше строгим и властным лицом.

Больше всего на свете Виктория любила когда ее 'брали' сзади.

Испытывала она тогда настоящее наслаждение. И успев 'кончить' несколько раз,-- всегда с удовольствием успевала еще раз, уже только от одних воспоминаний об этом.

Нет, конечно, секс был не одной ее радостью. Быть может ее 'радостью' еще были двое детей (мальчики учились в Англии, где сейчас жил бывший муж, который когда-то был бизнесменом в России, и развод с Викторией у него совпал с попыткой возбуждения против него уголовного дела. От прокуратуры удалось откупиться. Но он внял совету майора, занимающегося его делом, и уехал на Запад. А через время забрал с собой и детей. Учиться. Мальчикам было по пятнадцать, и после колледжа они должны были поступать в университет. Там же, в Лондоне).

Виктория наконец-то могла признаться, что довольна своим назначением. Теперь всю пресс-службу крупной компании курировала исключительно она, Виктория Олеговна Зехер. (Немного неприличная была у нее фамилия, но Виктория к этому

привыкла. Да и каким-то образом, проблемы с мужиками у нее никогда не было. Те словно подсознательно понимали, что женщина с такой фамилией просто не может постоянно не думать о сексе).

Но она о нем и не думала.

Она жила им.

И наслаждалась настолько, насколько это было возможно.

И каждый раз - был словно последний. И после каждого раза - хотелось еще. И она, в общем-то, никогда себе в своем желании не отказывала.

.....

..

Вышеславцев, в общем-то, женщин не любил.

Но это скорее было как-то внешне. Об этом он мог говорить в кругу своих друзей (как ни странно,-- с его-то мрачным и нелюдимым характером,-- у него было много друзей). Или, например, признаться самому себе.

Тогда как стоило только рядом с ним появиться какой-нибудь женщине, и Вышеславцев уже думал, что неплохо бы ее... Ну,-- трахнуть! Черт побери. Конечно же, трахнуть. И для него не было при этом деления женщин на красивых или некрасивых. Они были для него - женщинами. А он - мужчиной. И...

Не любил подобные состояния Вышеславцев.

Ох как не любил.

Они словно бы говорили о его слабости.

А ему так хотелось считать себя сильным. Но...

.....

Большей частью Вышеславцев, конечно, мечтал о женщинах.

И страсть, которой он с ними предавался - была главным образом страстью - виртуальной.

Даже, быть может, неестественной для него.

Ну и 'неестественной', конечно, по способу ее удовлетворения.

А удовлетворять свою страсть Вышеславцев любил в сугубо 'извращенных' формах. Используя чуть ли не весь арсенал секс-шопа (почти четверть своих доходов Вышеславцев тратил на то, чтобы весь этот 'материал' приобрести).

Ну и к тому же Вышеславцев отчасти был еще и 'голубым'.

Хотя и на это утверждение (оброненное кем-то) не соглашался. Признавая себя, в крайнем случае, лишь бисексуалом.

Хотя кто-то сказал ему, что мужчинам он отдается даже с большей страстью, чем имеет женщин. Но Вышеславцев тут же прекратил любые отношения с этим человеком. В душе (себе-то он мог признаться почти что 'во всем') испугавшись, что это действительно так. Хотя и словно бы в оправдание Вышеславцеву можно было заметить, что ни с одним мужчиной он не спал - без женщин. И чаще всего в него 'проникали' уже после того, как он 'входил' в женщину.

Но это уже и на самом деле было то наслаждение, которого Вышеславцев бы не лишил себя ни при каких условиях. Хотя ему и неудобно было об этом вспоминать.

Глава 2

Почти без всяких сомнений Лена Михайлова влюбилась в Викторию Олеговну. И это было для нее столь неожиданно (эпизодические оргазмы с женщинами еще никогда не заканчивались любовью), что несколько дней Лена ходила несколько смущенной и подавленной.

Но ее действительно хватило только на несколько дней. А потом она честно призналась гражданке Зехер, - что любит ее. И попросила ответной любви.

Пришел черед смущаться Виктории Олеговне. Но ей уже было сорок пять. И она решила: а почему бы, черт возьми, и не попробовать?! Но все же поставила единственное условие: рядом с ними должен быть находиться какой-нибудь мужчина.

Мужчин на это 'дело' долго искать не пришлось. Но женщины почти единогласно остановились на кандидатуре Вышеславцева. И вдвоем вошли к нему в кабинет (все трое работали в одной фирме) - предложив 'попробовать'.

Вышеславцева на миг чуть не парализовало.

А потом он попытался овладеть ими здесь же.

Но в условия Виктории это не входило. Поэтому они ограничились только минетом Лены (которая сделала это с большой радостью), и договорились встретиться. Позже. И у кого-нибудь из них дома.

Так как у Лены Михайловой дома был муж (который в этот момент,-- предположила Лена,-- мастурбировал, лежа на диване и просматривая какой-нибудь видео-порно-сюжет), а Вышеславцев не мог был никого привести, потому что у него была ревнивая соседка (которая ему периодически 'отдавалась', дождавшись пока ее муж уйдет за каком-нибудь пустяком -

---

спички, сигарета, рюмочка коньяка - и спускавшаяся с верхнего этажа на нижний,-- Вышеславцев жил под ней), то решено было 'предаться страсти' в квартире Виктории Олеговны Зехер.

Что они, в общем-то, и сделали.

.....

Не сказать, что Вышеславцеву не понравилось. Но он испытал какие-то двойственные чувства. А когда принялся анализировать произошедшее, то понял, что все дело вероятно в том, что и Лена и Виктория - заметно отличались по своему характеру.

Лена... Лена была словно бы заранее - согласна на все. Любые сомнения она трактовала в пользу мужчины. Старалась всецело ему принадлежать. И не выказывать своим поведением у него недовольства.

Виктория же - наоборот. Большею частью была недовольна поведением мужчины. И ей отчего-то казалось, что мужчина в своих фантазиях - трахает не ее, а какой-то (неведомый ей) образ. Образ совсем другой. Быть может даже чуждой ей женщины.

И если поначалу она 'заводилась' как раз от этого,-- то потом словно бы наступило разочарование. А бывшее наслаждение от секса - могло и вовсе сойти на нет.

--Истеричка она,-- подытожил свои размышления Вышеславцев. Но вспомнив как она выгибала спину, чтобы он максимально глубоко вошел между ее ягодиц (очень даже упругих таких холмиков,-- сладострастно закатил глаза Вышеславцев),-- он вроде как уже готов был ей и все 'простить'. Тем более Виктория уже чуть позже (Вышеславцев еще находился 'в ней') припала

губами к тому месту, которое Лена, раздвинув ноги в шпагате, приготовила словно бы для нее (ну или для Вышеславцева, который 'зашел' туда чуть позже), и Сергей Аркадиевич, скашивая глаза в стремлении 'поймать ракурс', кончил, наверное, так, как до того редко когда кончал. И за это он тоже мог простить многое. А может уже действительно и 'все'. Тем более, что уже понимал, что тот негатив, который привиделся ему - и на самом деле должно быть привиделся. Показался. Фикция это было все. Неправда. Тогда как 'правдой' было то, что эти две женщины - принадлежали ему. И он бы, наверное, мог с ними делать все что хотел.

А если не делал, -- то причину в первую очередь следовало искать лишь в его комплексах.

Да и ведь на самом деле, -- 'закомплексован' он был - ужас как. Порой пугаясь сам - себя. Но еще больше - пугая других. И в такие минуты казалось ему, -- что может, и жить-то не стоит (чтобы так-то мучиться!).

Но Сергей Аркадиевич пересиливал себя.

На время успокаивался.

А потом, как вроде бы, все начиналось снова. И уже, конечно же, ничего с собой поделаться он не мог.

А жить так дальше - не хотел.

Но... словно бы был вынужден.

И понимая, что все условия судьбы словно бы принимает не сам (не сам по себе), а вследствие того, что так, вроде бы, быть должно, -- только тогда Сергей Аркадиевич Вышеславцев по настоящему успокаивался. И какое-то время был действительно спокоен.

Пока какая-нибудь очередная 'глупость' не набрасывалась на него. А ему не приходилось все 'начинать сначала'.

.....

Виктория была не такая.

У нее, наверное, совсем не было схожести с Вышеславцевым. Да и разве должна быть какая-то схожесть? Она словно бы жила своей жизнью. И если периодически что-то и 'накручивала' себе, - то совсем не видела в этом причины к каким-либо переживаниям. Не только воспринимая все - 'как должное',-- но и уже заранее ища какие-нибудь компромиссы. Чтобы чего-то похожего (в дальнейшем) - не повторялось.

Нет, конечно, она была подчинена страсти. И знала об этом. Но еще вернее,-- что это все происходило с ней как бы 'между прочим'. А то и - очень даже 'ненавязчиво'. Так, что если даже Виктория Олеговна и не в силах больше была сдерживаться, не ощутив как нечто упругое и живое проникало между ее ягодич, - то она это воспринимала больше даже с улыбкой. Как нечто - 'само собой разумеющееся'. И в то время, когда мужчина ждал благодарности, мол, как он ее! - она-то как раз - как ни в чем не бывало, а то и несколько даже удивленно - смотрела на него. Так, что на лице мужчины последовательно проступали: удивление, смущение, негодование... А она (может даже и с подсознательной любовью) смотрела на него, недоумевая: что это он? Так-то реагировать!? Ведь 'по ней' -- ничего особенного и не произошло. Ну - оттрахали ее! Ну - быть может даже и 'отымили' 'по полной программе'. Ну и что?! Что нового-то?! А тем более - что тут может быть удивительного для нее?! Лет с четырнадцати ей уже

нравилось заниматься этим. А с пятнадцати, - так она и вовсе несколько лет (до своего первого замужества; всего Виктория выходила замуж пять раз) практиковала почти исключительно групповой секс. И испытывала при этом несказанное удовольствие! Словно бы и не зная (а должно быть, и действительно не зная), -- что может быть лучше этого?!

Виктория любила секс. И он платил ей взаимностью.

.....

.....

Лена с неким пиететом относилась к занятиям любовью. Считая это - неким 'таинством'.

Что не мешало ей, впрочем, при первом возникновении желания - припадать к члену мужчины (чаще всего - хоть немного знакомого мужчины). Удовлетворяя свою страсть. (Окончательно страсть удовлетворялась - когда мужчины разряжался ей в рот своим содержимым 'желания').

И быть может покажется удивительным, - но Лена несколько не комплектовала по поводу необходимости удовлетворения собственной страсти. И при этом (вот она - загадка!) -- испытывала настоящее уважение к сексу. Считая его... Ну это для нее всегда делом было важным и возвышенным. Нужным. Конечно же, нужным.

Глава 3

Сергею Аркадиевичу Вышеславцеву по большому счету было наплевать на все, что происходило вокруг.

Вернее - он все время собирался себя приучить - 'привыкнуть' к такому отношению.

Тогда как на самом деле - все было почти с точностью наоборот. И порой несколько лет он мучился, переживал, пытался, быть может, даже 'приспособиться' к внешним обстоятельствам. Неким внешним обстоятельствам. Которые словно бы 'сами по себе' -- 'набрасывались' на него. И он (не в силах 'принять игру') - поддавался им. Сникал, разумеется. И плакал. Плакал от боли - собственного непонимания. Непонимания этого самого окружающего мира.

Который, казалось, был настроен по отношению к нему - исключительно отрицательно. А то и враждебно. Очень даже враждебно.

Сергей Аркадиевич чувствовал это.

Переживал из-за этого.

И, разумеется, ничего не мог с этим поделать. То есть, уже получается, как бы - был неспособен.. Переживая и расстраиваясь, в том числе, и из-за этого. Но что он мог поделать? Действительно, неспособен был что-либо поделать. Ни-че-го.

Но считать так - значит, по сути, ошибаться уже изначально. (И должно быть сознательно).

Ведь где-то в глубине души - видимо даже сам Вышеславцев - считал уже иначе. И словно бы 'подтягивал' то восприятие действительности (будем условно считать - некую проекцию мира внутреннего,-- к миру внешнему), которое было у него внутри (таясь где-нибудь в подсознании),-- к миру... к внешнему миру, в общем. И выходило, что словно бы и уже оправдываясь за то, что это происходит так - Вышеславцев именно этого и желал. Как раз этого и желал. Полагая, что то, что

происходит с ним сейчас - ну, как бы только сейчас и происходит. И это не значит, что так будет всегда. Постоянно. Всегда. Хотя?..

Нет. Вышеславцев понял, что запутал сам себя. Ведь такого на самом деле происходить не должно. Просто не могло так все происходить. И уже почти однозначно - требовалось что-то менять. Вносить коррективы. Пытаться, быть может, как-нибудь иначе скомпоновать жизнь. Заставляя событийные моменты этой самой жизни - корректировать... Нет. Наверное даже - втаскивать в узкие рамки (достаточно узкие рамки) действительности. От которой он все время стремился куда-то сбежать. Словно бы уже изначально опасаясь принять на веру происходящее. И словно бы...

--Черт побери,-- выругался Вышеславцев, понимая, что сейчас он себя уже запутал окончательно.

--Ты что-то сказал,-- Анджела слегка приподнялась на локте (так, что пробивающаяся из полуночного окна луна выхватила ее грудь и часть лица, на котором сохранилось умиротворенное выражение присущее Анджеле когда она спала), заспанными глазами всматриваясь в темноту комнаты.

Вышеславцев, было, испугался, что невольно потревожил сон девушки, как вдруг засмотрелся на нее, вероятно, увидев в ней что-то такое, что он раньше и не замечал. Ну, или, просто не обращал внимания.

Чтобы не пускаться в новые раздумья (вызванные неожиданно открывшимся 'видом'), Сергей Аркадиевич нырнул под одеяло к Анджеле, прижав ее обнаженное тело к своему, и тут же почувствовал постепенно 'просыпавшееся' в нем желание.

--Ты хочешь? - осторожно шепнула девушка, но мужчина не дал ей договорить, уже всасывая в себя ее плоть, уткнувшись головой между ее ног, и слегка поддерживая ее бедра руками.

...Дождавшись пока девушка начнет извиваться, то сжимая, то разжимая пальцами его кучерявую голову, Вышеславцев медленно приподнялся на локтях, и вошел в нее. 'Место' уже, как говорится, было 'подготовлено', поэтому, скользнув меж ее раскрывшихся от 'желания' 'губ', орган любви Вышеславцева (хороший такой 'орган'; крупный, длинный и горячий) вошел почти до упора. Девушка, застав от неожиданности (до этого никогда 'полностью' он в нее не входил), крепко обхватила ягодицы мужчины своими ступнями, словно бы приглашая к дальнейшим действиям.

Но он совсем не собирался 'отступить'. А наоборот, начал медленно набирать обороты. То на миг приостанавливая движение, и словно бы замирая на месте, то пускаясь с новой силой отбивать свой чудовищный ритм внутри жаждущей подобного женщины.

Анджела исходила на крик, кусая губы, подушку, слипшиеся волосы, самого Сережу Вышеславцеву (как она называла его в порыве страсти),-- тогда как в обычной жизни, студентка второго курса Анджела Турина, конечно же, не могла назвать своего преподавателя по имени: Вышеславцев два раза в неделю читал лекции на факультете журналистики), и все не могла и не могла насладиться тем удовольствием, внутри которого давно уже купалась, и которое до сих пор еще - все нарастало и нарастало в ней.

А Вышеславцев, на удивление, был абсолютно спокоен. Со своими студентками он вообще всегда был спокоен. Хотя и ему уже давно хотелось съесть стонущую в страсти под ним девушку - целиком. Как бы проглотить ее. Или, обсасывая, медленно поглощая ее. Всасывая, опять же, в себя. И при этом, разумеется, наслаждаясь и самим процессом, и впечатлением, которое он оказывал своими действиями ('умелыми действиями', -- похвалил себя Вышеславцев) на девушку.

Ей было восемнадцать. Ему - тридцать пять. Она хотела выйти за него замуж. Он... Уже примерно десять девушек и женщин хотели выйти за него замуж. И он даже не задумывался: почему именно за него? Быть может даже, он это внушил себе. А может так было и на самом деле. Не задумывался об этом Вышеславцев (хотя о чем-то думал он постоянно). Тем более боялся думать сейчас. Ведь с его нервной системой - могло и желание пропасть. А ему все же очень нравилось удовлетворять женщин. Заставлять их извиваться под ним. Стонать от наслаждения, опять же, -- даримого им. И он даже внутренне поднимался от этого в своих глазах. Чувствовал себя после этого невероятно хорошо. Даже можно сказать - замечательно. И...

Вероятно, так происходило от того, что для таких людей как Вышеславцев - доминирование любого рода, -- есть ни что иное, как повышение внутренней уверенности (того, что им-то как раз всегда и не хватает).

Конечно, можно было сказать, что в этом и не было чего-то хорошего.

Даже вообще, может быть, было в этом что-то и не хорошее.

Но Сергей Аркадиевич Вышеславцев был именно таким человеком. И по настоящему наслаждение получал именно тогда, когда чувствовал, что кто-то находится в некоей зависимости от него. Пусть эта самая зависимость, может на самом деле и не зависимость вовсе. Да и по настоящему зависимость (если все же мы будем допускать, что это зависимость. Но вдруг, как говорится...).

Но ведь так выходило (и ранее мы уже говорили об этом), что уж достаточно явственно в Вышеславцеве прочитывалась садо-мазохистская ориентированность. Этого не только в Сергее Аркадиевиче было, как говорится, 'не отнять', но и уже именно это практически достаточно явственно выражало именно его мировоззренческую позицию. И взгляд на мир как раз сочетался в подобных инсинуациях психики. Когда он уже и не мог с собой ничего поделать. А словно бы даже действительно внутренне наслаждался именно этим. Именно подобным отношением к действительности. Которая, конечно же, и сама относилась к нему подобным образом.

.....
.....

Конечно, Вышеславцев понимал, что он, быть может, во многом и не прав. Допускал, что должен измениться.

Но это - что касалось его жизни, как говорится, в целом. Там же где 'царил' секс - Сергей Аркадиевич меняться не хотел.

Считая это, как минимум, излишним. А по большому счету, - и вообще не хотел об этом говорить. Незачем ему было об этом говорить. Потому что он допускал, что в своих интимных

отношения он мог делать все что угодно. На то эти отношения и были как бы изначально скрыты от глаз окружающих. Да будь Вышеславцева воля,-- он бы и вообще скрыл все от глаз этих самых 'окружающих'. И скрылся сам. Чтобы совсем никого не видеть. И не думать,-- как кто-то будет относиться к нему.

Незачем ему было это.

Незачем.

Да Вышеславцев и сам понимал то.

Глава 4

И все же уже несколько дней Сергей Аркадиевич Вышеславцев не мог отделаться от мысли, что он должен неким кардинальным образом изменить свою жизнь.

Сделать так, что он - хотя бы на какое-то время - 'потерял' себя.

Словно бы 'уснул' -- а потом проснулся, и себя - не узнал.

И ведь не мог он измениться за такой короткий момент. Понимал это. Но... С другой стороны не было ничего (в самом себе), что он бы хотел оставить. Он не нравился себе. Ему неожиданно перестало в себе нравиться абсолютно все. И он хотел изменений.

Он жаждал их. Как когда-то хотел глотка воздуха, нырнув как-то, будучи на море, на дно, и не рассчитав силы - чуть не утонув.

Вышеславцев жаждал изменений. Хотя каких-нибудь. Ему хотелось, чтобы хоть что-нибудь пошло совсем иначе. По другому. Стремился к этому. И, по сути, ничего не делал.

Ну, то есть, Вышеславцев жил как и раньше. В мечтах, и периодически выдумываемых 'заботах'.

И, в принципе, его это устраивало.

Но такой уж он был. Что уж тут еще добавить...

Хотя, по сути, сам бы Сергей Аркадиевич Вышеславцев мог (к самому себе-то!) добавить массу любопытных вещей.

Ну, например, что помимо всего прочего - был он еще и жуткий пьяница. И, бывало, пускаясь в загул от 'случайно' выпитой рюмки водки (ну или коньяка, как он любил; коньяк, заметим, Вышеславцев действительно любил),-- Сергей Аркадиевич не мог остановиться неделями (обычно две-три недели хватало, чтобы пропить все финансовые средства, которые к тому времени накопились - и, горестно вздохнув, заставить себя зарабатывать новые).

Можно сказать, что Вышеславцев действительно умел 'останавливаться'.

Видимо можно даже сказать, что 'останавливаться' -- он любил. И уже даже когда пил (ну, этак, дня три-четыре, быть может пять,-- уже пил) у Вышеславцева появлялось предчувствие, что скоро он 'остановится'.

Да и не 'останавливаться', собственно, было невозможно. Ведь он был загульный человек. И если уж начинал пить, - то должен был пить, как говорится, до конца. Пока не падал вусмерть пьяный (и приходилось откачивать его 'капельницей'); ну или когда уже заканчивались деньги.

Стоит признать, что когда заканчивались деньги, Вышеславцев тоже прекращал пить. Но уже как бы - вынужденно. Очень, быть может даже, переживая за это.

Но тут уже стоило только развести руками. А как же еще иначе? Пить-то без денег,-- было почти невозможно.

Вернее,-- если и возможно,-- то откровенный суррогат. Ну или напрашиваться к кому-нибудь - чтобы напоили.

Но напрашиваться Вышеславцев не любил.

Он вообще относился к себе очень даже... Ну, в общем, себя Вышеславцев любил. А иной раз - и очень даже любил.

Ну и тем более, не терпел он, чтобы - хоть в чьих-нибудь - глазах выглядеть совсем уж... этаким негодяем. Хамом.

Разнуздалим... мошенником.

Нет. Сергей Аркадиевич Вышеславцев был не такой. А он, может даже, и вообще был степенный человек. И к каким-то аналогиям, касаемым своего 'поведения' -- (всегда) относился очень даже отрицательно.

Да и зачем это ему было? Ведь он понимал, что жить ему осталось немного. (Он все время каким-то удивительным образом тянулся к смерти). И не хотел, чтобы хоть чем-нибудь (и хоть когда-нибудь) у него вышло запятнать свою жизнь,-- ну, имеется в виду: поступки в этой жизни,-- чем-то уж совсем нехорошим.

Не такой был Сергей Аркадиевич.

Уважительно относился он к себе.

И как бы рассчитывал, что уважительно к нему будут относиться другие.

.....

.....

Из всех женщин Вышеславцева - самым, что ни на есть, неуважительным образом к нему относилась только Виктория Олеговна Зехер.

Но именно Виктория научила Вышеславцева относиться 'почтительно' к женщине. И она его избивала... ремнем, обычно.

Между ними было всего десять лет разницы, и Виктория Олеговна почему-то всегда относилась к нему очень даже покровительственно.

Что совсем не нравилось Вышеславцеву.

Но что он (словно бы 'вынужденно') терпел,-- потому как знал, что - уже после этого - Виктория позволит вытворять с собой все, что он захочет. Быть может и зная наперед, что независимо от его желания, он 'захочет' только одного: 'разложить' ее на диване, раздвинуть ей ягодицы, и предварительно окунув свой член во влагалище (которое к тому времени уже будет исходить соками любви),-- вести свой мужской (и ужасно эрегированный,-- как и любила Виктория) орган - ей в зад. А как только проникнет он почти до конца (ну а может и до конца?!),-- Вышеславцев начнет буровить ее и буровить; буровить и буровить; буровить и буровить... Пока не кончит.

Притом, что она к тому времени кончит уже несколько раз.

А он, зная, что ей этого 'все равно мало' (да и она была ему благодарна за это, зная, что это действительно так),-- вставит ей еще туда же, откуда вынет свой - уже поникший - член,-- еще и фало - вибратор. И задав тому нужный режим - поможет женщине 'закончить' еще несколько раз.

...Она всегда ему бывала благодарна за это.

И он, как ни странно,-- бывал благодарен ей тоже.

И можно было сказать, что они были счастливы,-- от такого вот 'сотрудничества'

Да и, наверное,-- не рассматривали это как-то иначе.

Ведь в обычной жизни они друг друга может даже и ненавидели.

Словно опасаясь - друг в друга влюбиться.

Да и было им кого любить.

Вышеславцев - любил молоденьких девиц.

Она,-- в свои сорок пять,-- любила тоже молоденьких. Но уже мальчиков. Хотя и девочек, в общем-то, тоже. Пусть и не всех. Но вот, например, с Леной Михайловой - ей очень даже понравилось. И после того их совместного случая (когда Вышеславцев был 'третьим'),-- они встречались еще и вдвоем. Причем, Лене-то нравилась одна, в общем-то, форма сексуальных забав. И она, дождавшись, пока Виктория Олеговна усядется прямо на стол,-- заползала ей своими губами прямо под юбку,-- и выделяла там такое,-- от чего Виктория Олеговна Зехер - кончала, кончала, и кончала. Заставляя кончать и Лену. Потому что у Лены так уж повелось,-- делала она кому минет или куннилингус - она кончала почти одинаково, чем, если бы тоже самое делали ей.

Ну, это уже особенности ее, Лены, сексуальной жизни.

Хотя, заметим, прямое начальство Лены было очень даже не против такого исполнения Леной своих дополнительных 'обязанностей'.

Да муж Лены был только 'за'.

Хотя и от мужа уже давно было лишь одно название.

И совсем не удовлетворял он Лену уже давно.

Но вот как раз мужа - она почему-то любила. И даже совсем не знала 'почему'? - но любила. И...

.....

..

--Скажи,-- Вышеславцев навис над открывшим ему дверь своей квартиры мужем Лены Михайловой ('муж', не ожидая увидеть Вышеславцева, присел от неожиданности).

--Скажи,-- Вышеславцев пустился с ходу в карьер,-- ты отпустишь свою жену со мной в круиз?

--Ка-кой кру-из?- опешил 'муж' Лены Михайловой.

--Отвечать: да или нет!? - закричал Вышеславцев.

'Муж' неожиданно заплакал.

Вышеславцев переступив через него, прошел в квартиру.

Иногда на Сергея Аркадиевича 'находило'.

И тогда он становился груб и невежественен.

--Вы... Вы...-- пробовал что-то сказать 'муж', и... не мог. Наверное, он совсем забыл, что он должен сказать. А еще больше - ему и вовсе не хотелось ничего говорить. И он---

--Значит,-- ты отпустишь со мной свою жену! - подытожил, развалившийся в кресле Вышеславцев.

--Нет,-- неожиданно твердо произнес 'муж'.

--Ну, -- нет, так нет,-- усмехнулся Вышеславцев.- Я так и думал. Я, в принципе, так и думал,-- о чем-то задумавшись, повторил он.

--Нет, погодите,-- совсем растерялся 'муж'.- Если Вы полагаете---

--Я уже ничего не полагаю,-- перебил его Вышеславцев.

--Нет, ну Вы же только что сказали...-- настаивал на своем 'муж'.

--Я ни на чем не настаивал,-- ответил Вышеславцев. - Просто у Вашей супруги намечалась командировка. Вместе со мной и еще одной нашей сотрудницей ('ее непосредственной начальницей, между прочим',-- добавил Вышеславцев). Ну а если Вы ее не отпускаете, то мы вынуждены ее заменить. Спасибо что предупредили.

--Но ведь я---

--Да ладно,-- махнул рукой Вышеславцев, собираясь уйти (и на миг задумавшись: с какого бока следует огибать стоявшего в растерянности перед ним 'мужа' Лены Михайловой? Справа или слева? Совсем дурацкая дилемма. Но с Вышеславцевым такое случилось).

--Нет, нет, я ведь правда Вас не понял,-- обеспокоился 'муж' его любовницы ('сказать - не сказать, что я с ней сплю'? - промелькнуло в голове Вышеславцева). -И я готов---

--Да ни к чему Вы не готовы,-- рубанул рукой воздух Вышеславцев (иногда он становился очень даже решительным).

--Не готов? - переспросил 'муж', который, казалось, уже и вовсе ничего не понимал.

--Не готов! - уверенно ответил Вышеславцев.

--Ну, быть может, и не готов,-- смущенно (опустив вниз глаза) согласился 'муж'.

--Вот и я о том,-- подытожил Вышеславцев.

--А если---

--Что?!

--Ну---

--Что, говорю?!

--Нет, ничего,-- окончательно признал свое поражение 'муж'.

--Да в том-то и дело! - усмехнулся Вышеславцев, и потеснив - тут же посторонившегося - 'мужа' -- вышел из квартиры.

У 'мужа' Лены Михайловой появилась идея зачем-то догнать его. И никуда не отпускать.

Понимая, что это, по сути, глупо - он остался стоять на месте.

Настроение было испорчено.

Осталось дождаться жену - и попытаться хоть что-то - выяснить у нее.

Ну, в том случае, если, разумеется, она захочет чем-либо с ним делиться.

И вполне могло так получиться, что совсем не захочет.

А может и просто - пошлет его к черту.

Несмотря на молодость - Лена это себе позволяла.

Да и 'муж' ее - в общем-то,-- любил ей подчиняться.

Ну так уж выходило,-- что подчинялся он ей всегда.

Находя в этом даже какое-то удовлетворение.

Так-то вот...

А Вышеславцев думал о том, что с 'мужем' Лены - он ни о чем так и не договорился.

Хотя, по сути, он и не знал сейчас,-- о чем должен был с тем 'договариваться'? Ведь все что касалось и командировки, и круиза - он выдумал.

Но иногда ведь он действительно что-то выдумывал. Как вроде бы - и неизвестно почему...

Глава 5

Конечно, Вышеславцев догадывался, что свою жизнь он проживет совсем не так, как она, быть может, того заслуживает. Ну, в смысле, что заслуживает он, быть может, как раз большего.

Но если разобраться, ведь он и не знал ничего. О своей жизни. И ему лишь только иногда казалось. А мало ли что нам вообще кажется?

Но все же Сергей Аркадиевич Вышеславцев был, конечно же, не такой.

И ему, по сути, действительно было на многое наплевать.

А еще вернее - так приучил себя он сам.

И стоило лишь только раз попробовать ему подобное отношение к жизни, - как оно ему понравилось. И он даже больше и не думал как будто бы и не о чем. А стремился уже при любом случае достичь именно такого взгляда на жизнь. Да и смотрел на жизнь наверное...

А ведь смотрел-то он на жизнь под неким раскосым углом. Косым, короче... Но косым как бы на половину.

Хотя мир, разумеется, видел в достаточно искаженном варианте.

И даже может быть - видел лишь частицу мира. Того мира, который открывается всем нам.

Но это уже была специфика его взгляда...

.....

.

Анжелике же казалось, что она Вышеславцева любит.

Ну, быть может конечно, она себе это внушила (это вполне можно допустить, если узнать Анжелику чуть поближе. Хотя вот что касается 'ближе'... Ближе, как вроде бы, и не рекомендовалось).

Но проходило время. Анжела убедила себя, что она действительно влюбилась в Вышеславцева. И она немного расстраивалась, что он в ней видел только объект сексуальных наслаждений ('напившись - об этом ей сказал сам'). И это конечно немного огорчало скромную (в общем-то,-- скромную) девушку. Ведь и спала-то она, быть может, только с одним Вышеславцевым (двое других приятелей, которым Анжела периодически 'давала' -- были как будто 'не в счет'. Любви по отношению к ним не было).

И уже можно вообще было заметить, что - то, что касалось Вышеславцева... Ну, скажем, производил он такое впечатление, что если кто с ним 'спал' -- то это было как бы только 'по любви'. (По мнению тех, кто с ним 'спал'). И женщины влюблялись в Сережу Вышеславцева. И готовы (всегда готовы!) были ему отдать 'самое дорогое'.

Ну а так как 'самым дорогим' для них было то, что у них было между ног (ну или еще в паре мест, куда очень даже любил 'проникать' Вышеславцев),-- то и получалось, что 'даря' нашему герою сексуальные наслаждения - эти девицы немного расстраивались, замечая, что он как будто бы смотрит куда-то еще и 'на сторону'. (В сторону он смотрел и потому, что был от природы косоглаз. И потому, что ему действительно всегда хотелось 'кого-нибудь еще'. Этакая полигамия... От него, быть может, даже и независящая.

А еще Вышеславцев был извращенцем. Страшным и жутким в порыве своего сексуального безумия.

И если у него уже действительно 'вставал' -- то готов был трахаться он без устали. (А быть может и на самом деле - не уставая...).

.....
.....

И все же Сергей Аркадиевич Вышеславцев чувствовал, конечно, какую-то неудовлетворенность.

Постоянную.

Которая базировалась, конечно же, на жизненной неустроенности. Ощущении какой-то собственной ненужности. И... Он не знал, как ему быть дальше.

Хотя, конечно же, Вышеславцеву так дальше жить, быть может, и не хотелось.

Будь на то его воля - он вообще бы стал жить как-то иначе.

Но... он не знал как...

И это была его самая серьезная проблема.

От которой он совсем и не знал как избавиться.

А надо ли?..

02 мая 2006 год.

Сергей Зелинский

© С.А.Зелинский. Страсть – это любовь?

